

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОК ПЕРВЫЙ

Москва
2010

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сорок первый)
М., 2010, 304 стр.

Ответственные редакторы: М.Р. Арунова,
В.А. Исаев,
А.О. Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-215-6
ISBN 978-5-89282-431-6

ISBN 978-5-89394-215-6
ISBN 978-5-89282-431-6

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Р.А.Ахатова	
ЧАДСКО-СУДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	5
Б.В.Долгов	
ДИНАМИКА ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ АРАБСКИХ СТРАН.....	14
Е.В.Дунаева	
ТЕКУЩАЯ РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ИРАНЕ.....	27
С.В.Костелянец	
ПОЛИТИКА США В ДАРФУРЕ	39
Н.М.Мамедова	
2009 ГОД В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	88
У.В.Окимбеков	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ	98
А.Б.Подцероб	
РОССИЯ – АРАБСКИЙ МИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	113
Мрасси Раштда	
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ	131
Л.Н.Руденко	
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ЕГИПТЕ	143
Г.И.Смирнова	
ЗАПАДНАЯ САХАРА: В ОЖИДАНИИ РЕФЕРЕНДУМА.....	150
А.О.Филоник	
КУВЕЙТ: КРИЗИСНЫЙ ПРОФИЛЬ НЕФТЕЭКСПОРТЕРА	160

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ПАКИСТАНУ

**Москва
23 декабря 2009 г.**

В.Я.Белокреницкий

- ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В СОВРЕМЕННОМ ПАКИСТАНЕ 176

С.Н.Каменев

- СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ ПАКИСТАНА И
ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 190

И.В.Жмуйда М.Ю.Морозова

- ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ В ПАКИСТАНЕ 204

Н.А.Замараева

- ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПАКИСТАНЕ (2008–2009 гг.) 213

М.Ю.Морозова

- ПАКИСТАНСКИЙ БЕЛУДЖИСТАН: ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 229

И.Н.Серенко

- РЕФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И УСИЛЕНИЕ
ИСЛАМИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПАКИСТАНЕ 245

В.И.Сотников

- ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА ПАКИСТАНА, ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКОЕ
ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ
РОССИИ 255

Р.А.Ахатова

ЧАДСКО-СУДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Не обладая сколько-нибудь значимым политическим весом, Чад попал в сферу интересов основных игроков современного мирового сообщества совсем недавно, а точнее с начала кровопролитных этнических столкновений в суданской провинции Дарфур, приковавших к себе внимание всего мира. С того же времени начались серьезные проблемы в чадско-суданских отношениях, за каких-нибудь десять лет деградировавших от политики добрососедства и взаимопомощи до разрыва дипломатических отношений.

Для уяснения причин такого развития событий имеет смысл рассмотреть двусторонние отношения между этими двумя государствами в исторической перспективе со времени вступления в должность нынешнего президента Чада И. Деби Итно, уделяя особое внимание фактору влияния внешних международных сил на внутреннюю и внешнюю политику обеих сторон.

Чад в 1990 г. представлял собой одну из беднейших стран Африки, разоренную десятилетиями гражданской войны. Его основной внешнеполитической проблемой на протяжении долгого времени были отношения с Ливией, имевшей территориальные претензии к южному соседу, но не с Суданом. В течение многих лет на территории страны шла гражданская война, где одной стороне поддержку оказывала Франция, а другой – Ливия и Советский Союз.

Ко времени прихода к власти И. Деби в декабре 1990 г. ситуация изменилась – СССР свернул поддержку африканских режимов, а Ливия вскоре взяла курс на постепенное восстановление отношений с Западом. Таким образом, в течение последнего десятилетия XX века Центральная Африка оказалась в стороне от основных интересов ведущих держав. Отсутствие необходимости противостоять росту советского влияния по-

зволило Западу ослабить экспансионистские усилия на этом направлении.

Как следствие, страны региона оказались предоставлены сами себе, что помогло уладить многие спорные вопросы и нормализовать отношения с соседями. Отношения Чада с Суданом в данном контексте можно назвать образцово-показательными. До 2003 г. ежегодно проводились сессии большой смешанной чадско-суданской комиссии по сотрудничеству. Судан являлся одним из привилегированных политических партнеров Чада, в 2000 г. суданская компания КОНКОРП без проведения тендера получила право на строительство в Нджамене нефтеперерабатывающего завода, был запланирован масштабный проект по прокладке нефтепровода из Чада в Судан (Нджамена-Седиги).

Все это не в последнюю очередь было следствием хороших межличностных отношений между президентами Судана и Чада О. аль-Баширом и И. Деби. Хартум в свое время сыграл важную роль в свержении предыдущего президента Чада Х. Хабре и помог И. Деби в борьбе за президентское кресло. До ухода в оппозицию будущий президент Чада занимал важный пост в вооруженных силах страны, военную специализацию получил в 80-х гг. во Франции. Поход на Нджамену во главе группы вооруженной оппозиции И. Деби начал из Дарфура, где дислоцируются и сегодняшние чадские оппозиционные силы. Очевидно, что и тогда и теперь эти группы получают материально-техническую помощь от суданского руководства. В недавнем интервью франкоязычному журналу *“Jeune Afrique”* президент Чада подтвердил, что Судан оказал ему помочь в свержении режима Хабре.¹

Выбор в качестве плацдарма приграничной суданской провинции не случаен. Основной причиной является этническая общность населяющих северо-восток Чада и значительную часть Дарфура этносов: и там и там проживают загава.² Выходцем из этой народности является и нынешний президент Чада И. Деби Итно.

В 90-х гг. еще не было кровопролитных столкновений между загава и арабами Дарфура, все межэтнические проблемы Судана были сконцентрированы на юге. В 1997 г. Судан на несколько лет прекратил деятельность чадской вооруженной оппозиции на своей территории, оказав посредничество в подписании мирного соглашения между чадским правительством и четырьмя военно-политическими группировками.³

Руководители Чада и Судана проводили регулярные встречи и всячески демонстрировали свои дружеские отношения. Президент О. аль-Башир был одним из шести африканских глав государств, которые прибыли на инаугурацию И. Деби 8 августа 2001 года. В Нджамене действовала чадско-суданская школа. Судан ежегодно предоставлял Чаду стипендии для обучения в суданских учебных заведениях. Процветала приграничная торговля.

Однако с началом нового тысячелетия политическая обстановка в мире начала меняться. Вызванные распадом советского блока конфликты в Европе постепенно угасали, передел бывших сфер влияния СССР практически завершился, позволив ведущим государствам вновь обратить взор на «третий мир» и его неподеленные минеральные ресурсы.

В частности, в поле зрения оказался Судан, обладавший значительными запасами нефти и не пожелавший пускать на свою территорию американские компании. Концессии на основные месторождения достались Китаю и нескольким ближневосточным странам. В результате начали ухудшаться двусторонние отношения Судана с США, выразившиеся в поддержке американцами сепаратистских настроений в этой полигэтнической стране и разработке планов по ее расчленению. В Америке были созданы влиятельные организации в поддержку «притесняемых» народов Судана, началась кампания по «Спасению Дарфура».⁴

Все это вылилось в кровопролитные столкновения между правительственные силами, отрядами «джанджавид», поощряемыми Хартумом, и вооруженной оппозицией, получавшей поддержку извне. Как результат, Чад и другие соседние страны наводнил поток беженцев, а на правительство Судана посыпались обвинения в «геноциде» и экономические санкции. Главной заботой О. аль-Башира стало сохранение целостности страны и президентского кресла, а его главными союзниками оказались мусульманские страны, что прибавило к прочим обвинениям Запада «пособничество терроризму» и поддержку исламского фундаментализма.

Что касается Чада, значимой здесь является политика Франции. Бывшая метрополия никогда не оставляла Чад без внимания, рассматривая его в качестве своей законной сферы влияния. К примеру, по мере улучшения отношений Франции с Ливией нормализовались и чадско-ливийские отношения.

Первый шаг в данном направлении был сделан в 1998 г. главой ливийского государства М. Каддафи, прибывшим с официальным визитом в Нджамену. В ходе визита Чад бесплатно получил тонны продовольственных товаров, топлива, оборудование для электростанций⁵.

Сегодня Чад является одним из главных сторонников политики М. Каддафи по усилению интеграционных процессов в Африканском союзе⁶, получателем безвозмездной материально-технической помощи в сельскохозяйственной и энергетической сферах⁷, а также имеет право на льготное пользование одним из ливийских морских портов. Президент И. Деби был одним из немногих глав государств, в сентябре 2009 г. приехавших по приглашению М. Каддафи на 40-летний юбилей ливийской революции.⁸ Все это, несомненно, связано с новыми амбициозными планами французского руководства по созданию «Средиземноморского союза», в котором Ливия должна играть не последнюю роль.

Несмотря на заявления нынешнего чадского руководства о том, что в многополярном мире Чад имеет возможность выбора партнеров, выбор этот во многом диктуется позицией бывшей метрополии. Не один и не два раза в год президент Чада совершают краткие поездки во Францию для обсуждения текущих проблем. И именно поддержке со стороны Парижа И. Деби обязан сохранением президентского кресла в 2008 г., когда силы мятежников, поддерживаемые, кстати, Суданом, штурмовали столицу Чада. Тогда после торжественного въезда в Нджамену боевики Объединенных сил сопротивления (UFR) были отбиты у самого президентского дворца благодаря поддержке французской авиации, а также из-за отсутствия согласованности в собственных рядах.

Чадское руководство сразу же обвинило Хартум в попытке насильственного свержения режима в Чаде, межгосударственные отношения впали в длительный кризис. В мае 2008 г., после неудачной попытки уже суданской вооруженной оппозиции захватить власть в Хартуме, последний заявил о разрыве дипломатических отношений с Чадом. Однако при посредничестве Ливии политический диалог был вскоре восстановлен.

Что касается франко-суданских отношений, то они также далеко не безоблачны, недаром Франция, так же как и Чад, поддерживает решение Международного уголовного суда об аресте нынешнего президента страны Омара аль-Башира. Ей

совсем не выгодна исламизация страны, способная поставить под угрозу доходы компании «Тоталь», осуществляющей добывчу нефти в Южном Судане. Но по этой же причине Париж не будет поддерживать и радикальное решение о разделе Судана на несколько самостоятельных государств. Выгоднее сохранение некоего статус-кво, при котором излишне проилюстрированный Хартум будет иметь противовес в лице достаточно сильной вооруженной оппозиции.

Чаду при этом отводится роль основного плацдарма и донора главной силы дарфурских сепаратистов – Движения за справедливость и равенство. Впрочем, как ясно уже из названия, ДСР не является сторонником обретения этой суданской провинции независимости, оно выступает за адекватное представительство интересов региона в Хартуме.

Естественно, поддержка обоими режимами вооруженных оппозиционеров в соседних странах является главным препятствием для восстановления нормальных межгосударственных отношений. Как неоднократно заявлял президент Чада И. Деби Итно, чадская сторона будет готова пойти на встречу Хартуму только в том случае, если последний откажется от поддержки УФР.

Также, говоря о причинах ухудшения отношений с Суданом, в одном из интервью Деби назвал захватническими устремления Хартума, его желания к установлению исламского фундаментализма на территории африканских стран, расположенных южнее Сахары. Он обвинил своего суданского коллегу в желании высказать всех темнокожих из Дарфура, взамен пригласив чадских арабов в Судан.⁹

Несомненно, антиисламская риторика Деби полезна в контексте продуктивного общения с западными донорами. Она позволяет Чаду получать гуманитарную помощь и содействие в реализации социально значимых проектов на миллионы долларов, тогда как соседний Судан продолжает страдать от международных санкций. В то же время она создает определенные проблемы в общении с исламским миром, да и с собственным населением. Не стоит забывать, что мусульмане представляют собой наиболее многочисленную конфессию Чада.

Хартум добавляет проблеме остроты, на конференциях ОИК и двусторонних встречах с лидерами арабских стран обвиняя западного соседа в том, что он является марионеткой для западных стран и Израиля, осуществляющих свои экспансии-

стские планы в Африке. В целом чадское руководство отмечает негативное влияние Хартума на диалог с исламским миром.¹⁰

Не стоит в ближайшем будущем ожидать кардинальных улучшений в двусторонних отношениях. В настоящее время как политические, так и экономические контакты между двумя соседними странами сведены к минимуму, прямое авиасообщение отсутствует, правительства двух стран постоянно обвиняют друг друга в поддержке вооруженных оппозиционных групп. В мае 2009 г. вновь произошло нападение боевиков UFR на Чад¹¹, и пришли они, как и ранее, с территории Судана. Однако активно вооружавшаяся на протяжении последних месяцев чадская армия (Чад находится на втором месте после ЮАР по закупкам вооружений во Франции¹²) на этот раз оказалась способной быстрее нейтрализовать угрозу, и в течение недели повстанцы были выбиты за пределы национальной территории.¹³

Правительство Чада развернуло мощную пропагандистскую кампанию, обвиняя восточного соседа во всех смертных грехах. Тем более что майская вылазка вооруженной оппозиции произошла всего через день после подписания 3 мая в Дохе очередного чадско-суданского соглашения о нормализации отношений.¹⁴ По инициативе Нджамены вопрос вооруженного нападения на Чад был срочно включен в повестку дня Совета Безопасности ООН.¹⁵ Однако, несмотря на поддержку Франции, осуждающая Судан резолюция не была принята.

Начиная с сентября 2009 г. Хартум демонстрирует намерение восстановить отношения с Нджаменой. В этом контексте в начале октября 2009 г. состоялся визит в Нджамену спецпредставителя президента Судана¹⁶. Однако И. Деби проявил нежелание идти на какие-либо компромиссы с Хартумом, пока формирования повстанцев не будут отодвинуты на безопасное расстояние от границы с Чадом. Заявленный на конец октября – начало ноября ответный визит так и не был осуществлен, а силы UFR продолжают находиться на территории Судана, равно как и ДСР дислоцируются на востоке Чада.

Напрашивается вывод, что обеим сторонам на сегодняшний момент выгодно поддержание напряженности. Единственный минус – искусственным образом разорванные экономические отношения, хотя приграничная торговля в малых масштабах продолжается.

В целом же ввиду нестабильной внутриполитической обстановки в обеих странах и той, и другой стороне выгодно

иметь «внешнего врага», на которого при случае можно отвлечь внимание недовольного слабым социально-экономическим развитием своих стран населения. В то же время наличие такой «карманной» оппозиции позволяет в известной степени оказывать давление на соседа. При этом О. аль-Башир, который менее уверен в сохранении президентского поста и территориальной целостности своего государства, нежели И. Деби, больше склонен идти на уступки. Здесь сказывается и негативное отношение к его персоне в ведущих странах Запада, и мандат МУС на его арест.

Что касается основных внешних игроков, то серьезно повлиять на взаимоотношения двух стран сегодня могут США, Франция и КНР. При этом Китай на настоящий момент менее всего склонен вмешиваться во внутриполитические разборки в обеих странах. Главная сфера его интересов – экономика, а точнее добыча углеводородов. Как в Чаде, так и в Судане китайцам принадлежат важнейшие месторождения нефти, так что они как никто другой заинтересованы в стабильности существующих режимов.

Что касается Франции, ее основным плацдармом в регионе является Чад, и уже много раз Париж проявлял свою удовлетворенность нынешним режимом в этой стране, предоставляющим благоприятные условия для французских деловых кругов. В Судане ее положение более шаткое, не секрет, что ее устроило бы некоторое ослабление режима О. аль-Башира, но не распад страны. Известно также, что Франция оказывает определенную поддержку ДСР в Дарфуре.

Наиболее серьезные последствия может иметь политика Соединенных Штатов, тем более что в последнее время можно наблюдать наличие одновременно двух противоположных стратегий в отношении Судана. С одной стороны, это переориентация официального Вашингтона в лице президента Б. Обамы и его спецпредставителя по Дарфуру Скотта Грейшена от поддержки идеи расчленения Судана до понимания необходимости сохранения целостности страны. В своих последних выступлениях по данной проблематике американский президент ясно дает понять, что не желает превращения Судана в «еще одно Сомали».

В то же время вполне очевидно, что истратив миллионы долларов на поддержку оппозиционных сил в этой стране, США так и не добились своей основной цели – проникнуть

в нефтедобывающую отрасль Судана. Поэтому сформировавшееся за несколько лет в США «дарфурское лобби» давит на официальный Вашингтон с требованиями ужесточить политику в отношении О. аль-Башира.¹⁷

Таким образом, чадско-суданские отношения, изначально давшие трещину в результате вмешательства во внутренний конфликт в Судане международных сил, и в дальнейшем будут напрямую зависеть от развития ситуации в соседней стране, т.е. от того, будут ли страны Запада настроены на сохранение единого Судана, или же предпочтут пойти на рискованный раскол страны с целью получения экономической выгоды.

При этом постепенная эволюция в подходе к решению внутрисуданского кризиса в последние годы свидетельствует, что второй вариант менее вероятен. Примеры последних лет наглядно демонстрируют, что следствием насильственной смены власти гарантированно будет дестабилизация внутриполитической обстановки, радикализация и исламизация общества, неспособность марионеточных режимов контролировать ситуацию, а вот беспрепятственный доступ к природным ресурсам вовсе не обеспечен.

Имеет смысл также предположить, что при сохранении существующих тенденций в отношении Судана будет избран умеренный путь, что означает относительное ослабление контроля центра над регионами при номинальном сохранении территориальной целостности. Для двусторонних чадско-суданских отношений это означает все ту же поддержку обеими странами оппозиционных групп на территории друг друга и поддержание диалога на существующем минимальном уровне, без перехода к открытой военной конфронтации.

¹ Интервью с Президентом Чада И. Деби Итно // Jeune Afrique. – 2009 г., № 2531.

² Darfur. The Road to Peace // European-Sudanese Public Affairs Council. – Cornwall, 2005, с. 23.

³ Le Progrès, 24.11.2001.

⁴ French-US imperialist interests behind Chad-Sudan conflicts//Pan-African News Wire, 17.05.2009.

⁵ N'Djamena Bi-Hebdo, 20.05.2001.

⁶ Le Progrès, 10.07.2009.

⁷ Le Progrès, 22.072009.

⁸ Info-Tchad, 04.09.2009.

⁹ Интервью с Президентом Чада И. Деби Итно // Jeune Afrique. – 2009 г., № 2531.

¹⁰ Пресс-конференция Министра иностранных дел Чада М. Факи Махамата – 21 мая 2009 г.

¹¹ Info-Tchad, 08.05.2009.

¹² L'observateur, 14.10.2009.

¹³ Le Progrès, 14.05.2009.

¹⁴ Info-Tchad, 04.05.2009.

¹⁵ French – US imperialist interests behind Chad-Sudan conflicts//Pan-African News Wire, May, 17.05.2009.

¹⁶ Info-Tchad, 21.10.2009.

¹⁷ Stephanie McCrumen. U.S.-Envoy's Outreach to Soudan is criticized as naive//The Washington Post, 29.09.2009.

Б.В.Долгов

ДИНАМИКА ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ АРАБСКИХ СТРАН

В социально-политическом развитии стран арабского мира в начале XXI в. отчетливо прослеживаются две тенденции: первая – осуществляемая «сверху», т.е. властями, определенная либерализация и демократизация государственно-политической системы и вторая – усиление исламского фактора.

Религия, являясь существенным элементом общественно-политической жизни, оказывала и продолжает оказывать значительное влияние на социальную эволюцию общества. Видный социолог и социальный философ XX в. М. Вебер выделял роль христианской и, в частности, протестантской религии в становлении западноевропейского капитализма. Соответствующая ему «хозяйственная этика» и стиль взаимоотношений между людьми способствовали формированию и развитию западного гражданского общества и присущего ему демократического государственно-политического устройства.

В арабо-мусульманских странах в отличие от стран Запада ислам – не только религия, но и образ жизни. Ислам официально провозглашается государственной религией и является одной из основ национальной и цивилизационной идентификации. В арабо-мусульманском мире исламские традиции, культура и морально-этические нормы на протяжении столетий выработали определенную психологию, стиль поведения во взаимоотношениях между людьми и в общественно-политической практике. В то же время в отличие от развитых гражданских обществ Западной Европы и США арабский социум в достаточной мере традиционен и не столь структурирован в классовом и социальном плане. Арабское общество в большей степени фрагментировано, мозаично, несет в себе черты клановости, конфессиональных, этнических, племенных и патриархальных связей. При этом необходимо учитывать, что, как подчеркивает из-

вестный американский исследователь Джон Эспозито, мусульманский мир в отличие от стран Запада «по причине столетий европейского колониального господства имел всего несколько десятилетий для того, чтобы воспринять все то, что на Западе было продуктом длительных процессов, включавших в себя Просветительство, Реформацию, контр-Реформацию, Французскую и Американскую революции»¹. Тем не менее в результате создания в последние десятилетия в большинстве арабских стран современных демократических институтов (двуухпалатный парламент, многопартийность, система всеобщих выборов, в достаточной степени свободная пресса) и развития экономических реформ здесь сформировался социальный слой граждан, способных воспринять идеи гражданского общества и демократии. Наряду с этим ислам продолжает играть в обществе значительную, если не определяющую роль, и является для большинства населения, в том числе для указанного слоя демократически настроенных граждан, регулятором повседневной жизни и общественно-политической практики. Одним из доктринальных аспектов исламского вероучения, как справедливо отмечает видный отечественный ученый В.В. Наумкин, является «идея справедливости и равенства, создание общественной системы перераспределения доходов через зят, садака и другие механизмы»².

В то же время очевидно, что в современных социально-экономических реалиях говорить о воплощении в жизнь постулата «исламской социальной справедливости», как и аналогичных идей других мировых религий, не приходится. Развитие процессов глобализации, международного разделения труда и экономических реформ в арабских странах имело своим последствием расслоение общества и обострение социально-экономических проблем, которые наряду с вестернизацией воспринимались многими мусульманами как явления чуждые и навязанные Западом. Поэтому подъем исламизма можно характеризовать, пользуясь понятийным аппаратом известного британского историка А. Тайнби, как своеобразный ответ исламской цивилизации на вызовы современного мира. В достаточной степени исламизм представляет собой также форму социального протesta неимущих слоев населения в условиях социально-экономического кризиса и способом донести свои требования до властей при отсутствии демократических каналов их выражения или их зависимости от власти. В современ-

ных социально-политических процессах в арабских странах легальная исламистская оппозиция, как утверждает известный французский исследователь Ф. Бюрга, способна говорить «языком политического протеста, на котором могут выражаться демократические требования»³. В то же время исламизм как явление арабо-мусульманской общественной мысли отражает настроение части мусульман, которая считает сохранение исламской религии, культуры и исторических традиций непременным условием дальнейшего успешного развития общества.

Рассматривая исламский фактор в ракурсе социально-политического развития, необходимо выделить такие его составляющие, как **исламский фундаментализм, исламизм, общественное мнение и концепции исламской мысли**. Что касается исламского фундаментализма и исламизма, то это два разных явления, хотя, безусловно, имеющих органическую связь. Исламский фундаментализм или, согласно терминологии французского исследователя Оливье Руа, *неофундаментализм* представляет собой религиозное течение, не ставящее перед собой политических задач. Оно означает также обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне в повседневной жизни и общественной практике. Наряду с термином исламский фундаментализм используется коррелирующееся с ним понятие *салафизм* (от *салаф* (араб.) – праведный предок). Главной идеей исповедующих салафизм является постулат о том, что на протяжении веков в ислам вносились новшества (*бид'а* – араб.), которые зачастую искажали мусульманское учение. Для того, чтобы возродить первоначальный «правильный» ислам, необходимо, согласно салафизму, обратиться к эпохе Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» – Абу Бакра, Умара, Усмана и Али. Следует отметить, что фундаментализм как исповедование изначальных основополагающих догматов веры или какого-либо учения может быть не только исламским, но христианским, иудейским, а в отношении идеологии и политики – марксистским, национал-патриотическим и т.д. В то же время приверженцы религиозного фундаментализма не обязательно являются экстремистами в политической практике.

Исламизм или политический ислам, то есть использование ислама в политических целях, в отличие от фундаментализма представляет собой в большей степени политическое явление. Как утверждает видный российский востоковед Р.Г. Ланда, по-

литический ислам «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины XX в.»⁴. В то же время термин «исламизм» или «исламский активизм» используется, как подчеркивает В.В. Наумкин, в известной социологической концепции «Теория социального движения» (ТСД) «для обозначения исламских школ и движений, которые ориентированы на решение политических задач, а в основе их концепций лежит тесная связь между религией и политикой»⁵. Идеологи исламизма видят свою стратегическую цель в создании, основанного на «вечных и справедливых» законах Корана, «исламского государства». В этой связи необходимо отметить, что идея справедливого миропорядка отражена в Коране (4:135)* и присуща в определенной мере мусульманской традиции. В свою очередь во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой Организацией Исламская конференция (ОИК) в 1981 г., заявляется, что «любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости»⁶.

Современный подъем движения политического ислама – *нахда исламийя* (исламское возрождение – араб.), как его определяют исламистские лидеры, во многом был обусловлен следующими важными событиями истории XX в. Первое – исламская революция в Иране (1978–1979 гг.), свергнувшая шахский режим, пытавшийся осуществить вестернизацию Ирана. Иранская исламская революция явилась своеобразным импульсом для распространения и экспансии исламистской идеологии в мусульманском мире, хотя и имела определенно ограниченный характер в силу своей шиитской догматики, отличающейся в известной мере от суннитского «исламского проекта». Второе – гражданская война в Афганистане (1979–1992 гг.), привлекшая тысячи мусульман со всего исламского мира, в том числе из арабских стран, в ряды т. н. «муджахидов» (борцов за веру), воевавших против афганского правительства, стремившегося реализовать в Афганистане социалистическую идею, и поддерживавших его советских войск. Впоследствии

* Сура 4 (*Женщины – An-Nisa*): О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями перед Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный.

многие такие наемники-«муджахиды» (арабы и выходцы из других мусульманских стран) составили ядро радикальных исламистских группировок, как в арабских странах, так и в «горячих точках» по всему миру. В то же время развал советского блока и крах социалистической доктрины, явившиеся наиболее важными событиями XX в., косвенным образом также стали факторами, способствовавшими распространению исламистской идеологии. Речь идет о том, что в результате коллапса «социалистического лагеря» на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. происходит отказ многих арабских стран от ранее провозглашавшейся ими идеологии национализма с элементами социализма (национальный или исламский социализм). Это привело к дискредитации и почти полному уходу левой идеологии (которая ранее пользовалась достаточным влиянием) из арабской общественной мысли.

В результате образовавшийся своеобразный идеологический вакuum стал заполняться различными исламистскими концепциями, отражавшими, в том числе, социальный протест неимущих слоев населения арабских стран, многие из которых переживали социально-экономический кризис.

В доктринальных концепциях исламистских идеологов можно выделить несколько основных тезисов: первый – исламские философские, моральные и этические принципы, изложенные в Коране и Сунне, являются универсальными для всех времен и народов. Второй тезис заключается в том, что, по мнению исламистов, западное общество находится в состоянии моральной деградации и духовном тупике. Так, основатель и первый председатель алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС) Аббаси Мадани в своей книге «Кризис современной мысли и оправдание исламского решения», в частности, писал, что «марксизм и либерализм, две основные западные идеологии, переживают глубокий кризис». Из этого делался вывод о «неизбежности и необходимости» создания «исламской альтернативы»⁷ или т.н. «исламского проекта» общественного развития как закономерной ответной реакции мусульман на этот кризис. Третий тезис касается создания исламского государства. О нем заявляли в той или иной форме все современные исламистские идеологии, в том числе, вышеупомянутый Аббаси Мадани, а также Хасан ат-Тураби, руководитель суданской исламистской партии «Национальный исламский фронт» (НИФ), Рашид Ганнуши, лидер тунисского исламистского движения

«ан-Нахда» (Возрождение) и Махди Акеф, нынешний «верховный наставник» (*аль-муршид аль-ам*) египетских «Братьев-мусульман». Причем Хасану ат-Тураби, являвшемуся до 1999 г. вторым человеком во властной иерархии Судана, в отличие от его собратьев представилась возможность не только заниматься теоретической разработкой идеи «исламского государства», но и реализовывать ее в Судане на протяжении 90-х годов. В свою очередь некоторые радикальные исламистские идеологи, например Али Бенхадж (род. в 1956 г.), бывший заместитель Аббаси Мадани, считали создание исламского государства в одной арабской стране, в данном случае в Алжире, лишь этапом на пути достижения стратегической цели – «воссоздания исламского халифата, который должен стать духовной отчизной всех мусульман мира». Необходимо отметить, что относительно таких демократических институтов, как альтернативные выборы, плюрализм мнений, многопартийность, исламистские лидеры высказывали различные точки зрения. Так, Али Бенхадж позиционировал себя противником демократии, считая ее несовместимой с канонами ислама. В то же время А. Мадани и позднее М. Акеф допускали использование демократических принципов в своих политических программах.

Современный исламизм представлен как умеренным, так и радикальным течениями. Умеренный исламизм, к которому принадлежит большинство мусульман, исповедующих эту идеологию, отвергает практику политического террора и существует практически во всех арабских странах либо в форме легально действующих политических партий, либо в виде общественно-просветительских, благотворительных, правозащитных организаций, выступающих за сохранение и распространение мусульманских этических и моральных норм. Причем политические партии, стоящие на позициях исламизма, не декларируют в качестве своей стратегической цели создание исламского государства (использование религии в политических целях запрещено в конституциях всех арабских стран), но проповедуют сохранение и распространение «исламских ценностей». В этой связи можно сравнить социально-политическую практику Алжира и Туниса, представляющую собой два различных подхода к исламизму. Если в Алжире умеренный исламизм в известной степени участвует в политической жизни, то в Тунисе исламистское движение практически полностью исключено из нее. Так, в Алжире из 21 политической партии,

имеющей своих депутатов в парламенте в результате состоявшихся 17 мая 2007 г. парламентских выборов, умеренные исламисты представлены тремя политическими партиями. Причем они не являются единым парламентским блоком. Две из них – «Движение общества за мир» (ДОМ) и «Нахда» (Возрождение) входят в президентскую коалицию и полностью поддерживают правительственный курс. Более того, партия ДОМ, обладающая достаточным политическим весом (на парламентских выборах 2007 г. она получила 51 депутатское место), наряду с крупнейшими алжирскими партиями «Национально-демократическое объединение» (НДО) под руководством премьер-министра Ахмеда Уяхья и «Фронт национального освобождения» (ФНО), имеющими соответственно 62 и 136 депутатских мест из 389⁸, составляют основу президентской парламентской коалиции. Третья исламистская партия «Движение за национальную реформу» (ДНР), получившая 3 депутатских места, состоит в оппозиции правительльному курсу и ратует за «сохранение традиционных исламских ценностей».

В Тунисе в отличие от Алжира с конца 80-х годов политическая активность исламистов подавлена. Они не имеют политических партий и не могут сколько-нибудь значительно влиять на общественно-политическую жизнь. В то же время президент Туниса Бен Али подтверждает принадлежность Туниса к арабо-мусульманскому миру. Он регулярно посещает мечеть, все речи президента начинаются с мусульманской формулы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», чего не было во времена его предшественника Х. Бургибы. Наряду с этим в Тунисе постоянно проводятся мусульманские конкурсы (на лучшего чтеца Корана и т.д.), действуют мусульманские общественно-просветительские, благотворительные организации, которые, тем не менее, не ставят перед собой политических целей, а видят своей задачей улучшение общественной морали путем пропаганды и распространения коранических знаний, мусульманских морально-этических норм и благотворительной деятельности. В последние годы в Тунисе, как и в других арабских странах, наблюдается определенное усиление исламского фактора. Причем это проявляется в самых разных формах. Так, например, в появляющихся на улицах Туниса девушких в хиджабе некоторые тунисцы видят «облачка, предвещающие грозу». Это явление, скорее всего, нельзя назвать «подъемом исламизма». Тем не менее профессор-политолог Калифа Ша-

тер, вице-президент тунисской «Ассоциации международных исследований» назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом». В политическом плане Бен Али сохраняет принципиальную преемственность с наследием первого президента Туниса Х. Бургибы и в то же время подтверждает арабо-мусульманскую идентификацию Туниса. Наряду с этим исламизм как явление мусульманской общественной мысли в наименьшей степени по сравнению с другими арабскими странами влияет на политическую динамику Туниса. В этом смысле тунисский опыт и результаты социально-политического развития, исключающего исламистское влияние, представляют значительный интерес. Президент Бен Али жестко преследует любые проявления экстремизма и сохраняет имидж харизматического лидера, что также немаловажно для арабо-мусульманского общества. Все эти факторы в значительной степени способствовали выдвижению рядом политических партий во главе с правящим Демократическим конституционным объединением (ДКО) кандидатуры действующего президента на пятый мандат и повлияли на его победу на президентских выборах, прошедших в Тунисе 24 октября 2009 г.

К радикальному (джихадистскому) исламизму относятся экстремистские группировки, провозглашающие джихад как единственный способ создания исламского государства. Их лидеры, ссылаясь на суры Корана или на фетвы видных мусульманских деятелей, оправдывают террористические акции, в частности, против тех арабских режимов, которые, по их заявлениям, являются «тираническими и неверными». Например, такие фетвы Таки ад-Дин Ахмад Ибн Таймийи (1263–1328), которые можно интерпретировать как разрешение джихада против тех правителей, которые «не судят по тому, что ниспоспал Аллах» (сура «Трапеза – Аль-Маида», 5:49). Однако необходимо отметить, что практически во всех сурах Корана, санкционирующих вооруженный джихад (джихад меча), подчеркивается исключительно его защитная цель, как оборона против внешней агрессии, совершенной против мусульман. Так, например, в суре Хадж (Аль-Хадж) говорится: «Тем, кто подвергался нападению, кто претерпевал притеснения, дозволено сражаться. Беззаконно изгнаны они из жилищ своих только за исповедание Аллаха единственным господом их» (22:39-41)⁹. Современные радикальные исламисты определяют своих противников как «ближнего врага», имея в виду правящие режимы в му-

сульманских странах. Их руководители, по мнению исламистских лидеров, предали забвению «подлинный, справедливый ислам» и стали марионетками в руках «дальнего врага», то есть «мирового сионизма» и «новых крестоносцев», под которыми подразумеваются Запад в целом и США, в частности. В то же время одно из направлений радикального исламизма – *такфиранизм* (от арабск. *такфир* – обвинение в неверии) причисляет к «ближнему врагу» также умеренных исламистов и всех мусульман, не разделяющих их «джихадистскую» доктрину. Необходимо отметить, что в арабских странах радикальные исламисты никак не ассоциируются с исламом, их не считают мусульманами и называют просто террористами.

Исламский фактор в форме общественного мнения и настроений «арабской улицы», в свою очередь, воздействует на социально-политическую эволюцию арабского общества. В период 2003–2008 гг. после начала иракского кризиса (вторжение войск США в Ирак в 2003 г.), «ливанской войны» (вторжение армии Израиля в Ливан с целью подавления движения «Хизбалла» летом 2006 г.) и обострения палестино-израильского конфликта в арабских странах наблюдается определенное усиление внимания к мусульманской идентификации и политизации ислама, особенно в молодежной среде. Причем распространение исламистских настроений имеет не только религиозный, но и социально-политический и отчасти цивилизационный характер. В достаточной степени этот феномен можно объяснить общим подъемом исламистских тенденций в среде «арабской улицы», демонстрирующей и подчеркивающей таким образом свою мусульманскую идентификацию как реакцию на вышеуказанные события и на определенные элементы исламофобии, например, карикатуры на Пророка Мухаммеда, опубликованные в ряде европейских газет, неудачные высказывания по поводу ислама папы римского, а также антиисламские публикации и высказывания некоторых западных политических и общественных деятелей, появившиеся на волне дискуссий о «столкновении цивилизаций». Тем более, что часть молодежи арабских стран является в достаточной степени политизированной и живо интересуется событиями, происходящими в мире, чему в достаточной степени способствует распространение кабельного телевидения и сети Интернета. В то же время именно молодежь в наибольшей степени страдает от нерешенности внутренних социально-экономических про-

блем в арабском мире и, особенно, безработицы, что ведет к увеличению числа неимущих и маргиналов. Известно, что эта среда является наиболее восприимчивой к проповедям радикального исламизма и взрывоопасной в социальном плане. Исламистские идеологи используют такую ситуацию с целью усиления своего влияния, обвиняя правящие режимы «своих» стран в несоблюдении «справедливых законов шариата» и объявляя действия Запада «войной против ислама».

Важным элементом исламского фактора являются также теоретические концепции официальной исламской мысли. Основные из них перечислены ниже: традиционная, обосновывающая и подтверждающая нынешнее состояние мусульманского общества; фундаменталистская, отстаивающая необходимость приведения всех общественных иластных структур в соответствие с буквально понимаемым шариатом¹⁰; модернистская, которая предполагает внешне исламскую интерпретацию либеральных реформ по западному образцу в целях их оправдания и легитимации. Наконец, еще одно направление, получившее наибольшее распространение в последнее время в ряде арабских стран, – концепция «*Васатыйя*» (посредничество, компромиссность, умеренность – араб.)¹¹. Она является компромиссным вариантом в сравнении с вышеупомянутыми направлениями исламской мысли, использует их положительные стороны и избегает крайних взглядов. В то же время концепция «*Васатыйя*» подтверждает такой важный постулат для исламской мысли, как *иджтихад*, т.е. возможность для известных мусульманских алимов различных толкований и расхождений во мнениях по тем или иным вопросам религиозной и общественно-политической жизни в общих рамках исламских ценностей.

Концепция «*Васатыйя*» получила широкий резонанс в арабском мире, особенно в странах Аравийского полуострова. Так, в Кувейте она, по существу, положена в основу официальной политики при разработке своего рода национальной исламской идеи. Министерство вакфов и исламских дел Кувейта интерпретировало данную концепцию под названием «Умеренность – образ жизни». В таком представлении умеренность, посредничество, поиск компромиссов, равноудаленность от любых крайностей, приоритет избежания вреда перед получением выгоды трактуются как основополагающие принципы шариата. В концепции подчеркивается особая ответственность государ-

ства в использовании исламских ценностей для укрепления национального единства, недопущения радикализма и раскола внутри мусульманской уммы. Цитируя принципы концепции «Васатыйя» на международной конференции «Ислам победит терроризм», проводившейся в Москве 3–4 июля 2008 г., заместитель министра вакфов и по делам ислама государства Кувейт Адиль Аль-Фаллях подчеркнул, что «реализация концепции «Васатыйя» позволит мирно сосуществовать различным конфессиям, она является компасом, способным вести людей к добру и миру».

Необходимо отметить, что принятие исламской концепции «Васатыйя», провозглашающей компромиссность и толерантность, предоставляет теоретическую возможность для продвижения общедемократических принципов, не нарушая при этом мусульманского характера общества. Возможно, примером такого продвижения можно считать принятие в Кувейте в 2005 г. закона о предоставлении избирательного права женщинам при выборах депутатов в Национальное собрание Кувейта. В то же время, учитывая традиционный характер большинства арабских обществ, дальнейшая их модернизация в социально-политическом плане во многом будет зависеть от компромиссности мер, направленных на демократизацию, и их соответствия шариату.

В общественно-политической жизни Саудовской Аравии концепция «Васатыйя» также играет значительную роль. Король Саудовской Аравии, открывая сессию ОИК в декабре 2005 г. заявил, что «исламского единства можно достичь только посредством «Васатыйи» с помощью компромиссов и терпимости»¹². Тема укрепления взаимопонимания между различными религиями была одной из главных на международной конференции «Диалог религий», состоявшейся по инициативе короля Саудовской Аравии в Мадриде в июле 2008 г. В конференции принимали участие как известные мусульманские деятели, такие как ректор старейшего мусульманского университета «Аль-Азхар» шейх Мухаммад Сейид Тантауи, мусульманский ученый доктор Юсеф Аль-Карадауи, иранский аятолла Мухаммад Али Тасхири, так и видные представители других религий, а именно: епископ Кантерберийский, генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса, кардинал-представитель Ватикана и др.¹³

В заключение необходимо отметить, что в арабском мире мусульманские традиции в достаточной степени являются ре-

гулятором как в повседневной жизни, так и в общественно-политической практике. Наряду с этим ислам для многих мусульман представляет собой также основу национальной и цивилизационной идентификации. Исламский фактор и в дальнейшем будет играть значительную роль в социальной эволюции арабо-мусульманского мира. В то же время демократизация представляется магистральным путем социально-политического развития арабского общества. Наряду с этим каждый социум должен найти свою форму демократического устройства, наиболее приемлемую и соответствующую его историческим традициям. В этой связи важно отметить, что исламский фактор в разной степени действует в различных арабских странах в силу их внутренней специфики. Поэтому социально-политические процессы, связанные с модернизацией и демократизацией, будут протекать в каждой стране по-разному и с разной интенсивностью. Важным фактором демократического процесса является также наличие основных, общих для демократии институтов власти и гражданского общества.

¹ Esposito J. World Religions Today. New York, 2002, с. 267.

² Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008, с. 690.

³ Цит. по: Сапронова М.А. Арабский мир: новые векторы политического развития//Мировая экономика и международные отношения. М., декабрь 2008, № 12, с. 95.

⁴ Ланда Р.Г. Международный форум востоковедов и африканистов в СПб//Восток (Oriens). М., 2006, № 4, с. 156.

⁵ Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики//Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009, № 1, с. 10.

⁶ Цит. по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991, с. 196.

⁷ Цит. по: Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004, с. 52.

⁸ <http://apn-dz.org08.04.2009>

⁹ См. суры 22:39-41 и 2:190, подобранные профессором Т. Ибрагимом в ст. Вперед к кораническому исламу//Восток. М., 2006, № 4, с. 73.

¹⁰ Сюкийянен Л.Р. Исламская правовая мысль о глобализации и перспективах политического реформирования исламского мира//Полития. М., 2007, № 4, с. 84.

¹¹ Ключевой принцип «Васатыйи» (умеренности или компромиссности) выводится из суры Корана 2 (Бакара – Корова – араб.), которая гласит: «Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей и чтобы Посланник был свидетелем относительно вас» (*Ва казелика джаальнакум умматан васатан ли-тақуну шухада аля н-нас ва якуна ар-расул аляйкум шахидан* – араб.). Коран, сура 2 (Бакара), 137(143).

Пер.: Крачковский И.Ю. Коран. М., 1990, с. 18.

¹² Ас-Сияса, Кувейт, 08.12.2005.

¹³ Аль-Ахрам, Каир, 11.07.2008.

Е.В.Дунаева

ТЕКУЩАЯ РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ИРАНЕ

Политический процесс в ИРИ определяется противостоянием двух идеологических течений – консервативного (фундаменталистского) и реформаторского – при том, что в последние годы внутри каждого из этих течений наблюдаются процессы внутреннего размежевания, расколы и даже переход отдельных фракций из одного лагеря в другой.

Политическое соперничество левых и правых¹ проявилось уже в первые дни исламской республики и не прекращалось ни в период войны, ни в 90-е годы, а присутствие представителей этих двух течений во главе государственных структур уравновешивало противостояние сил. С середины 2005 г. после прихода к власти президента М. Ахмадинежада впервые в истории ИРИ все рычаги власти и управления страной оказались в руках представителей одного направления – консервативного. Сторонников Ахмадинежада, пришедших к власти под эгидой нового политического объединения «Абадгаран-е энгелаб-е эслами» (Благоустроители исламской революции) стали называть неоконсерваторами. Они по своим взглядам представляют наиболее радикальное направление в лагере консерваторов. Однако сами представители этого течения по отношению к себе не воспринимают термин «консерваторы» или «фундаменталисты» и, полностью отказавшись от использования персидского термина «мохафезекаран», которым ранее иранские политологи обозначали «правых», ввели термин «осульгарайан», который переводят только как «принципиалисты», подразумевая верность принципам исламской революции, а также правительству и президенту². Некоторые аналитики склонны выделять неоконсерваторов в отдельное политическое течение. Так, например, профессор А. Эхтешеми полагает, что сегодня на внутриполитической арене ИРИ можно говорить уже о трех лагерях³. В то же время он сам пишет, что неоконсерва-

торы «представляют собой новую ветвь консерватизма, для которой характерен экономический и политический популизм⁴». Другие аналитики рассматривают неоконсерваторов как течение внутри консервативного лагеря⁵. Поскольку события последних четырех лет показали, что основная масса консервативных групп и прежде всего традиционалисты – базовое течение этого лагеря, которых называют еще и первым поколением консерваторов,⁶ – в большинстве случаев выступают с неоконсерваторами единым фронтом, вторая точка зрения представляется более соответствующей действительности.

В настоящее время консервативный фланг представлен тремя направлениями. Первое – неоконсерваторы, или последователи линии президента (Райехе-ье хош хедмат или Хамийан-е доулат) – исламское радикальное течение. Их социальную опору составляют в основном новые средние слои города (мигранты из сельских районов), которые ничего не получили от прежних правительств, поскольку еще не успели закрепиться в городах и занять там определенное положение. Консерваторы-радикалы опираются также на определенные круги духовенства, имеют своих представителей во всех органах государственной власти, контролируемых духовенством. Их духовный лидер – аятолла Месбах Йазди. Они тесно связаны с аппаратом государственной безопасности, Корпусом стражей исламской революции (КСИР) и радикальными религиозными организациями. На все внутренние и внешние проблемы исламские радикалы смотрят через призму национальной безопасности и в своей политике руководствуются идеями исламской революции, которые готовы экспорттировать. Идея утверждения регионального лидерства, гармонично увязывающая с характерной для иранцев убежденностью в своей культурно-цивилизационной исключительности, стала стержнем внешнеполитической линии правительства неоконсерваторов.

Центр консервативного лагеря представлен течением традиционалистов (соннатгаран) или умеренных, к которому примыкает 85% групп и партий консервативной ориентации. Основная организация этого спектра – «Фронт последователей линии имама и духовного лидера» (Джабхе-ье пейраван-е хат-е эмам ва раҳбари) во главе с Х. Асгарулади, объединяющий 15 партий и групп. Наиболее известная партия этого объединения – Партия исламской коалиции (Моталефе). Опорой этого течения является одна из наиболее авторитетных организаций духовенства

«Общество борющегося духовенства» (Джамеे-йе руханият-е мобарез), представители которой имели большинство в меджлисах 4-го и 5-го созыва. Ее генеральным секретарем в декабре 2007 г. был вновь переизбран аятолла Мохаммад-Реза Махдави Кяни. Членами общества являются такие известные политические деятели страны, как А.А. Хашеми Рафсанджани, Х. Роухани, М. Эммами-Кашани, М. Язди, А.А. Натег-Нури.

Традиционалистов поддерживают большинство духовенства, базар, значительная часть традиционной политической элиты страны. В экономической области они разделяют принципы смешанной экономики (государственное регулирование при функционировании рыночных элементов). В сфере международных отношений придерживаются прагматической позиции и выступают за широкое развитие связей со всеми государствами. Лагерь традиционалистов, на первых выборах поддержавший Ахмадинежада, по прошествии нескольких месяцев его президентства стал выражать недовольство его действиями, прежде всего отстранением почти всех представителей этого течения с руководящих постов в органах исполнительной власти. Политика президента страны, опирающегося исключительно на поддержку исламских радикалов, и их явное стремление захватить в свои руки руководство всеми консервативными силами, вызывают противодействие традиционных авторитетов этого движения. Однако, хотя традиционалисты и критикуют политику Ахмадинежада и порой резко противостоят принимаемым им решениям, тем не менее, соблюдая верность духовному лидеру А. Хаменеи, оказывают поддержку президенту. Их взаимоотношения можно охарактеризовать как «критическое взаимодействие» (таамол-е ентекади). Позиция традиционалистов очень четко проявилась в период последней выборной кампании. В ходе подготовки президентских выборов произошла определенная консолидация консерваторов-традиционалистов и радикалов вокруг фигуры Ахмадинежада, связанная с опасениями поделиться властными полномочиями с реформаторами, что и обеспечило им возможность победы на выборах. Тем не менее некоторые формирования и группы выступили против его кандидатуры и либо поддержали М.Х. Мусави, создав «Фронт фундаменталистов в поддержку Мусави», либо вообще отказались от официальных заявлений в поддержку кого-либо из кандидатов. Так, не пришло ни к какому решению относительно поддержки кандидатов Общество

борющегося духовенства. Отказалась поддержать кого-либо из кандидатов и коалиция «Хизбалла».

В настоящее время консерваторы-традиционалисты контролируют две другие ветви власти – меджлис и судебные органы. А. Лариджани – спикер меджлиса, родственными узами связанный с высшим духовенством Кума, постоянно и порой резко критикует линию Ахмадинежада.

С.Лариджани (братья А. Лариджани) – также представитель традиционалистов-консерваторов, с осени 2009 г. возглавляет судебную власть страны. Поскольку он был назначен на эту должность самим лидером, такой шаг можно расценить как попытку сохранения баланса сил на консервативном фланге.

Третьим направлением в консервативном лагере можно считать консерваторов-сторонников реформ (осульгарарайан-е тарагихах или осульгарарайан-е эслахталаб), которых в настоящее время представляют партия «Последователи исламской революции» (Исаргаран-е энгелаб-е эслами), объединение «Развитие и справедливость» (Эдалат ва тоусее) и др. Среди адептов этого течения такие известные фигуры консервативного лагеря, как М. Резай – бывший командующий КСИР, а в настоящее время секретарь Совета по целесообразности, мэр Тегерана М.Б. Галибаф, А. Таваколли – руководитель исследовательского центра меджлиса, известные политические деятели О. Афруг и М. Хошчехре. Основные программные цели консерваторов-прогрессистов – упрочение исламского режима и принципа «велайат-е факих», совершенствование иранской экономической модели в рамках плана 20-летнего развития экономики ИРИ, укрепление исламских принципов в культурной и общественной жизни общества. Они – приверженцы развития конструктивных, взаимовыгодных отношений со всеми странами, в первую очередь с государствами Запада. Это та часть консерваторов, которые с первых дней прихода к власти Ахмадинежада выразили недовольство его заявлениями и действиями, считая их излишне радикальными и не отвечающими интересам развития страны. За прошедшие четыре года президентства критика в его адрес значительно усилилась. В ходе последних парламентских выборов они выступали отдельным списком, сформировали в меджлисе 8-го созыва отдельную фракцию и на президентских выборах не оказали поддержки Ахмадинежаду. Поскольку представителям этого течения из-за организационной слабости и идеологической неоформленности

накануне выборов не удалось сформировать предвыборного объединения и выдвинуть своего кандидата, М. Резаи позиционировал себя на выборах как независимый кандидат, однако по сути выражал взгляды этого политического течения. В настоящее время его сторонники прилагают усилия к поиску путей ограничения влияния Ахмадинежада и ищут пути примирения с умеренно настроенными реформаторами.

Процессы размежевания на консервативном фланге проходили и ранее, и для него было характерно внутреннее деление на правых и левых. Однако переход всей власти в руки консерваторов вопреки логике привел к перегруппировке сил и отделению наиболее pragматично настроенных групп. Часть левого фланга, которая была представлена партией «Созиатели» (Каргозаран), и их духовный лидер Хашеми Рафсанджани примкнули к коалиции реформаторских сил и в настоящее время считают себя ее составной частью. Эти процессы свидетельствуют о кризисе, переживаемом консервативным флангом в целом. Представляется, что после событий лета-осени 2010 г. указанные выше тенденции будут нарастать.

Говорить об организационном формировании реформаторского лагеря и появлении на политической арене страны реформаторского движения можно со второй половины 90-х годов XX в. В 1997 г. 18 политических партий и групп объединились на платформе исламской демократии, образовали единый Фронт 2-го хордада и привели к власти президента М. Хатами. Это предвыборное объединение и положило начало движению, которое в Иране стали называть реформаторским, поскольку его участники заявили о необходимости проведения реформ, направленных на демократизацию и создание гражданского общества. В лагере реформаторов еще в дни его формирования можно было выделить несколько течений. Центральные позиции занимал фронт «Партнерство» (Мошаракат). Эта организация отражает взгляды светской интеллигенции. Левый спектр в лагере реформаторов представляла организация Сазман-е моджахеддин-е энгелаб-е эслами. Традиционалисты, или умеренные были представлены религиозно-политической группировкой «Ассамблея борющегося духовенства» (Маджма-е руханийун-е мобарез) и Ассоциацией сил линии имама. За годы пребывания реформаторов у власти (1997–2005 гг.) внутри лагеря произошла перегруппировка сил, появились новые организации, прежние несколько изменили свои позиции. В 2005 г.,

после президентских выборов, бывший руководитель «Ассамблеи борющегося духовенства» М. Кярруби создал новую партию «Народное доверие», в которую вошли сторонники умеренных, постепенных реформ. Сам Кярруби подчеркивает наличие значительных идеологических разногласий с лидером реформаторского лагеря – Хатами, которые связаны как с определением самого понятия реформаторство, так и с тактикой действий. Членов этой группировки и примыкающего к ней Исламского фронта умеренных (Джабхе-йе этедал-е эслами) можно причислить к новым реформаторам, которых в своей прессе называют даже консервативно настроенными реформаторами. Начиная с 2005 г. противоречия внутри реформаторского лагеря продолжали углубляться. Накануне парламентских выборов 2008 г. к этому лагерю примкнула группировка прагматиков консервативного толка «Каргозаран», за которой стоял Хашеми Рафсанджани. Были сделаны попытки объединения прореформаторских сил, результатом чего стало появление треугольника Хатами – Кярруби – Рафсанджани, за каждым из которых стояли свои партии и группы. Однако в самый канун выборов стало ясно, что им не удастся создать единую коалицию, поскольку лагерь раздирают сильные противоречия, связанные как с программными установками, так и с амбициями руководителей партий.

В целом реформаторский лагерь выступает за упрочение основ республиканского строя в стране при сохранении в нем религиозного элемента, за дальнейшее развитие демократии и политических либеральных реформ. Реформаторы опираются на представителей средних городских слоев, студенчество. В экономической сфере эти силы поддерживают курс на более активное развитие частного сектора, расширение процесса приватизации, выступают за создание правительства из профессионалов-управленцев, за развитие широких международных связей, в первую очередь с государствами Запада.

В преддверии президентских выборов реформаторский лагерь также оказался разобщенным. Свидетельством серьезных противоречий стали невозможность договориться относительно единого кандидата, который мог бы стать альтернативой М. Ахмадинежаду, и приглашение к участию в выборной кампании бывшего премьер-министра ИРИ Мир Хосейна Мусави, проведшего последние 20 лет вне активной политической жизни страны. Учитывая, что в Иране еще не сложилась система

партий в современном ее понимании и отсутствует опыт многолетней партийной борьбы, общество выбирает в основном не программы и лозунги, выдвигаемые партиями, а лиц, которые их представляют. Именно на авторитет, популярность, способности и возможности своего кандидата и делает ставку большинство организаций. Реформаторы рассчитывали, что Мусави, с именем которого связывали выживание Ирана в годы ирано-иракской войны, сумеет привлечь голоса избирателей.

Накануне выборов страна переживала сильнейший политический подъем, отражением которого стала 85%-ная явка избирателей на голосование. В ходе предвыборной кампании усилилось противостояние двух политических флангов. Предвыборная борьба настолько накалилась, что обоснованная критика позиций оппонента порой перерастала в тривиальное сведение личных счетов давних лет. Это особенно четко проявилось в ходе теледебатов, на которых Ахмадинежад выдвинул обвинения в коррупции против семейств таких религиозных авторитетов, как А.А. Хашеми Рафсанджани и А.А. Натег Нури, открыто выступавших против его кандидатуры. Все понимали, что ответ на многочисленные вопросы, поднятые на этих дебатах, дадут выборы.

Согласно официальным данным, Ахмадинежад, набравший более 60% голосов, сохранил за собой пост президента еще на четыре года. После президентских выборов разразился глубокий политический кризис. Оппозиция не признала итоги выборов, обвинив власти в подлогах и подтасовке результатов, хотя никаких документальных доказательств, подтверждающих обоснованность своих обвинений предъявить не смогла. В Тегеране и других городах сторонники Мусави провели демонстрации и протестные акции, которые были жестко подавлены членами движения «Басидж» и силами правопорядка. Новым моментом внутриполитического развития стало появление отдельных промонархистски настроенных групп молодежи, активно участвовавших в акциях протesta. Начались массовые аресты в лагере реформаторов, помещения левых партий были опечатаны, их газеты и сайты закрыты. Власти организовали показательные судебные процессы, в ходе которых обвиняемые в совершении преступлений против режима давали признательные показания о том, что их деятельность направлялась и финансировалась из-за рубежа. На страницах государственных СМИ и интернетсайтах развернулась травля ли-

деров реформаторского движения и ближайшего окружения бывшего президента М. Хатами. Их открыто обвиняли в отходе от линии исламской революции, подготовке бархатной революции и попытке смены режима. Раздавались требования ареста М. Кяруби, М.Х. Мусави, а также самого М. Хатами и запрета основных организаций – «Сазман-е моджахеддин», «Партнерство». Налицо процесс выдавливания реформаторов с политической арены страны.

Усилились процессы размежевания в лагере консерваторов. Накануне выборов сторонники президента предпринимали попытки встать во главе всего лагеря консерваторов и установить контроль над всеми политическими группами, отодвинув в сторону традиционалистов. Дважды – в мае и в октябре 2009 г. они пытались сместить А. Лариджани с поста спикера меджлиса и руководителя объединенной фракции фундаменталистов в парламенте. Традиционно личность руководителя этого органа определяла и место парламента в политической жизни страны. Лариджани пришел в парламент в 2008 г. с тем, чтобы превратить его из органа власти, подконтрольного правительству, каким был предыдущий меджлис, в законотворческий орган, контролирующий исполнительную власть. Несмотря на жесткую критику политики Ахмадинежада со стороны спикера и парламентариев, поддержка действий президента не позволяет руководству меджлиса взять под контроль деятельность правительства. Пока попытки сторонников Ахмадинежада переизбрать Лариджани с тем, чтобы утвердить свое господство над парламентом, не удались, но, очевидно, что их действия в этом направлении будут продолжены.

Часть консерваторов-традиционалистов, шокированная и напуганная напором сторонников президента после выборов, идет по пути поиска путей примирения с умеренными реформаторами.

Реформаторское движение переживает очень сложный момент. Активная антиреформаторская пропаганда, а также действия радикальных группировок этого лагеря, выдвигавших в ходе протестных акций лозунг ликвидации принципа «велаят-е факих», привели к формированию настроений неприятия отдельных группировок реформаторов народными массами, что проявилось в ходе массовых демонстраций в поддержку лидера и президента в декабре 2009 г. и в феврале 2010 г.

Очевиден кризис реформаторского движения. В настоящее время у него нет настоящих лидеров, нет реальной поддержки

во властных структурах, его деятельность взята полностью под контроль спецслужбами. По оценкам некоторых политологов, действия властей, связанные с организацией судебных процессов против реформаторов, закрытием их изданий, травлей лидеров, могут расцениваться как стремление выдавать реформаторов с политической арены⁷. Эта идея впервые была выдвинута руководителями консерваторов сразу после президентских выборов 1997 г. Отстранение реформаторов от власти в 2005 г. стало первым этапом реализации этого плана⁸. В период парламентских и президентских выборов проправительственные СМИ пытались скомпрометировать реформаторов, обвиняя их в предательстве национальных интересов, преклонении перед Западом, в коррупции и пр. Особенно активно этот сценарий стал претворяться в жизнь после июньских событий 2009 г., когда лидеров реформаторского лагеря обвинили в попытках организовать мятеж против режима. Стали раздаваться требования ликвидации пяти основных партий реформаторов⁹. При этом для видимости сохранения демократических традиций многопартийности предполагается отвести роль оппозиции тем фракциям консервативного лагеря, которые заявляют о возможности проведения отдельных реформ.

В этом контексте надо оценивать и кампанию против А.А. Хашеми Рафсанджани, активно поддерживающего Мусави на президентских выборах, которого в ходе предвыборной кампании называли подлинным лидером реформаторов. С целью отстранения от власти этого видного политического деятеля, руководителя Совета экспертов (СЭ) и Совета по определению целесообразности (СОЦР) в Тегеране и Куме были организованы демонстрации, участники которых обвиняли Хашеми Рафсанджани в злоупотреблении властью. Одновременно среди членов Совета экспертов собирались подписи за переизбрание Хашеми. Он сам сразу после выборов внешне удалился с политической арены, даже отказался от проведения пятничных намазов в Тегеране. Хашеми, обладающему большим опытом политического маневрирования и ведения «закулисной дипломатии», занявшему конформистскую позицию, удалось на осенней сессии СЭ 2009 г. противостоять своим основным оппонентам Мохамаду Йезди, Ахмаду Джанати, Месбаху Йезди и сохранить за собой место руководителя этого органа. Сторонники президента, видя в нем основного оппонента Ахмадинежада, в феврале 2010 г. вновь предприняли попытку опоро-

чить Хашеми в глазах общественного мнения, развернув в СМИ активную пропаганду против него и членов его семьи, поддерживающих «зеленое» движение. Однако зимняя сессия СЭ 2010 г. вновь подтвердила полномочия Хашеми. Ему удается сохранять за собой и руководство СОЦР, что может свидетельствовать о том, что духовный лидер продолжает оказывать ему свою поддержку. Такое положение Хашеми сохраняет для него возможность оказывать влияние на дальнейшее развитие политической ситуации. В настоящее время в СОЦРе под его руководством и при активном содействии М. Резаи и Х. Рухани разрабатывается проект нового положения о выборах, суть которого сводится к созданию «народной комиссии по выборам», которая будет утверждать кандидатуры желающих принять участие в выборах, контролировать процесс голосования и рассматривать апелляции. Хотя, по мнению главного редактора консервативной газеты «Кейхан», такие проекты противоречат Конституции страны, определившей, что контроль за выборами осуществляется Наблюдательным советом¹⁰. Авторы проекта, уверенные в том, что неправильное толкование статей Конституции позволяет Наблюдательному совету активно вмешиваться в предвыборные кампании, отклоняя кандидатов, неугодных ему по политическим взглядам, и тем самым влиять на результаты выборов, полны решимости довести этот документ до рахара, так как его согласие придаст проекту законную силу.

Проигравший выборы Мусави, опираясь на сохраняющийся протестный потенциал общества, при активной помощи иранской диаспоры за рубежом предпринимает попытки создать объединенный фронт – движение «зеленых». Пока оно не получило идеологического и четкого организационного оформления и может рассматриваться лишь как общественное движение против Ахмадинежада. Однако, говоря о его аморфности, следует обратить внимание на то, что опорой «зеленых» выступают студенчество и научная и культурная интеллигенция – т.е. интеллектуальный потенциал страны. Действия этих социальных групп могут оказаться успешными только в том случае, если будут соответствовать интересам и других более широких социальных слоев общества, что вполне возможно при определенных изменениях внутриполитической обстановки (подобно тому, как 13 лет назад оказалась успешной их деятельность по формированию «Фронта 2 хордада»).

На сегодняшний день это движение не пользуется поддержкой среди политической элиты страны и не имеет настоящих лидеров. Наиболее значимая фигура лагеря реформаторов – М. Хатами, осознающий необходимость сохранения реформаторского лагеря, – призывает пересмотреть стратегию, отказаться от опоры на эмиграцию и, «сняв наиболее радикальные лозунги, перейти на более умеренные позиции, что даст возможность вновь активизировать свою политическую деятельность, которая не будет рассматриваться как противостояние режиму»¹¹. Руководители реформаторов настаивают на необходимости проведения перегруппировки сил, размежевания с крайне радикальными элементами и постоянно подчеркивают свою верность идеалам исламской революции, принципу велаяте факих и Конституции¹². Они осознают, что для продолжения своей политической жизни им необходимо укреплять связи с народом, а в нынешних условиях ограничения их политической деятельности это возможно лишь через общественные организации и культурную сферу.

Несомненно, лето 2009 г. оказалось одним из самых сложных периодов 30-летней истории исламского режима. Политические и религиозные деятели страны признали, что ранее ИРИ не приходилось сталкиваться с подобным противостоянием политических сил. Сегодня можно говорить о том, что пик политической напряженности пройден. Правительству Ахмадинежада удалось взять под контроль оппозиционный лагерь, и, по-видимому, будут продолжены усилия по его подавлению. Власти поддерживают внутреннюю стабильность путем введения полицейского контроля, укрепления административного аппарата представителями КСИР, активизацией движения Басидж и ограничением деятельности оппозиционных партийных группировок. Народ, напуганный кровопролитием и уставший от жестокости и репрессий, выступает за спокойствие. Однако правительство получило лишь тактический выигрыш. Протестный потенциал общества не исчерпан, и уже в обозримой перспективе можно ожидать дальнейших выступлений.

¹¹ Понятия «левые» и «правые» могут применяться для характеристики политических группировок в ИРИ достаточно условно, так как они не в полной мере соответствуют используемым

в современной политологии значениям, на что неоднократно обращали внимание российские иранисты.

² Йахая Фоузи Туйсеркани. Политический курс развития Ирана после Исламской революции. Выступление на конференции «Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы». Казань, 10 февраля 2010 г.

³ Эхтешеми А. Неоконсерваторы наращивают влияние//Pro et Contra, № 4 (42), июль – август 2008, с. 45.

⁴ Там же.

⁵ Ш. Асани Ашари. Аз доулат-е эслахи та доулат-е эслами. Техран, Атаи, 1385 (2006/7), с. 7, 100, 113.

⁶ Там же, с. 100–101.

⁷ Этемад, 14.09.2009.

⁸ Этемад, 12.09.2009.

⁹ Кейхан, 4.10.2009.

¹⁰ Кейхан, 20.02.2010.

¹¹ www.fararu.com. 25.02.2010.

¹² www.tabnak.ir. 10.02.2010.

С.В.Костелянец

ПОЛИТИКА США В ДАРФУРЕ

Политика США по отношению к дарфурскому конфликту, считающемуся одним из самых тяжелых гуманитарных кризисов современности, как и история американо-суданских отношений в целом (дипломатические связи между странами были установлены в 1956 г., прерывались в 1967–1972 гг.), отличались многочисленными поворотами и противоречиями. События в Судане всегда привлекали внимание американцев, в том числе и из-за возможного роста влияния здесь исламского фундаментализма и превращения страны в потенциальный источник терроризма, а также наличия здесь больших запасов нефти. Кроме того, обширная территория, географическое положение, прозрачность границ и сложный этноконфессиональный состав населения предопределили то обстоятельство, что внутренняя ситуация в Судане не может не оказывать влияния на положение дел во всем регионе, что также немаловажно для США.

Особенности американо-суданских отношений

США формировали свою политику по отношению к этой стране в целом и в отношении многочисленных суданских конфликтов, в частности, в зависимости от характера суданского режима, возможности его использования в интересах США, степени его “исламизма” или дружественности Западу. В различные годы США поддерживали то одну, то другую сторону в постоянном противоборстве центрального суданского правительства с этнорегиональной оппозицией и повстанческими движениями. В результате между США и Суданом установились уникальные, с точки зрения теории и практики международных контактов, отношения, которые можно охарактеризовать как “дружественно-враждебные”, причем эти категории –

“дружественность” и “враждебность” – не перемещаются во временном пространстве, выталкивая и замещая друг друга, а “мирно” сосуществуют в одно и то же время. Такой характер отношений между США и Суданом не мог не отразиться на характере и уровне вмешательства Вашингтона в дарфурский конфликт.

Судан начал рассматриваться Вашингтоном в качестве стратегически важной территории в 70-е годы XX века – в разгар холодной войны, а точнее, когда суданский режим Нимейри порвал отношения с СССР и другими странами Восточного блока и начал искать более тесных контактов со странами Запада. США оказывали существенную материальную и военную помощь сначала диктаторскому режиму Нимейри, который был свергнут в 1985 г., затем более мягкому, по некоторым оценкам, даже продемократическому правительству Садика Аль-Махди, смещенному 30 июня 1989 г. Омаром Хассаном Аль-Баширом, установившим жестко-авторитарное правление. Наступила новая фаза американо-суданских отношений, значительную часть которых составили дискуссии по поводу ситуации в Дарфуре.

Стараясь упрочить альянс с новым суданским правительством, несмотря на стремление Аль-Башира к установлению тесных контактов с арабским миром, в том числе и с экстремистскими исламистскими организациями, США продолжали оказывать Судану финансовую и военную помощь в прежних объемах. Госдеп даже пообещал Аль-Баширу – через симпатизировавшего суданскому режиму американского посла Джеймса Чика – поддержку его политических целей, прежде всего направленных на подавление повстанчества на Юге страны¹. Вскоре, однако, появились первые разногласия между Хартумом и Вашингтоном. В конце 1989 г. полковник Халифа, один из лидеров правящего Совета революционного командования, публично заявил, что Судан “не будет следовать указаниям Запада”, пойдет своим путем и сам будет выбирать своих друзей².

Друзья, естественно, появились почти исключительно в арабском мире и среди них – самые радикальные – Ливия и Ирак. “Увлечение” Аль-Башира панарабизмом приняло широкие масштабы: хартумские газеты стали появляться с материалами о том, как правительство намеревается создать арабское государство на территории от Марокко до Бахрейна. Аль-Башир постоянно подчеркивал, что Судан “поддерживает арабское

национальное единство и предпочитает экономические связи прежде всего с такими странами, как Египет и Ливия". Вашингтон, однако, на первых порах этим озабочен не был, и работникам посольства США в Хартуме даже было предложено не тратить слишком много времени на сбор информации о "мусульманско-фундаменталистской" деятельности суданского правительства³.

Вашингтон не скрывал своей поддержки Хартума в его конфликте с Суданским национально-освободительным движением (СНОД), борющимся за отделение Юга страны от ее остальной части, и враждебности к южно-суданским повстанцам. Даже предоставляя гуманитарную помощь Судану, США делали это почти исключительно через центральное правительство, специально подчеркивая, что повстанцам нельзя было доверять ее распределение, и таким образом фактически лишая южан необходимого продовольствия и медикаментов⁴. Гуманитарная ситуация на Юге страны была ужасной, и лидер СНОД Джон Гаранг просил у США помощи, но безрезультатно.

Правительство США упорно отказывалось критиковать суданские власти за постоянные нарушения прав человека, и это создавало впечатление, что Вашингтон любой ценой старается сохранить дружеские отношения с репрессивным режимом. В июне 1990 г. в одной из статей, опубликованных во влиятельной газете "Нью-Йорк Таймс", даже был поставлен прямой вопрос: "Что такого делает суданское правительство, что американское его так боится?". В это же время США предложили Аль-Баширу очередную "морковку" – увеличение помощи, если он согласится на осуществление реформ, разработанных для него МВФ и Мировым банком, но суданский президент отказался⁵.

Охлаждение в отношениях между США и правительством Аль-Башира произошло в связи с поддержкой последним нападения в августе 1990 г. Ирака на Кувейт. Однако даже несмотря на продолжающуюся суданскую поддержку Ирака в ООН, Вашингтон не желал идти на разрыв с правительством стратегически важной для США страны. Но определенный сдвиг в контактах между двумя странами произошел: представителям Агентства США по Международному развитию (AMP США) было позволено в первый раз проехать по контролируемым СНОД районам, чтобы определить масштабы разрушений и объемы требуемой помощи. После окончания войны в Персидском заливе, во время которой Хартум заметно дискредитиро-

вал себя в глазах США, двусторонние отношения еще более обострились.

К 1993 г. США начали всерьез рассматривать возможность помочи СНОД. Вашингтон внес Судан в свой список государств-пособников терроризма, и, поскольку МВФ редко делает что-то вопреки воле США, международная помощь правительству Аль-Башира резко сократилась. По мере ухудшения отношений с Суданом США начали оказывать его соседям, прежде всего Уганде и Эритре, военную помощь в значительных объемах “для возможной защиты от исламистов”. В годы правления администрации Клинтона была расширена военная помощь также Эфиопии и Кении, которые, в свою очередь, помогали СНОД⁶.

В 1996 г. США приняли антитеррористический закон, запрещавший американским компаниям действовать в стране, а осенью 1997 г. ввели против Судана всесторонние санкции. В декабре того же года тогдашний госсекретарь М. Олбрайт призвала к смене суданского режима. В 1997 г., после того, как фракция, оппозиционная группе Гаранга, подписала соглашение о перемирии с Хартумом, Вашингтон начал помогать только группировке Гаранга. США стали главным союзником СНОД, подпитывая его надежды на то, что Движение превратится в суданскую версию афганского Северного альянса⁷.

В 1998 г. в качестве ответа на взрывы в американских посольствах в Дар-эс-Саламе и Найроби президент Клинтон одобрил наряду с другими акциями воздушную атаку на фармацевтическую фабрику Аль-Шифа неподалеку от Хартума, которая, как предполагали США, производила химическое оружие. Однако группе западных журналистов и дипломатов не удалось найти никаких доказательств подобной деятельности. Напротив, фабрика удовлетворяла от 20 до 60% суданских потребностей в лекарствах и 100% – во внутривенных препаратах. Разрушение фабрики привело к большому числу безвременных смертей⁸. Вашингтон отказался компенсировать убытки. Некоторые обозреватели отметили, что эта акция американского правительства способствовала росту популярности «Аль-Каиды» и Бен Ладена не только в Судане, но и за его пределами. Поэтому особенно парадоксально то, что именно события 11 сентября 2001 г. вновь сблизили Хартум и Вашингтон.

Отношения между администрациями Аль-Башира и Клинтона оставались недружественными до конца срока президентства

последнего, и на первых порах контакты суданского правительства с правительством Буша-младшего не претерпели серьезных изменений. Однако через шесть недель после “11 сентября” и в соответствии с объявлением “войны против террора” администрация Буша создала своего рода “список” стран, которые должны были стать “военными мишенями” США в ближайшие пять лет. Список включал Ирак, Сирию, Ливан, Ливию, Сомали и Судан⁹. Но именно в это время, озабоченный своей репутацией пособника терроризма, Судан начал передавать Вашингтону разведданные об иракских повстанцах, а также сведения о подозреваемых в связях с «Аль-Каидой». В принципе, сотрудничество между спецслужбами двух стран осуществлялось и раньше, независимо от уровня дружественности или враждебности между ними, но только после провозглашения войны с терроризмом американское правительство признало реальную пользу от этого альянса. Соответственно, началось время потепления в американо-суданских отношениях. Хартум даже воспрепятствовал, насколько это было возможно, движению суданских боевиков, желавших воевать против США в Ираке, и предоставил американцам возможность допросить “окопавшихся” в Судане подозреваемых в связях с «Аль-Каидой». ЦРУ же расширило свое сотрудничество с суданской разведслужбой Мухабарат, встречи между работниками этих структур осуществлялись ежедневно¹⁰.

В свою очередь, и госдеп США официально давал высокую оценку антитеррористической деятельности Хартума, а сотрудник суданской службы безопасности генерал-майор Салах Абдалла Гош, лично занимавшийся планированием акций насилия и чисток в Дарфуре, непосредственно участвовавший в них и выбранный ООН в качестве лица, против которого должны были быть введены санкции, получил аудиенцию в Белом доме в апреле 2005 г. и даже был доставлен в Вашингтон на самолете, принадлежавшем ЦРУ¹¹. Намечались и другие встречи между Бушем и членами суданского правительства, но их пришлось отложить из-за растущего внимания к конфликту в Дарфуре, который к тому времени длился уже два года. А Судан за это время провел и важные либеральные экономические реформы, получившие одобрение МВФ.

Защищая своего нового союзника, администрация Буша прекратила действие закона “О мире в Судане”, подписанного в 2001 г. и предполагавшего финансовую поддержку антихар-

тумских повстанческих сил, прежде всего южносуданских, вместо этого создав новую версию документа на следующий год. Согласно Джону Прендергасту из Международной кризисной группы, обмен разведданными в качестве составной части противодействия терроризму способствовал тому, что Вашингтон почти полностью утратил желание конфронттировать с Суданом. Когда две задачи – обмен информацией, с одной стороны, и стремление к разрешению дарфурского кризиса, с другой, – встали одновременно, меры по борьбе с терроризмом оказались более предпочтительными для США¹². Возможно, этим объясняется и то, что Вашингтон сделал все возможное, чтобы один из главных архитекторов дарфурского конфликта – Гош не попал в список из 17 преступников, против которых были введены международные санкции.

Одновременно балансируя между дружественностью к режиму и его критикой, что имело свои причины, США оказались единственными, кто устами тогдашнего госсека Колина Пауэлла назвал события в Дарфуре “геноцидом”. Вашингтон регулярно осуждал Хартум за его роль в конфликте и – на словах – поддерживал тех, кто призывал к военно-гуманитарной интервенции в Судан. По словам американских руководителей, несмотря на сотрудничество в определенных сферах, Судан “продолжал представлять угрозу национальной безопасности и внешней политике США”. Какие бы пропагандистские ценности такие заявления не имели для Вашингтона, как правильно отметили эксперты Международной кризисной группы, “грустная реальность состоит в том, что Дарфур значит слишком мало, а Судан – слишком много для того, чтобы мировое сообщество сделало достаточно, чтобы остановить насилие, хотя кто-то может и задаться вопросом, а имеют ли всякие заявления значение вообще, если предположить, что государства должны оцениваться по их делам, а не по словам”¹³.

Вопрос об американо-суданских отношениях – один из наиболее спорных в оценке американской внешней политики, провоцировавшей разногласия даже в кругах, близких ко всем последним американским президентам, включая Барака Обаму. С одной стороны, фундаменталистские христиане, неоконсерваторы с амбициозными геополитическими устремлениями (эта группа имела особенно сильные позиции в администрации Буша вплоть до первых неудач и проблем, возникших во время иракской войны), а также некоторые борцы за права человека,

призывающие к военному вмешательству в дарфурский конфликт. С другой, – группы, сфокусированные на стратегических ценностях нынешнего хартумского режима для США, и не только из-за обмена информацией, но и из-за нежелания препятствовать осуществлению пунктов Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС), подписанного в 2005 г. между правительством Аль-Башира и СНОД, стремления иметь в качестве союзника, а не врага страну с большими нефтяными ресурсами и, кроме того, желания воспрепятствовать растущему влиянию Китая в Африке. К группам, защищающим идею военного вторжения, относятся некоторые общественные организации, отдельные члены Конгресса, а также лоббистские группы, прежде всего еврейские и христианские, которые, в частности, были важным источником электоральной поддержки для Буша. В группу же сторонников “сохранения дружественных отношений” с правительством Аль-Башира, которые считают себя “реалистами”, входят Госдеп, Разведывательное управление министерства обороны США (РУМО) и ЦРУ, в целом полагающие, что Хартум слишком важен, и ему “нужно помочь, если не полностью поддержать”¹⁴.

За исключением периодов, непосредственно предшествовавших американским президентским выборам, “реалисты”, естественно, всегда выигрывают. Так, например, интерес американской администрации к дарфурскому вопросу резко упал, как только Буш был переизбран на второй срок. Точнее, интерес упал, а политика не изменилась. Неожиданно отмеченное за его “эффективную деятельность” по разрешению дарфурского кризиса активистами Коалиции “Спасти Дарфур”, правительство Буша так же неожиданно надавило на Конгресс, вынудив его отказаться от закона “О мире в Дарфуре”, призывающего к более активной поддержке сил Африканского Союза (АС) в Дарфуре, расширению его мандата и обвинению военных преступников Международным Уголовным судом (МУС), и вместо этого подписало новый и значительно более мягкий документ в 2006 г. США даже сделали исключения в санкциях, позволив Хартуму нанять washingtonского лоббиста за 530 тыс. долл., и начали в суданской столице строительство самого большого здания американского посольства в Африке.

В конце 2006 г. Вашингтон решил проявить больше внимания к Дарфурскому кризису. Он даже начал угрожать введением в действие так называемого “Плана Б”, если Хартум

не примет мер по урегулированию ситуации в Дарфуре¹⁵. Хотя содержание Плана держалось в строгом секрете даже после того, как дата, на которую было назначено начало его исполнения – 1 января 2007 г., – осталась далеко позади, намерения Белого дома стали известны почти сразу. По “Плану Б” предполагалось заблокировать американские денежные переводы суданскому правительству и ввести санкции против трех суданских руководителей, виновных в военных преступлениях. Кстати, как выяснилось, ни один из них не был достаточно высоким лицом, принимающим ответственные решения¹⁶. Трудно поверить, что Буш действительно переживал за дарфурцев, если он даже попытался защищать от санкций ООН реальных военных преступников.

Следует отметить и еще один шаг в отношениях между США и Хартумом: ближе к окончанию его срока в Белом доме, Буш проинформировал своих европейских союзников, что больше не помышляет о смене суданского режима (к чему когда-то призывала Олбрайт). А в бюджете Госдепа на 2008 г. впервые за несколько лет появилась такая статья расходов, как военное финансирование Судана¹⁷. Заметно повысилось и финансовое обеспечение программы международной военной подготовки, осуществляемой США в развивающихся странах с 1989 г., причем в 2008 г. специальные фонды были выделены для Судана¹⁸.

То есть, несмотря на то, что США продолжали наказывать Судан в определенных сферах (санкции и сохранение Судана в списке пособников терроризму), дополнительное финансирование свидетельствовало о важности сохранения союзников в армии и разведке. Как было заявлено в оправдание бюджета, США намерены обеспечивать сильную поддержку т.н. “государствам фронтовой линии” (Афганистану, Пакистану и Судану) в их борьбе с терроризмом. А весной 2008 г. США публично заявили о своем стремлении нормализовать отношения с Хартумом, если Всеобъемлющее мирное соглашение будет успешно реализовано и найдется путь разрешения Дарфурского конфликта¹⁹. Продемонстрировав полное непонимание характера интересов США в Судане, президент Коалиции “Спасти Дарфур” отреагировал на это заявление, отметив, что активисты движения во всем мире были удивлены, смущены и рассержены такой постановкой вопроса, и что это настолько противоречит всему тому, что Буш раньше произносил в связи

с ситуацией в Дарфуре, что в последнее заявление даже трудно поверить. Те, кто меньше обманывался словами Буша раньше, не были удивлены желанием американского президента укрепить отношения с Хартумом, независимо, с резолюцией или без по дарфурскому кризису²⁰.

В отличие от республиканца-Буша известные демократы, включая тех, кто стремился к партийной номинации на президентских выборах 2008 г., заняли – по крайней мере, на словах – вполне решительные позиции по Дарфуру. Так, сенатор Обама заявил, что США должны осуществить гуманитарную интервенцию с разрешения или без такового от суданского правительства, то есть сделал почти открытый призыв к вторжению. Сенатор Хилари Клинтон призывала к совместной с НАТО военной операции в Судане, если Хартум откажется позволить разместить войска АС/ООН в стране (которые и в настоящее время лишь частично размещены), а также к установлению над Дарфуром зоны, свободной от полетов, и блокаде Порт-Судана (последнее предложение было квалифицировано Генеральной Ассамблеей ООН в качестве “агрессии”). Сенатор и бывший кандидат в президенты Джозеф Байден неоднократно заявлял, что он бы установил бесполетную зону и отправил войска США в Дарфур²¹. Однако несмотря на то, что ведущие американские политики, перебивая друг друга, предлагали самые решительные методы разрешения конфликта, ситуация в Дарфуре почти не меняется в течение нескольких лет. Более того, сопротивление США решениям МУС даже в некотором роде препятствовало урегулированию кризиса.

Согласно выводам Комиссии ООН по Дарфуру, созданной, кстати, при поддержке США, Международный Уголовный Суд является эффективным механизмом, способствующим наказанию виновных в нарушении прав человека в Дарфуре²². Однако США воспротивились идее того, чтобы члены суданского правительства предстали перед судом, предложив вместо этого специальный трибунал, менее эффективный с точки зрения достижения справедливости, но зато более удобный для того, чтобы избежать нежелательных последствий для американских союзников. Как комментировала поведение американского правительства одна из африканских НГО, дарфурцам не должно быть отказано в справедливости просто потому, что это не соответствует политическим интересам США²³. Позже СБ ООН уговорил США согласиться воздержаться при голосовании

по поводу передачи дарфурского “дела” суду. Надо сказать, что несоответствие между вашингтонскими призывами к защите прав человека в Судане и его же противостоянием мерам, признанным мировым сообществом эффективными, было крайне слабо освещено в американской прессе и не отмечено даже про-дарфурскими активистами.

США и дарфурский конфликт на современном этапе

С приходом в Белый дом нового президента – Барака Обамы, нередко и резко выступавшего по поводу событий в регионе, как сами дарфурцы, так и международная общественность стали ожидать новых поворотов в американо-суданских отношениях и более решительных мер в отношении дарфурского кризиса. Обаме досталось плохое наследство: подмоченная репутация США как “главного миротворца” в связи с войной в Ираке; многогранные, но противоречивые, не враждебные, но и не дружественные отношения между двумя странами; сильное китайское присутствие в Судане; борьба мнений по поводу Дарфура в ближайшем окружении президента; давление общественных организаций, также имеющих разнообразные мнения по всякому поводу; продолжающаяся война в Афганистане, оттягивающая средства, не говоря уже об Ираке, содержание войск в котором обходится в миллиарды долларов; коллизия “санкции-нефть”, и все это на фоне глубокого экономического кризиса дома, в США.

В настоящее время Соединенные Штаты стоят перед конфликтом в Дарфуре, как витязь на распутье: впереди несколько дорог, и все в рытвинах и ухабах. Американской администрации предстоит решить целый ряд вопросов, наиболее важными из которых являются следующие:

Снять, сохранить или усилить экономические санкции, введенные США в 90-е годы против правительства Аль-Башира? Признать ли события, происходившие в Дарфуре в 2003–2005 годах, геноцидом, а происходящие в настоящее время – его продолжением, и тогда рассмотреть вопрос о военном участии в миротворческой миссии ЮНАМИД, или решить, что геноцид закончился (если он вообще был), хотя конфликт продолжается, но разрешить его можно политическими

средствами за столом переговоров? Настолько ли серьезны интересы США в Дарфуре, чтобы осложнить и без того хрупкие отношения с правительством Аль-Башира и рисковать утратой возможностей приобретения концессий на разработку суданской нефти (после снятия санкций), потерей Судана в качестве союзника в борьбе против терроризма, а также жизнями американских солдат (в случае участия в военных действиях)? Насколько важным для администрации Обамы является давление американской и международной общественности, насколько сильным остается опасение утратить имидж международного миротворца, насколько важна ответственность США за разрешение дарфурского кризиса, и в чем, собственно, она состоит?

Санкции

Необходимо напомнить, что экономические санкции были введены США еще в 90-е годы, то есть до начала современного этапа дарфурского кризиса. Тогда американские нефтяные компании, вложившие в нефтяной сектор Судана более миллиарда долларов, были вынуждены покинуть страну. В 1997 г. США ввели экономические санкции, направленные против правящего в Судане Национального исламского фронта, причиной чему послужила готовность суданского правительства предложитьубежище и поддержку арабским террористическим группировкам. Санкции были использованы и во время переговоров правительства с южносуданскими повстанцами. Стремясь продемонстрировать башировскому режиму серьезность американских намерений в деле защиты прав человека в южном Судане, президент Клинтон заблокировал суданские банковские счета в США. Он также запретил импорт суданских товаров в Соединенные Штаты и экспорт американских в Судан. Исключение было сделано для импорта гуммиарабика, что объяснялось невозможностью получения этого продукта из других источников. Однако уже сам по себе факт такого исключения ослаблял эффект от введения санкций в целом. Санкции, все еще находящиеся в силе, предусматривают высокие штрафы и тюремное заключение для граждан США, осуществляющих деловые контакты с Суданом.

Как уже отмечалось, после событий 11 сентября 2001 г., когда Судан выразил готовность сотрудничать с администра-

цией Буша в деле борьбы с международным терроризмом, произошел позитивный поворот в отношениях между США и Суданом, и в 2003 г. тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл даже заявил, что Соединенные Штаты рассмотрят возможность снятия экономических санкций в случае подписания мирного договора между правительством Аль-Башира и СНОД. Однако переговоры со СНОД растянулись еще на два года, а тем временем резко обострился конфликт в Дарфуре. В 2004 г. Колин Пауэлл назвал происходящее в Дарфуре "геноцидом".

Отчасти под давлением Коалиции "Спасти Дарфур" группа сенаторов, ранее участвовавших в процессе урегулирования конфликта на юге страны, взяла на себя инициативу по прояснению ситуации, сложившейся в Дарфуре. В 2005 г. на обсуждение был вынесен законопроект, касающийся геноцида в этом регионе. Документ предусматривал расширение американских санкций. В частности, предлагалось продвинуть через СБ ООН резолюцию об эмбарго на поставки в Судан оружия, об объявлении воздушного пространства над Дарфуром зоной, запрещенной для полетов, о введении санкций против суданских нефтяных компаний, а также о беспрепятственном доступе международных гуманитарных организаций в регион. Наконец, в 2007 г. был принят закон "О подотчетности и изъятии капиталовложений", предусматривавший выведение американских вложений из компаний, действующих в ключевых отраслях экономики Судана, а также обязывающий Казначейство и Госдепартамент США следить за эффективностью санкций в отношении Судана.

В последнее время в США разгорелись бурные дебаты по вопросу об американских санкциях. Дебаты были подогреты выступлением спецпредставителя США по Судану Грейшена на слушаниях в Сенате в конце июля 2009 г., где он недвусмысленно предложил снять все санкции, которые препятствуют урегулированию ситуации в Судане и, соответственно, в Дарфуре. Другие участники слушаний также резко выступили против сохранения санкций. Так, по мнению одного из ведущих американских экспертов по Судану профессора Университета им. Джорджа Вашингтона Д. Шинна, настало время исключить Судан из американского списка стран-пособниц терроризма и снять экономические санкции. В washingtonских дискуссиях по этим вопросам нередко озвучивалось мнение, что изъятие Судана из этого списка положило бы конец и санкциям, но яко-

бы пока ситуация в Дарфуре не изменится, не будет морально-го оправдания их отмене. По мнению же профессора, это объяснение не имеет права на существование. США объявили це-лый ряд санкций против Судана: в связи с “террористическим списком”, национальным долгом США, возможностями военно-го переворота, отсутствием религиозных свобод, бойкотирующими санкции и др. Хотя бы часть их можно было бы отменить. А вычеркивание Судана из карательного списка разрушило бы многие преграды предоставлению помощи, в которой страна так нуждается. Могут пройти годы, пока американские эксперты найдут путь в этих юридических “джунглях”, и время будет по-теряно. Так же считают и многие суданцы, особенно на Юге страны, где санкции препятствуют развитию возрождающейся экономики.

В свою очередь, дарфурцы, особенно Организация дар-фурских лидеров (ДЛН), объединяющая 25 дарфурских группи-ровок, занимающихся лоббистской деятельностью в США, рез-ко выступили против снятия санкций. ДЛН была разочарована предложением Грейшена продолжить переговоры, то есть ис-пользовать метод “пряника”, а не “кнута” в отношениях с пра-вительством Аль-Башира. По мнению дарфурских лидеров, такой подход – уговоры вместо наказания – не приведет к раз-решению острых вопросов, установлению мира в Дарфуре и прекращению страданий дарфурцев. Напротив, полагают они, США должны серьезно повлиять на правительство Судана и использовать более сильные санкции, чем были до сих пор. История показывает, что предложение “пряника” – недостаточ-ная мера в отношениях с суданским правительством, такой под-ход США позволит Аль-Баширу вести себя вызывающе и продолжать откладывать урегулирование гуманитарных и по-литических проблем, а также мер безопасности.

Таким образом, ДЛН серьезно обеспокоена тем, что не-давние заявления Грейшена на слушаниях в Сенате США буд-ут способствовать созданию благоприятной для суданского правительства атмосферы, в которой оно будет маневрировать и продолжать “угнетать” Дарфур. По мнению дарфурских ли-деров, призыв спецпредставителя и ряда других экспертов-судановедов к снятию экономических санкций и изъятию Судана из списка государств-пособников терроризма свидетельствует о непонимании ими характера башировского режима. Наоб-орот, считает ДЛН, должны быть приняты более жесткие меры,

так как “суданское правительство само является правительством-террористом, в течение более чем 20 лет осуществляющим террористические акции в отношении собственного населения”. И вот теперь вместо того, чтобы сконцентрировать внимание мирового сообщества на обвинениях, предъявленных Аль-Баширу международным судом, и наказать всех виновных в военных преступлениях, спецпредставитель и его команда призывают к ослаблению санкций и заняты поиском путей возвращения изгнанных в марте НГО назад в Дарфур. То есть вместо того, как считают дарфурские лидеры, чтобы смотреть в корень проблемы, Грейшен сфокусировался на предотвращении предполагаемой войны между Чадом и Суданом, а это как раз то, что нужно суданскому правительству²⁴. С ДЛН солидарен и лидер повстанческого Движения за справедливость и равенство (ДСР) Халил Ибрагим, чрезвычайно резко высказавшийся по поводу замечаний, сделанных Грейшем о том, что пора улучшить отношения с суданским правительством и снять санкции, препятствующие усилиям Вашингтона помочь дарфурцам. “Грейшен, – заявил Ибрагим, – действует так, как если бы он был министром иностранных дел в правительстве Аль-Башира, и этим он обижает тех, кто сталкивается с несправедливостью в Дарфуре”²⁵.

Действительно, в вопросе о санкциях американское правительство оказалось в очень сложной ситуации. С одной стороны, когда такие методы, как осуждение, дипломатическое давление и поддержка той или иной стороны, использовавшиеся США в Судане, представляются – уже – неэффективными, а прямые военные действия – еще – преждевременными, политические и экономические санкции (или просто их угроза) резко повышают стоимость военных действий или просто выживания для сторон в конфликте, тормозят развитие отдельных, нередко самых важных, отраслей экономики, наконец, ударяют по собственным карманам лидеров страны, против которой эти санкции направлены, поэтому они зачастую приводят к положительным результатам. Когда санкции поддерживаются широкой коалицией государств, они могут заметно, причем отрицательным образом, повлиять на инвестиционный климат и экономику в целом. Многосторонняя угроза экономической изоляции может ослабить возможности правительства продолжать войну и вынудить его к политическому диалогу с противниками. Надо сказать, что введение экономических санкций

в Судане отчасти действительно снизило возможности привлечения инвестиций в страну и ведения бизнеса.

Однако не следует и переоценивать роль и влияние санкций, как, впрочем, и других “мягких” форм вмешательства, на поведение того или иного правительства или сторон в конфликтах. Санкции – далеко не самое эффективное средство для достижения той или иной цели. Прежде всего потому, что они затрагивают интересы именно тех людей, которые должны быть защищены и удовлетворены в конечном итоге, то есть людей, и без того подвергающихся насилию, испытывающих голод, лишенных элементарных человеческих прав и по большей части не имеющих, как в случае с Дарфуром, никакого отношения к террористам, за что, собственно, было наказано правительство Аль-Башира. Более того, многолетний опыт и суданская ситуация показывают, что санкции негативно сказываются на интересах и вводящих их стран. Как уже было отмечено раньше, американские нефтяные компании покинули страну, потеряв на этом огромные средства. Санкции были введены в одностороннем порядке, другие государства их не поддержали, и на месте американских тут же появились китайские, малазийские, канадские, французские и другие нефтяные компании, разрабатывавшие богатые нефтяные месторождения страны. В результате уже команда Клинтона вынуждена была проявить осторожность при введении санкций на поставки, например, оружия в африканские страны, потому что американские деловые круги не раз выражали недовольство по поводу возможной утраты экономических прибылей. Кроме того, они испытывали беспокойство и в связи с тем, что иностранные соперники только выигрывают благодаря американским санкциям, а американцы будут выглядеть ненадежными партнерами. Безусловно, за выступлениями Грейшена, Шинна и других сторонников снятия санкций стоит работа нефтяного и военно-промышленного лобби или, по крайней мере, забота об экономических интересах США больше, чем о суданцах или страдающих дарфурцах. Кроме того, американским политикам, наконец, стало ясно, что санкции могут вводиться только после тщательного просчета всех последствий: они могут возбудить недовольство действиями администрации “дома” и одновременно даже усилить режимы, подвергнувшиеся санкциям, лидеры которых смогут удачно переложить вину за их экономические последствия и страдания населения на государство-санкционера, что и пытается сделать правительство Аль-Башира.

Может ли отразиться на ситуации в Дарфуре сохранение, усиление или снятие американских экономических санкций? Вряд ли. Безусловно, это понимают и дарфурские лидеры, требующие их усиления: ими движет не столько стремление таким образом заставить Аль-Башира разрешить дарфурский кризис, сколько чувство обиды за то, что США намерены “пойти навстречу” и наладить отношения с их непримиримым врагом. Впрочем, санкции и не были никогда связаны с дарфурским вопросом. Даже после заявления Пауэлла о геноциде, американское правительство придерживалось почти исключительно тактики осуждения центрального правительства в нарушении прав человека, потому что критические заявления было относительно легко сделать, и они в сущности ничего не стоили для США.

Были ли события в Дарфуре геноцидом?

Не случайно (трудно вообще предположить, что в американском правительстве, Конгрессе и Сенате что-либо происходит случайно) в последнее время встал вопрос и о том, а были ли события в Дарфуре действительно геноцидом, о котором уже в течение шести лет не переставали напоминать американские общественные организации, посвятившие себя “спасению” дарфурцев, и отдельные политики. Не случайно – потому что это в значительной степени должно определить, требуется ли в Дарфуре военное вмешательство или нет. Если это геноцид (хотя до сих пор только США квалифицировали дарфурские события таким образом, а другие страны – нет, и сейчас можно этим воспользоваться и отказаться от неудобной терминологии), то военные средства были бы уместны, хотя бы путем изменения мандата ЮНАМИД, активной технической помощи силам ООН и Африканского Союза и возможной отправки в Дарфур даже немногочисленного военного контингента США. Если не геноцид, – можно ограничиться переговорами и предоставлением гуманитарной (продовольственной и медицинской) помощи страдающим дарфурцам.

Заявление Пауэлла о геноциде в Дарфуре отчасти можно рассматривать как подготовку идеологической основы для осуждения режима Аль-Башира. Это заявление, безусловно, было сделано по политическим причинам, что подтверждается и тем,

что Вашингтон практически ничего не предпринял ни до, ни после этого заявления, чтобы остановить продолжающееся насилие, кроме произнесения не имевших большой смысловой нагрузки пламенных речей в защиту дарфурцев. Как отмечали известные эксперты по Судану Жюли Флинт и Алекс де Ваал, “США не были готовы помочь силам АС каким-либо еще путем, кроме как предоставить пару самолетов для транспортировки войск Союза, да и то только на несколько дней. Зато Вашингтон был щедр на слова...”²⁶

Даже Паэлл в сентябре 2004 г., сразу после заявления о геноциде заметил, что Соединенные Штаты не имеют “жизненно важных интересов” в регионе, и что это определение во все не призывает ни к каким новым действиям со стороны США, которые не должны быть слишком озабочены таким поворотом событий. То есть он тут же, на месте, дал понять политикам, общественным организациям, занимающимся Дарфуром, и американцам в целом, что он не использовал этот термин в качестве призыва к немедленным акциям²⁷.

В свою очередь Международная комиссия по расследованию ситуации в Дарфуре, созданная СБ ООН при поддержке США, опубликовала свой отчет о приемлемости термина “геноцид” в дарфурских условиях в январе 2005 г. Комиссия заключила, что Хартум повинен в “преступлениях против человечества и военных преступлениях”, но что эти преступления нельзя квалифицировать как геноцид, хотя они “могут быть не менее серьезными”²⁸.

Уже упоминавшийся профессор Шинн во время сенатских слушаний в конце июля 2009 г. также поставил вопрос о правомерности определения ситуации в Дарфуре в качестве “геноцида”. Ссылаясь на соответствующую статью Конвенции по предотвращению и наказанию таких действий, как геноцид, от 1948 г., он напоминает о двух составляющих, которые определяют преступление: 1) психологическая часть, означающая “намерение разрушить, целиком или частично, этническую, расовую или религиозную группу как таковую”; 2) физическая часть, которая охватывает пять разных действий. Преступление должно включать обе указанные части, чтобы квалифицироваться как геноцид. Пять действий – это убийство членов группы; нанесение им серьезных физических или психических травм; воздействие на условия жизни группы таким образом, чтобы привести к ее полному или частичному физическому

уничтожению; использование мер, направленных на предотвращение рождаемости внутри группы; насильственное перемещение детей в другую группу. Таким образом, если суданское правительство просто намеревалось нанести поражение дарфурским повстанцам, даже убивая попутно их гражданских сторонников, это не может соответствовать стандартам геноцида.

Кроме того, Шинн напомнил, что Колин Пауэлл назвал действия суданского правительства геноцидом уже почти пять лет назад, когда были созданы вооруженные отряды Джанжавид, виновные в убийстве десятков тысяч людей. С тех пор, по мнению профессора, ситуация в Дарфуре заметно изменилась. В 2008 г. в регионе произошло “всего” около 1550 насильственных смертей, причем меньше 500 жертв были гражданскими лицами. Более 400 погибших оказались боевиками различных повстанческих группировок, и около 640 человек умерло во время стычек между племенами. Суданское правительство, вооружившее боевиков, вовлеченных в межплеменные стычки, безусловно, ответственно за эти смерти, и насилие до сих пор остается серьезной проблемой в Дарфуре, но ситуация не подпадает под определение геноцида. Шинн заявил, что не имеет сведений о жертвах за 2009 г., но сомневается, что число убитых возросло.

На самом деле, в рассматриваемых обстоятельствах многое указывает на специальные, нацеленные намерения правительства уничтожить значительные группы дарфурцев. Прежде всего это насилие, осуществляемое в основном над африканскими общинами, и его отсутствие в отношении арабского населения; политические установки прогнать черных дарфурцев с их земли и отчетливые проявления расовой ненависти. Безусловно, действия Хартума направлены против совершенно определенных групп дарфурцев, однако даже если эти группы можно четко выделить, тот факт, что большинство дарфурцев были вынуждены покинуть свои дома, но не были уничтожены, указывает на намерение правительства “очистить” регион, но не обязательно путем физической ликвидации населения.

Международная комиссия также не выявила специального замысла правительства уничтожить дарфурцев, за исключением тех случаев, когда правительственные войска и милиция уничтожали реальных или потенциальных повстанцев, вынуждая остаток общины – в основном женщин и детей – спасаться бегством, но не убивая их, а давая возможность собираться

в лагерях и не проявляя умысла ликвидировать их там. Комиссия заключила, что те органы, которые планировали атаки на деревни, преследовали цель выгнать жителей из их домов прежде всего с целью выявления сторонников повстанчества. Однако с последним выводом Комиссии, независимо от того, был ли это геноцид или нет, трудно согласиться полностью по ряду причин, о которых будет сказано ниже. Хотя можно признать тот факт, что главным намерением правительственные войска было, повторим, прогнать дарфурцев, а не уничтожить их.

Есть также мнение о том, что события в Дарфуре, возможно, нацеленные на частичное разрушение специфических этнических и расовых групп, можно назвать “этнической чисткой”²⁹. Впрочем, одно преступление не исключает другого. Встает еще и вопрос о наличии намерения уничтожить “существенную” часть группы. Значение определения “существенная часть” было выявлено в связи с событиями в бывшей Югославии, когда появилось решение квалифицировать преступление как геноцид в случаях, если уничтожалось не менее 10% численности этнической группы. Число погибших в результате насилия в Дарфуре до сих пор неизвестно, хотя оно едва ли составляет 10%. Примерные подсчеты, предпринятые различными организациями и отдельными исследователями, разнятся настолько, что их нельзя воспринимать всерьез, поэтому и этот метод определения ситуации остается несостоятельным. Следует отметить только, что две самые уважаемые, базирующиеся в США организации, занимающиеся отслеживанием нарушений прав человека во всем мире – Международная амнистия и Организация по наблюдению за правами человека, не согласились назвать ситуацию в Дарфуре геноцидом.

Вместе с тем обращаться к четким критериям и определениям важно, иначе понятие “геноцид” может стать темой политического манипулирования: его будут избегать, если его применение станет привлекать ненужное внимание, и использовать, когда убийцы – официальные враги, и их таким образом можно более сурово покарать.

Независимо от того, подходит ли термин “геноцид” к конфликту в Дарфуре, двойные стандарты в его использовании с политическими целями способствовали тому, чтобы сделать концепцию еще более неопределенной. В качестве иллюстрации можно использовать пример из недавней истории самого Судана, когда США поддержали диктатора Нимейри во время

его кровавой кампании (которую тоже иногда называли геноцидом) против народности динка. Получается, что США с готовностью говорят о наличии геноцида, когда насилие осуществляется реальным или потенциальным врагом или заявление о нем оказывается политически выгодным, но хранят молчание, если массовые убийства совершаются союзником.

Принято считать дарфурский кризис самой ужасной гуманитарной катастрофой в мире. Однако если более тщательно рассмотреть факты, такой вывод окажется не совсем правомерным. Гуманитарные ситуации, по крайней мере, в двух других странах – Ираке и Демократической Республике Конго – намного сложнее дарфурской. Но существуют заметные различия в том, как эти ситуации политически используются.

Изучение деталей иракской войны не входит в задачу данного исследования. Однако отдельные факты говорят сами за себя: к августу 2007 г. в стране насчитывалось до 1,2 миллионов погибших и несколько миллионов беженцев³⁰. Что касается Конго, в этой стране число жертв следующих один за другим конфликтов стоит на втором месте после количества погибших во время Второй мировой войны. Несмотря на то, что официально конголезский кризис закончился в 2002 г., насилие продолжается, в стране насчитываются несколько миллионов внутренних перемещенных лиц, и 70% из 60 миллионов человек населения испытывают постоянный голод или недоедание. Уже после 2002 г. в Конго было убито в два раза больше людей, чем за все время дарфурского конфликта, начавшегося в 2003 г.³¹.

Ясно, что какие-то факторы сыграли свою роль в том, что Дарфур оказался в центре мировой политической повестки дня, а ситуация в Конго практически игнорируется мировой прессой, особенно нефранкоязычной. Является ли причиной этого “активная” миротворческая деятельность США в Судане? Но почему тогда было не развить такую же деятельность в Конго, когда это было жизненно необходимым? Однако в свое время Клинтон отказался помочь финансированию миротворческой миссии ООН в Конго. Надо сказать, что конголезский опыт вмешательства ООН подобен многим другим “интервенциям” этой организации: даже если с помощью сил ООН происходят некоторые улучшения с точки зрения относительной стабилизации военно-политической обстановки, она вместе с тем не делает ничего для предотвращения контроля над экономикой охваченной конфликтом страны другими государ-

ствами, вовлеченными в процесс его разрешения на той или иной стороне.

Тот факт, что “Дарфур” стал привычным географическим названием для среднего американца, в то время как информация о событиях в Конго, возможно, занимает лишь ограниченное число сотрудников Госдепартамента и нескольких политиков и ученых в США, является ясным отражением геополитических интересов Соединенных Штатов. Интересно, что насилие в Дарфуре оказалось в поле зрения международной общественности именно в тот момент, когда все – от крупных бизнесменов до гуманитарных организаций – начали рассматривать Судан как место для выгодных инвестиций.

Самые высокие показатели числа жертв в Дарфуре равняются примерно 500 тыс. человек, хотя 200–300 тысяч, возможно, добавлены в прессе для большего эффекта. Поскольку цифры имеют политическую ценность и их можно использовать, например, для того, чтобы изобразить арабов и мусульман более жестокими, чем они есть на самом деле, уровень смертности в Дарфуре серьезно не проверялся, и не было попыток объяснить противоречия в статистических данных. Правда, в “Нью-Йорк Таймс” в 2006 г. появилась статья Сэма Диля, в которой он отметил рекламу Коалиции “Спасти Дарфур” в Англии, в которой говорилось о 400 тысячах погибших в Дарфуре. Заметив несоответствие этих цифр тем, что предоставлялись другими источниками, он вынудил лидеров Коалиции сознаться, что просто таково было их “мнение”³².

По мнению Диля, существует серьезная причина для скептицизма в отношении количества жертв в Дарфуре. Например, исследование группы правительственныех экспертов, работавших в 2007 г., показало, что примерное число жертв, возможно, достигает 200 тысяч, то есть половины того числа, которое до сих пор представлено на сайте Коалиции “Спасти Дарфур”. В 2006 г. в престижном журнале «Science» была приведена цифра 170–255 тысяч (включая тех умерших, причинами смерти которых были недоедание и болезни)³³. При этом, уверяет Диля, противоречия и споры не носят академического характера, потому что некорректные числа могут привести к непоправимым ошибкам. Так, в самый острый период насилия, то есть в 2004 г., Центр исследования эпидемий сделал вывод, что примерно около 70% умерших дарфурцев погибли не в результате насилия, а от болезней и недоедания. То есть главным

вопросом повестки дня становился не вопрос о геноциде, а поиск путей увеличения гуманитарной помощи и защиты гуманитарных караванов, а также способов давления на суданское правительство, чтобы оно не препятствовало поставкам помощи, и на повстанцев, чтобы они прекратили нападать на конвои. Подсчеты смертей в Дарфуре стали более политизированными, чем где-либо и когда-либо еще в современной истории. Однако завышение уровня смертности не помогает дарфурцам, зато дискредитирует активистов-защитников Дарфура в целом. (По контрасту, самые серьезные подсчеты уровня смертности в Ираке показывали 650 тысяч жертв к июлю 2006 г., однако гораздо меньшие цифры циркулировали в американской прессе.)

А так ли уж это важно, как называются массовые истребления людей и препятствия к получению выжившими гуманитарной помощи? Казалось бы, что зациклившись на терминологии, когда люди гибнут, женщины насилуют, дети голодают, деревни и посевы уничтожаются, скот угоняется, избежавшие насилия бросают свои дома и скапливаются в лагерях для перемещенных лиц, где они страдают от эпидемий, когда обостряется обстановка на границах, дестабилизируется ситуация в соседних странах, дети превращаются в “потерянное поколение”, растет зависимость от гуманитарной помощи тех же американцев, и все – в больших количествах. Так ли уж важно, подходит ли все это под определение геноцида 1948 г.? Но, видимо, важно, потому что если это геноцид, то нужно что-то делать, иначе история не простит, а если нет, то главная проблема – оправдание для бездействия, невмешательства. Таким образом, как утверждает профессор Шинн, обвинение в геноциде остается очень важным и имеющим негативные последствия с точки зрения разрешения конфликта.

Безусловно, США имеют множество причин и возможностей не ввязываться в этот конфликт военными средствами. Да, существует давление со стороны общественных организаций, но далеко не такое сильное, как сами НГО желают его представить. Не забыты еще и события в Сомали 1993 г., когда около двух десятков американских солдат были убиты, а тела двоих протащили по улицам Могадиши под улюлюканье толпы. Кроме того, нескончаемые войны в Ираке и Афганистане, требующие огромных затрат, и кризис американской экономики...

Но даже если признать, что это геноцид, что тогда? Даже ООН и АС, чья, казалось бы, прямая обязанность – поддерживать мир и благополучие всех народов в целом и Африки, в частности, до сих пор не дислоцировались должным образом, испытывают острый недостаток в транспортных средствах и оборудовании, не начали активной миротворческой деятельности, но никто не взывает к ним, чтобы они перестали бездействовать. Проблема только обсуждается в кабинетах, в том числе и в Овальном, на сенатских слушаниях, студенческих митингах, церковных службах и на голливудских тусовках. Не умаляя значения подобной активности, тем более, что на это расходуется много средств, как, впрочем, и на оказание гуманитарной помощи дарфурцам по линии AMP США и других НГО, что, собственно, входит в их прямые обязанности, следует отметить все-таки, что пока вся эта суeta привела к весьма незначительным результатам, причем в решении обоих вопросов: и по кризису как таковому, и по пересмотру американской дарфурской политики.

Впрочем, определенные сдвиги все-таки есть. Беженцы начали возвращаться в свои дома, и предполагается, что они будут получать какую-то помощь в виде "подъемных" (прежде всего от тех же США через AMP США), но для этого им следует представить специальные документы в качестве доказательств "добровольности" своего возвращения. Не говоря уже о том, что для этого дарфурцы (а большинство беженцев – женщины и дети) должны быть достаточно грамотными, чтобы понять, что это за документы и где они должны их получить, и действительно найти нужных – уполномоченных – лиц с правом подписи и штампом в руках. Не совсем понятным вообще представляется вопрос о "добровольности". Что, женщины и дети рады бы поселиться на всю жизнь в лагерях беженцев на чадской территории? Даже если туда поступает гуманитарная помощь? Едва ли. Если же миграционные организации опасаются, что под видом беженцев в полуразрушенные деревни проникнут бывшие боевики и лица недарфурской этнической принадлежности, то опыт других беспокойных районов мира показал, что те, кому нужно, и проникнут, и помочь получат, тем более, что документы всегда можно украсть, отобрать, купить и потерять. Что, безусловно, и будет происходить. Так почему не помочь людям просто потому, что они голодны и не имеют жилья?

Интересы США в Дарфуре

Если, как показывают события, США в сущности не сделали ничего серьезного для Дарфура, даже после 2004 г., то правомерен вопрос, а нужен ли вообще Дарфур США? Наверное, нужен, иначе не было бы слушаний в Сенате, но тогда встает вопрос – почему? Да, как уже не раз упоминалось, из-за престижа сверхдержавы, имиджа “мирового шерифа”, статуса международного арбитра. Из-за обещаний, сделанных и Бушем, и Обамой, и другими представителями американского истеблишмента. Широкую известность получила история о том, как еще в начале своего президентства Джордж Буш-младший написал несколько слов на полях отчета по поводу бездействия Клинтона во время событий в Руанде. Этими словами были: “Не при мне!”. По аналогии, движение “Спасти Дарфур” выбрало своим лозунгом слова “Не при нас!”. В 2008 г. во время своей предвыборной кампании тогдашний кандидат в президенты Барак Обама заявил: “...Нужно оказать реальное давление на суданское правительство. Из предыдущего опыта мы знаем, что заставить их поступить правильно будет сложно. Соединенные Штаты вместе с ООН должны предпринять немедленные шаги, чтобы остановить происходящее в Дарфуре”. Члены команды Обамы и во время предвыборной гонки, и задолго до нее неоднократно и жестко высказывались по вопросу о Дарфуре. Например, Сьюзан Райс, в настоящее время представитель США в ООН, еще в 2006 г. призывала к бомбардировкам и морской блокаде Судана в целях прекращения геноцида в Дарфуре. Та же Райс охарактеризовала действия администрации Буша как пустые угрозы, перемежающиеся с отступлениями. Нет никакого сомнения в искренности желания американских лидеров покончить с затянувшимся гуманитарным кризисом, однако, несмотря на многочисленные высказывания, политика США в Дарфуре до сих пор остается неопределенной.

Так что же нужно США от Дарфура?

Как уверяет профессор М. Клэр, главной задачей США во внешней политике, по крайней мере, в последние полвека, является достижение американского доминирования на глобальной шахматной доске и ослабление влияния двух других сильных игроков – России и Китая³⁴. К большой досаде Ва-

шингтона Китай начал делать весьма заметные шаги на Африканском континенте, особенно в районах нефтедобычи.

Как было отмечено в “Нью-Йорк Таймс” еще в 2002 г., стратегическая важность Африки для США стала стремительно расти, и причину этого можно назвать одним словом – “нефть”. США сейчас импортируют больше сырой нефти из Африки (15%), чем из стран Ближнего Востока, и предполагается, что такая доля в ближайшие годы возрастет на четверть (хотя санкции против Судана пока не позволяют американским нефтяным кампаниям оперировать в этой стране)³⁵. Привлекательность африканской нефти прежде всего связана с тем, что США при постоянном росте потребностей в “черном золоте” вынуждены находить его источники вне ближневосточного региона и официального врага – Венесуэлы.

Для осуществления этой цели за последнее десятилетие США заметно расширили свое присутствие в нефтеносных районах Африки (в Анголе, Нигерии, Чаде, Экваториальной Гвинее и Судане). Как в свое время отметил тогдашний министр транспорта США Родни Слэтер, природа американских интересов в Африке ясна: Вашингтону нужен доступ к африканским рынкам, и необходимо, чтобы африканские страны имели доступ на американский рынок, то есть чтобы африканцы поставляли сюда свои природные ископаемые³⁶.

Немного передохнув после окончания холодной войны, уже с середины 90-х годов американцы начали обучать и экипировать под разными предлогами (прежде всего для миротворчества и борьбы с терроризмом) вооруженные силы различных стран континента. Реальными же мотивами были обеспечение стабильного инвестиционного климата для западных компаний и защита военных и политических союзников, которые в обмен на инвестиции, кредиты и помощь готовы позволить США эксплуатировать местные природные ресурсы. События “11 сентября” даже ускорили этот процесс, вынудив США увеличить военные расходы в Африке. Кроме того, представители США встретились с руководителями ряда африканских государств дабы договориться о создании т.н. буферной зоны с сетью трубопроводов между нефтяными месторождениями северо-восточной части континента и зоной Гвинейского залива. Уже действует нефтепровод Чад-Камерун. После снятия санкций суданская нефть для США будет перекачиваться по нефтепроводу с Юга страны в Порт-Судан (если к тому

времени Китай не выкупит все концессии), а после стабилизации обстановки в Дарфуре станет возможным (и это уже обсуждается) строительство нефтепровода Чад-Судан.

Учитывая, что американское правительство рассматривает африканскую нефть в качестве своих “национальных стратегических интересов” (Уолтер Канштейнер, бывший помощник госсека по Африке) и “первичного фактора для обеспечения национальной безопасности США” (Эд Ройс, бывший председатель подкомитета Конгресса по африканским делам), можно понять активное участие Вашингтона в подготовке ВМС: мир и стабильность, хотя не обязательно справедливость, на Юге Судана будут способствовать более эффективной добыче суданской нефти, в том числе, и американскими компаниями³⁷. Безусловно, США позаботятся о том, чтобы суданское правительство (или оба правительства – в случае отделения Юга) не забыли о вкладе американцев в дело мирного урегулирования.

Согласно данным геологоразведки, Дарфур и Кордофан могут оказаться самыми богатыми нефтеносными районами страны. Исследование примерных запасов нефти в Дарфуре, проведенное в 2005 г., показало, что Судан обладает нефтяными резервами, по крайней мере, в два раза большими, чем предполагалось до того. Тон обращения Буша к Аль-Баширу сразу смягчился. Как уже упоминалось ранее, этнические чистки были далеко не главной причиной жестокого обращения правительства с дарфурцами. Безусловно, “освобождение” территории от местного населения позволило Хартуму увеличить объем нефтедобычи в Дарфуре. После серии массивных атак милиции на ряд деревень один из представителей ООН в регионе предположил, что эти объекты были выбраны из-за их расположения неподалеку от нефтяных месторождений южного Дарфура. Лидеры повстанческих групп сделали те же выводы³⁸.

К большой досаде США, в отличие, например, от Саудовской Аравии, суданское правительство старается сохранить свою независимость от Вашингтона в “нефтяных” вопросах. Применив поразительную, доступную только ему логику, президент Буш однажды таким образом отозвался о “поведении” суданского правительства: “Политика правительства Судана в развитии суданской нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности создает угрозу национальной безопасности США и интересам нашей внешней политики”³⁹.

Нефть, добываемая в определенной группе африканских стран, в том числе в Судане, имеет особую привлекательность для Вашингтона и потому, что ОПЕК пока не принимает в свои ряды некоторых “растущих” нефтепроизводителей – таких, как Судан, Чад и Экваториальная Гвинея, что позволяет США контролировать формирование цен на нефть в этих странах.

Рост стратегической важности региона побудил Вашингтон к усилению здесь своего военного присутствия. Особенно показательным в этом отношении стало намерение создать новое воинское формирование – т.н. Африканское командование (Африком), целью которого должна стать координация военных и разведывательных операций в Африке. Функционирующая в настоящее время американская база в Джибути позволяет осуществлять стратегический контроль морской зоны, через которую проходит четвертая часть всех мировых перевозок нефти, и которая, между прочим, расположена недалеко от красноморского конца южносуданского нефтепровода. База в Джибути позволяет контролировать восточный край широкой нефтяной полосы, пересекающей Африку с Востока на Запад и протянувшейся от 994-мильного нефтепровода Хиглейг – Порт-Судан на востоке к 640-мильному нефтепроводу Чад – Камерун и Гвинейскому заливу на Западе⁴⁰.

Растущее китайско-африканское и китайско-суданское сотрудничество начинает вызывать серьезные опасения у США. Не задаваясь гуманитарными вопросами, Китай осуществляет поставки в Судан технологий для добычи нефти, строительства трубопроводов и закупает местную нефть в сравнительно больших объемах. Огромная и постоянно растущая потребность Китая в нефти вынудила Пекин к проведению агрессивной “долларовой” дипломатии. С валютными резервами, превышающими 1,3 трлн. долларов и находящимися в Народном национальном банке Китая, Пекин начал активную нефтяную геополитику, причем именно Африка стала его главной целью, а судано-чадский регион – наиболее приоритетным районом на континенте. Появилась линия “нового фронта холодной войны” за обладание главными нефтяными ресурсами – войны, начавшейся между США и Китаем сразу после американского вторжения в Ирак в 2003 г. До сих пор Пекин разыгрывал свою карту эффективней, чем Вашингтон. Не исключено, что Дарфур станет главным полем битвы за нефть между двумя гигантами.

В течение нескольких последних месяцев Китай выступил с серией инициатив, направленных на сохранение под своим контролем нефтяных месторождений, даже тех, которые будут разрабатываться лишь в отдаленной перспективе.

В настоящее время Китай импортирует 30% неочищенной нефти из Африки. Это объясняет подъем китайских внешнеполитических инициатив, которые не могут не вызывать недовольство Вашингтона. Китай предоставляет африканским странам, в том числе Судану, беспроцентные кредиты, попутно на собственные средства строит дороги, школы и больницы, а США в это время стараются контролировать африканскую экономику, используя Всемирный банк и МВФ, выставляя жесткие экономические и политические условия. Неудивительно, что африканцы предпочитают сотрудничество с Китаем.

Успех Китая на континенте еще и потому вызывает раздражение США, что, как объяснил директор сайта GlobalSecurity.org Джон Пайк, “американская политика в Африке – это частично строительство империи, а частично – миссия усиления безопасности. Если мы (США – СК) не возьмем что-то, кто-нибудь еще возьмет, например, китайцы... а мы хотим иметь наши пальцы во всем”⁴¹.

Китай и не скрывает, что расширяет свое присутствие в Африке вовсе не из-за гуманитарных соображений. Нет, он стремится к экономической выгоде и усилению влияния, что нередко осуждается теми западными экспертами, которые не желают разобраться или делают вид, что не понимают истинных мотивов американской политики на континенте. В средствах массовой информации и научных трудах часто звучится мысль о том, что какие бы ошибки США ни делали, по какой бы причине они ни отказывались от вмешательства в те или иные дела (например, в руандийские события 1993 г.), не может быть никаких сомнений в добной воле вашингтонских намерений. Однако этот имидж США как уникального в своем роде государства, во всех своих действиях преданного делу достижения всеобщего благополучия, не подтверждается историей и не согласуется с политикой Вашингтона в отношении Дарфура и Африки в целом.

Причем США не одиночны в осуществлении такого рода политики в Африке. И другие державы, прежде всего Англия и Франция, борются за доступ к ценным природным ресурсам, сотрудничая с африканскими репрессивными режимами, предоставляя военную и материальную помощь “плохим парням”,

посылая наемников, то есть делая все для расширения своего политического и экономического влияния. Даже международное миротворчество зачастую становится частью такой “захватнической” политики, главным элементом которой является концепция “гуманитарной интервенции”.

Миротворческая деятельность в Дарфуре

Во множестве дискуссий, касающихся ситуации в Дарфуре, поднимался вопрос о том, какие страны должны участвовать в миротворческих миссиях в регионе, причем США неизменно возглавляли список. Хартум же постоянно грозил, что согласится впустить в Дарфур миссию, состоящую только из африканских войск. Однако такой вариант далеко не прост. Еще бывший генсек ООН Кофи Аннан уверял, что это очень сложно – собрать в достаточных количествах войска из стран, которые чувствуют себя неадекватно представленными в СБ, принимающем за них решения⁴².

С другой стороны, присутствие в Дарфуре больших западных и особенно американских вооруженных контингентов могло бы вызвать у суданцев подозрения по поводу истинных намерений Запада. Африканские войска, по крайней мере, не были замечены в поддержке диктаторских режимов в Хартуме и желании захватить суданские нефтяные месторождения. Кроме того, встает вопрос: не будут ли США манипулировать силами ООН таким образом, чтобы это в наибольшей степени отвечало их интересам. В результате было принято решение укрепить уже находившиеся в Дарфуре войска Африканского союза (АС) силами ООН, состоящими в основном из армейских контингентов африканских стран.

Силам АС/ООН, которые позже стали называться ЮНАМИД, должна была быть предоставлена военно-воздушная помощь в виде самолетов и вертолетов, а также специальных летных подразделений из неафриканских стран, включая членов НАТО, которая обеспечивает военным транспортом АС. США серьезно рассматривали отправку войск НАТО в Дарфур. В одном из своих заявлений, вызвавшем немалое удивление в Вашингтоне, Буш даже предложил организовать дело таким образом, чтобы НАТО руководило силами ООН в Дарфуре, и отправить туда большую команду натовских советников⁴³.

Серьезное военное вмешательство самих США в дарфурский конфликт весьма проблематично прежде всего из-за тесных связей американского руководства и служб безопасности с самыми репрессивными элементами в суданском правительстве и силовых структурах. Многие суданцы едва ли смогут поверить в желание Вашингтона позаботиться о судьбе простых дарфурцев, не защищая при этом своих интересов, что может пойти даже во вред тем, кого они прибыли избавить от страданий. Определенный скептицизм проявлялся и по поводу привлечения сил НАТО, поскольку как Западный военный альянс, он скорее отражает интересы США, нежели ООН, которая могла бы проявить больше гибкости. Были даже высказывания о том, что любой факт американского участия в миротворческой деятельности может повернуть против США все население, и это осложнит, если не полностью уничтожит, шансы для позитивных изменений в Дарфуре. Что касается привлечения НАТО, то, по мнению бывшего спецпредставителя генсека ООН в Судане Яна Пронка, это привело бы к катастрофе, потому что в этом случае “суданцы объявили бы джихад”⁴⁴.

Хотя американские “ястребы” в определенные моменты призывали к односторонней отправке американских войск в Дарфур, в конце концов Буш открыто заявил, что больше не рассматривает такую возможность. Вместе с тем американские военные советники находились в расположении войск АС в Дарфуре, и Вашингтон даже нанимал частные фирмы для осуществления военной помощи разным группам в Судане, причем часто те же фирмы, которые работали с США в Ираке. Использование наемников иногда бывает более удобным, поскольку их деятельность содержится в секрете и меньше подвержена общественной критике. Кроме того, согласно американскому законодательству, правительство США или общественные организации не имеют права финансировать иностранные политические партии, но, используя частные фирмы, могут получить искомые результаты⁴⁵.

Частная фирма “Динкорп”, которая была вовлечена в переговоры между Суданским правительством и СНОД, позже использовалась Вашингтоном для работы в Дарфуре. “Блэквотер”, которая “прославилась” своей жестокостью в Ираке и считается самой сильной армией наемников в мире, подрядилась по заказу США обучать южносуданских сотрудников службы безопасности⁴⁶.

ООН и активисты-защитники Дарфура проявили большой энтузиазм по поводу присутствия ЮНАМИД в регионе. Многие даже утверждали, что эти силы должны разместиться там любой ценой, если понадобится, насилию войти в Судан. Переговоры, по их мнению, являются пустой тратой времени⁴⁷. Однако уверенность в том, что военная миссия в Дарфуре – лучший ответ на продолжающееся насилие, едва ли основывается на анализе реальной ситуации.

Усилия большинства западных политиков в течение нескольких лет направлялись на подталкивание суданского правительства к созданию условий для полного размещения сил ООН в Дарфуре, на что Хартум, наконец, формально согласился при условии, что дислокация будет совместной с силами АС. Хотя не оставалось никакого сомнения в том, что ЮНАМИД стала бы действовать по указанию Запада и не всегда в интересах дарфурцев, жила, тем не менее, надежда на то, что, по крайней мере, так возможно прекратить насилие. Безусловно, было бы безответственным просто отвергать любое вмешательство ООН потому, что она стала бы выражать интересы тех, кто больше платит, то есть США и других крупных держав. Отказ от присутствия ООН противоречил бы и желаниям большинства дарфурцев, которые связывали с этой организацией и АС пусть слабые, но все-таки надежды на прекращение конфликта. И сейчас вопрос не в том, будет ли ЮНАМИД служить интересам Запада (будет, почти определенно), а в том, принесет ли ее присутствие положительные результаты для региона. Но, в конце концов, даже интересы США могут совпадать с общими намерениями прекратить насилие и защитить права человека.

Однако существует целый ряд препятствий позитивным изменениям в Дарфуре с помощью ЮНАМИД. Прежде всего, войска миссии размещены между правительственными и повстанческими силами, таким образом скорее сохраняя “статус quo”, нежели принимая меры по урегулированию кризиса. В результате присутствие миссии может только временно снять остроту проблем, которые возникнут вновь, как только миссия переместится или уйдет совсем. Поскольку единства среди дарфурских повстанческих фракций не существует (например, США благоволят к Дарфурской народной армии, которая не поддерживается большинством дарфурцев), ЮНАМИД может оказаться в ситуации, когда ей придется защищаться от какой-

либо из дарфурских группировок или драться на стороне одной фракции против другой, а потом и вовсе обратиться к репрессивным методам.

ЮНАМИД может оказаться неспособной к осуществлению каких-либо действий вообще из-за своего ограниченного мандата и недостаточного финансирования (как это в свое время ударило по миссии АС), нарушений прав человека собственными солдатами миссии (такие случаи уже были отмечены) или из-за серьезной оппозиции ее присутствию со стороны каких-либо сил внутри Судана или Дарфура.

Но несмотря на серьезность всех возможных препятствий эффективной деятельности ЮНАМИД, даже в комбинации они не должны были бы лишить шанса хотя бы временного прекращения насилия в Дарфуре. Однако этого не произошло. Между тем активисты организаций по защите Дарфура продолжают рассматривать саму идею миротворчества буквально в качестве панацеи и поддерживают ее в прессе, на митингах и собраниях, в общении с истеблишментом.

Многие американские политики и обозреватели выражали скептицизм по поводу перспектив разрешения дарфурского кризиса с помощью военной миссии с ограниченным мандатом. Действительно, практика показывает, что нет реального военного решения для такого типа этнических войн. Простой и правильный выход из ситуации в Дарфуре – сначала поменять политику, а уж затем с помощью миротворцев обеспечить стабильность. Военное присутствие для удержания мира может быть условием для умиротворения ситуации, но не решения кризиса.

Если бы миротворческие силы находились в центре конфликта, политическое решение для которого уже было найдено, стало бы легче прекратить насилие и обеспечить безопасность гражданского населения. Однако США и другие страны, вовлеченные в разрешение конфликта, не смогли подготовить основу для переговоров. Или не пожелали этого сделать. Бутрос Бутрос-Гали пишет: “Прошло достаточно времени, пока я полностью не понял, что США мало нуждаются в дипломатии; им достаточно силы. Только слабый опирается на дипломатию... Выходец из развивающейся страны, я был обучен международному законодательству и дипломатии и ошибочно полагал, что великие державы, особенно США, также обучают своих представителей дипломатии и учат признавать ее цен-

ность. Но Римская империя не нуждалась в дипломатии. И США тоже. Дипломатия рассматривается имперской державой как отбросы времени и знак слабости”⁴⁸.

Если бы войска были размещены без одобрения Хартума, как призывали некоторые политики и активисты, произошло бы непоправимое: развалилось бы и без того хрупкое ВМС, стала бы невозможной работа гуманитарных агентств в Дарфуре, а силы ООН встретили бы серьезное сопротивление со стороны суданского правительства, а возможно, и ряда повстанческих движений. Учитывая нежелание Аль-Башира допустить отделение Юга и испытываемые им подобные же опасения в отношении Дарфура, тем более, что такой исход в случае вторжения туда большой западной военной силы был бы вполне возможным, трудно предположить, что и односторонняя интервенция, например, США в Дарфур не вызвала бы серьезного противодействия со стороны суданцев.

Даже угроза вторжения дополнительных сил ООН, НАТО, США или кого-либо еще может побудить Хартум ускорить темп и совершить все “необходимые” операции до прихода миротворцев. Согласно докладу ООН, осуществленная в августе 2006 г. атака на одну из дарфурских деревень, в результате которой остались сотни убитых, оказалась заранее спланированной акцией по “очистке территории от черных африканцев до появления миротворцев”⁴⁹.

Таким образом, представляется, что разрешение кризиса в Дарфуре должно скорее носить политический, нежели военный характер. Однако Вашингтон уже продемонстрировал отсутствие интереса к использованию дипломатических возможностей, чтобы оказать сколько-нибудь серьезное влияние на правительство Судана. Было сказано много слов, но не было реального действия. Во время мирных переговоров между суданским правительством и дарфурскими повстанцами был отмечен очень низкий уровень представительства участников и наблюдателей со стороны ООН, США и других западных стран. Ни один американский официальный представитель не присутствовал на переговорах на постоянной основе, а когда требовалось “американское мнение”, приглашался кто-нибудь из работников Мирового банка или других организаций, базирующихся в стране.

Итак, дипломатические инициативы США были сведены почти к нулю (недаром даже должность посла США в Судане

вакантна, и посольство возглавляется поверенным в делах), миссия разрешения дарфурского кризиса возложена на ЮНАМИД, но почему же в таком случае войска АС и ООН должны были действовать в столь тяжелых условиях? Запад настаивал на присутствии миротворцев в Дарфуре, при этом проявляя полное отсутствие интереса к их финансированию, снабжению оборудованием и транспортными средствами, к моральному состоянию в буквальном смысле слова голодных солдат и офицеров. ЮНАМИД до сих пор не имеет ни достаточной численности, ни финансового обеспечения в полной мере, ни необходимого транспорта, чтобы осуществлять хотя бы патрулирование территории. То есть поддержка миротворческой миссии ведется лишь путем обсуждений, сочувствий и обещаний.

А что же думают сами дарфурцы о присутствии сил АС и ООН в их регионе? В принципе, отношение дарфурцев к миротворчеству мало изучено. Однако отдельные статьи в прессе и в Интернете позволяют сделать общий вывод о том, что жители региона в целом приветствуют приход войск АС и ООН, но мнения представителей отдельных племен о стратегии и тактике миротворчества заметно различаются.

Высказывания членов башировского правительства по поводу “неоколониального” характера миссии ООН убедили многих суданцев, даже оппозиционных правительств, в том, что присутствие миротворцев не отвечает интересам страны. Особенно часто озвучивается в регионе опасение, что войска ООН превратят Судан во второй Ирак, а некоторые даже предполагают, что такое развитие событий привлечет в страну «Аль-Каиду». Аль-Башир принял необходимые меры для того, чтобы население страны понимало происходящее вокруг таким образом, каким ему было нужно: установил жесткий контроль над прессой, закрыл ряд газет, одобрил пытки оппонентов и отказы в предоставлении виз иностранным журналистам. Суданская пресса регулярно проводит параллели между ООН и США, заставляя суданцев думать, что это ООН воюет с Ираком и Афганистаном⁵⁰.

Интересно, что много раз отказывавшийся разрешить размещение сил ООН в Дарфуре Аль-Башир никогда не поднимал вопрос о войсках ООН на Юге. То есть если суданские руководители верят в собственные заявления по поводу оновских миротворцев, они давно должны были бы изгнать те 10 тысяч сконцентрированных на юге солдат из страны. Несмотря на это “несоответствие”, нельзя недооценивать уровень оппозиции

силам ООН в Дарфуре среди определенных групп суданского общества. Тот факт, что в столице уже прошло несколько антиооновских демонстраций, вовсе не означает, что это отражает настроения всех суданцев, но тем не менее его следует принять во внимание политикам.

Отмечено, что размышления о неоколониальном, захватническом и империалистическом характере присутствия сил ООН характерны и для Дарфура. Однако, по крайней мере, в лагерях перемещенных лиц дарфурцы с нетерпением ожидают прихода миротворцев. Несколько религиозных лидеров Судана подписали заявление, призывающее правительство страны прислушаться к мнению дарфурцев, разоружить Джанжавид и принять миротворческие силы в Дарфуре⁵¹. Есть свидетельства и о том, что даже идея интервенции НАТО в Дарфур получила некоторую поддержку среди жителей региона.

Казалось бы, если измученное конфликтом население призывает к внешней помощи в виде военного вмешательства в дела суверенного государства, то честные обыватели в сильных в военном отношении странах должны надавить на свои правительства и заставить их отправить на помощь несчастным более или менее боеспособный воинский контингент. Звучит логично, но правильно ли это на самом деле? Ясно, что страдающее население, не имеющее собственных сил для изменения положения, будет цепляться за любую возможность прекращения кровопролития. Так, война в Ираке приветствовалась курдским населением страны, находившимся в очень тяжелом положении при режиме Саддама Хусейна, но это не означало, что война была справедливой. Дарфурцы рассуждают так же, и это можно понять, учитывая ситуацию, в которой они находятся. Это понятно и с чисто психологической точки зрения: главное, прекратить убийства сегодня, а что будет с регионом потом, – позже и будет решаться. Безусловно, голоса жертв заслуживают внимания, но это не императив, что лучший способ разрешения ситуации – следовать их желаниям. Общая точка зрения дарфурцев хорошо выражена словами одного из беженцев: “Мы не вернемся в наши дома, пока белые не придут и не обеспечат нашу безопасность”⁵².

Интересно, что приняв идею миссии ООН как единственного возможного спасителя Дарфура, американские активисты и политики почти полностью проигнорировали тот факт, что важным шагом к усилению миротворчества могло бы стать финан-

сирование войск АС, которые начали размещаться в Дарфуре еще в 2004 г. Не было, конечно, никакой гарантии, что даже полностью экипированные они смогли бы принести мир в Дарфур, но поскольку определенная миротворческая цель перед ними была поставлена, они не имели никаких других и своих особых интересов в Дарфуре и уже физически были на месте, можно назвать только преступлением то, до какой степени нужды сил АС были проигнорированы Западом. Более того, как рассказывалось в “Вашингтон Пост”, Буш предложил заменить слабые 7-тысячные миротворческие силы АС опытными 20-тысячными войсками ООН⁵³. Эта промашка Буша позже редко упоминалась, потому что США были фактически одним из главных спонсоров Союза и вполне могли повысить возможности и эффективность его войск, если бы захотели.

Поскольку США с энтузиазмом обещали поддержать силы ООН, АС мог ожидать, что какая-то часть финансирования достанется и ему, но не получил ничего, кроме пустых обещаний. Даже Ливия, которая осуждала возможность западной интервенции в Дарфур, одобрила расширение контингента АС до 17 тысяч. Одной из немногих, кто публично обвинил Запад в нежелании помочь миротворчеству в Дарфуре, стала известная актриса и посол ЮНИСЕФ Миа Фэрроу, которая после визита в регион заявила, что для нее это явилось шоком –увидеть, в каком состоянии находятся силы Союза: они настолько недофинансираны и недоэкипированы, что едва ли могут обеспечить свою собственную безопасность⁵⁴.

Отказ профинансировать миссию АС был ударом для дарфурцев, поскольку отсутствие денег на зарплату и базовые нужды солдат и офицеров заметно повлияло на мораль и эффективность войск, а также на их репутацию среди местного населения. В октябре 2006 г. СиЭнэн отмечала, что некоторые солдаты АС уже в течение нескольких месяцев не получали зарплату, и у них оставалось так мало горючего, что они не могли патрулировать территорию, а некоторые подразделения даже не получали еду. Самое необходимое оборудование отсутствовало, патрулирование происходило без каких-либо средств связи. Переводчики миссии устроили пятимесячную забастовку, потому что их работа не оплачивалась, – все это легко могло быть исправлено Западом⁵⁵.

Вставал вопрос и о законности размещения сил АС в Дарфуре. Ограниченный мандат заметно сузил их способности

защищать гражданских лиц. Отчасти по этой причине некоторые дарфурцы стали смотреть на Союз как на ставленника Хартума. Многие обозреватели также сомневались, действительно ли войска АС имеют необходимый опыт и стратегические возможности эффективно действовать в Дарфуре. Однако эта критика не могла послужить причиной для США заменить войска АС силами ООН. Если бы страны-спонсоры руководствовались "гуманитарными" мотивами, они, по крайней мере, хотя бы временно профинансировали миссию АС до размещения там контингента ООН. Утверждения Запада и прежде всего США, что войска Союза не были готовы для работы в Дарфуре, можно квалифицировать как безнравственные. Образно высказался командующий нигерийским контингентом генерал-майор Коллинс Ихекире: "Если кто-то не имеет крыльев и поэтому не может летать, я не думаю, что это можно назвать провалом... Если бы нам дали то, чего мы требовали, мы бы сделали свою работу".⁵⁶

Учитывая относительно теплые связи Вашингтона с суданским правительством и обмен разведданными для борьбы с терроризмом и в то же время зная о неадекватной поддержке миссии АС/ООН в Дарфуре, правомерно было бы поставить вопрос о том, а действительно ли США были заинтересованы в успехе этой миротворческой операции, или они просто, как всегда, пытались поддержать свой имидж "международного шерифа".

ЮНАМИД также не избежала участия АС и ООН и не получила ни достаточного финансирования, ни оборудования, ни транспортных средств. В сущности, объединение сил АС и ООН, произошедшее в 2007 г., в основном вылилось в перекраску зеленых беретов солдат АС в голубые – ООН, причем и эта процедура осуществлялась на собственные средства военнослужащих. Впрочем, некоторые решили вопрос проще – натянули на береты голубые пластиковые пакеты. ЮНАМИД до сих пор не получила необходимого количества вертолетов, ожидаемых с августа 2007 г., хотя из-за этого, как уверяют некоторые эксперты, все миротворчество может провалиться. Трудно предположить, что опыт ЮНАМИД будет заметно отличаться от того, что пережили войска АС, которые не могли получить запасные колеса для предоставленных Канадой бронетранспортеров.

Неспособность стран Запада собрать два десятка вертолетов позволила Хартуму использовать этот факт, чтобы ука-

зать дарфурцам на безразличие США и других сверхдержав к их судьбе, отчасти оправдывая этим собственное затянувшееся нежелание разрешить полное размещение ЮНАМИД. Однако вскоре страсти вокруг вертолетов накалились до такой степени, что в декабре 2007 г. ООН и суданское правительство сделали совместное заявление, напоминавшее о важности размещения объединенной миссии в Дарфуре и призывающее к международной поддержке этих усилий⁵⁷.

Американская общественность и дарфурский кризис

Американское общественное движение, выступающее за разрешение различными путями дарфурского конфликта и помочь дарфурским беженцам, смогло привлечь удивительно широкий спектр участников. Несмотря на заметные различия в характере занятости и политических взглядов активистов движения, в целом они, как правило, придерживаются позиций, близких к установкам американского правительства, и поддерживают его почти во всех “начинаниях”, касающихся урегулирования ситуации в Дарфуре, лишь изредка критикуя его за “нерасторопность” и призывая действовать более активно. Вместе с тем существуют некоторые, хотя и недостаточно четко артикулированные различия в подходах общественных движений к ситуации в Дарфуре и методам ее разрешения. В основном это касается миссии ООН и возможного военного вмешательства США в дарфурский конфликт.

Наиболее влиятельным продарфурским движением является “зонтиковая” Коалиция “Спасти Дарфур”, объединяющая – по разным “подсчетам” – от 100 до 180 общественно-политических групп, список которых выглядит как Who’s Who в гражданском обществе США, и включает такие организации, как Международная амнистия, Организация по наблюдению за правами человека, Национальная ассоциация евангелистов, Американская еврейская всемирная служба, Американское общество за мусульманский прогресс, Музей Холокоста в Вашингтоне и Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦ) (все имеют своих представителей в исполнительном комитете), а также множество других религиозных, студенческих, школьных и прочих ассоциаций⁵⁸.

Многообразие состава Коалиции особенно ярко проявляется благодаря присутствию в ее рядах Антидиффамационной лиги (АДЛ) и Совета по американо-исламским отношениям (САИО) – организаций, враждебно относившихся друг другу еще до вступления в ряды борцов за мир в Дарфуре и до сих пор сохраняющих натянутые отношения: АДЛ обвиняет САИО в поддержке палестинских шахидов и в том, что, будучи основанной лидерами Исламской ассоциации Палестины, она имеет открыто антисемитской характер; в свою очередь, руководство САИО обвиняет АДЛ в антимусульманских настроениях.

Наличие разнообразных групп среди “дарфурских” активистов предопределило и существование определенной разницы во мнениях по вопросам о путях разрешения кризиса. Вместе с тем наиболее активные из них, включая и лидеров Коалиции, сформировали общие позиции по основным вопросам, касающимся гуманитарной интервенции (возможно, даже в одностороннем порядке, то есть означающей военное вторжение) в Дарфур; замещения сил АС войсками ООН (или НАТО); усиления акцента на военных действиях даже за счет приостановки гуманитарной помощи жертвам “геноцида” и др. Активисты призывали также к выделению американским правительством большого объема средств для увеличения гуманитарной помощи беженцам, сосредоточенным в лагерях для перемещенных лиц, к изъятию американскими компаниями и пенсионными фондами своих капиталов из фондов предприятий, имеющих суданских партнеров, но наибольшее значение придавалось “популяризации” идеи вооруженного вмешательства.

Описывая состав Коалиции, израильская газета “Иерусалим Пост” утверждала, что хотя Коалиция и представляет собой объединение множества религиозных и гуманитарных организаций, на самом деле она появилась исключительно как инициатива американской еврейской общины⁵⁹. В настоящее время в ней также широко представлены местные (американские) и международные еврейские организации. Другой особенностью состава Коалиции является почти полное отсутствие в ней афро-американцев. Хотя в последние годы и произошли некоторые изменения (НАСПЦ вошла в состав исполнительного комитета), обозреватели отмечают тенденции к вытеснению и без того немногочисленных суданских и мусульманских групп внутри движения еврейскими и евангелистско-христианскими. Даже в американской прессе отмечался факт игнорирования

Коалицией групп, непосредственно представляющих интересы дарфурцев (а их только в Вашингтоне около 30).

Отличительной чертой Коалиции является то, что она остается активным сторонником политики США в Дарфуре, какие бы повороты эта политика не претерпевала. Конечно, нет причины сомневаться в искренности школьников и студентов, старающихся привлечь внимание американской общественности к “гуманитарной катастрофе” в Дарфуре, и обвинять их в том, что они не заметили значительно более острого, но менее освещенного в печати кризиса в Конго. Но нельзя не отметить и некоторые расистские тенденции в деятельности Коалиции, хотя бы участие в ней АДЛ, которая в принципе не может проявлять заботу о мусульманах, которых среди дарфурцев – большинство. О настроениях Лиги свидетельствует такой факт, что через несколько дней после американской бомбёжки фармацевтической фабрики около Хартума АДЛ похвалила администрацию Клинтона за решительные действия, при этом не проявив никакого сочувствия жертвам.

Интересно, что продарфурское апрельское “ралли” 2006 г. получило значительно более широкое освещение в средствах массовой информации, чем прошедший накануне и гораздо более многочисленный марш протesta против войны в Ираке. Разница в отношении прессы к этим мероприятиям проявилась даже в указаниях на приблизительное число участников. Так, по подсчетам организаторов антивоенного марша, в нем приняло участие около 350 тысяч человек, но в газетах было сказано – “десятки тысяч”. К ралли, организованному Коалицией “Спасти Дарфур”, по прикидкам, присоединилось около 7,5 тыс. чел., в прессе же это прозвучало, как “тысячи”. Все ведущие американские газеты посвятили дарфурскому ралли в десятки раз больше слов, чем антивоенному маршу.

В принципе несложно понять, почему именно кризис в Дарфуре, а не война в Ираке, получил такой резонанс в политической прессе США. Безусловно, это было отражением стремления Белого дома отвлечь внимание американской общественности от провалов, затрат и растущего числа жертв в Ираке и лишний раз представить себя в качестве международного миротворца и борца за справедливость. Проправительственная газета “Вашингтон Пост”, отметив, между прочим, поддержку редакцией возможного американского военного вторжения в Судан, призвала правительство Соединенных Штатов избе-

жать в Ираке того, что случилось во Вьетнаме (то есть фактического поражения), усилить свою готовность повести за собой весь мир (впрочем, не уточнив, куда) и осуществить “гуманитарную интервенцию” в Дарфуре, хотя бы и в одностороннем порядке. Все это полностью совпадает с тем, что рекомендовала Вашингтону Коалиция⁶⁰.

Движение “Спасти Дарфур”, хотя и является частью гражданского общества, проявляет прямо-таки милитаристские замашки. Объясняется ли это близостью его руководителей к представителям американского истэблишмента, желанием получить дополнительное финансирование или государственные посты (в будущем) для лидеров Коалиции, но, так или иначе, Коалиция, по крайней мере, на словах, твердо придерживается убеждения, что какие бы шаги США не предпринимали в Дарфуре, они вызваны исключительно желанием помочь населению региона и ни в коем случае не геополитическими интересами. Неудивительно, что президент Буш и Коалиция “высоко оценивали” деятельность друг друга, а лозунгом Движения стал призыв “Из Ирака – в Дарфур!” То есть Дарфур рассматривался лидерами Коалиции как бы в качестве следующего этапа ведущейся США борьбы за “свободу и демократию” во всем мире. Таким образом, “Спасти Дарфур” даже и не рассматривает переговоры в качестве возможного способа разрешения конфликта. Интересно, что Коалиция, имеющая на счету миллионы долларов благодаря вкладам корпораций из группы Fortune 500, не выделила ничего из этих средств на гуманитарную помощь дарфурцам⁶¹.

Следует отметить, что активность Движения заметно снизилась после того, как Барак Обама занял пост президента США. Видимо, Коалиция еще не успела переориентироваться в обстановке смены приоритетов в подходах к дарфурскому кризису.

Гуманитарная помощь и беженцы

Миротворцы АС не были единственными, кто испытал на себе острый недостаток финансов: гуманитарные организации и НГО в Дарфуре работают в крайне тяжелых условиях из-за нехватки финансирования, транспортных средств и достаточного количества обученных сотрудников. АМР США, больше известное как ЮСАИД, пытается предпринимать активные ша-

ги по оказанию помощи дарфурцам, однако 4,7 млн. чел., охваченных конфликтом, остаются в тяжелом положении. Хотя Агентство взяло на себя значительную часть функций, раньше выполнявшихся НГО, изгнанными из страны в марте 2009 г., эти обязанности являются временными и должны быть заменены долгосрочной стратегией оказания продовольственной и медицинской помощи жителям региона. Следует отметить, что сотрудники AMP США работают в трудных условиях: происходят постоянные угоны автомобилей, нападения на персонал Агентства, вторжения в помещения НГО-партнеров, а продолжающиеся военные столкновения препятствуют доставке гуманитарной помощи в Дарфур. С такими же проблемами сталкиваются и другие организации: активизация в начале 2009 г. военных действий в южном Дарфуре привела к перемещению огромного числа лиц, но главный партнер Агентства – Всемирная продовольственная программа (ВПП) ООН не смогла добраться до районов, в которых было сконцентрировано более 500 тыс. чел., нуждавшихся в помощи.

Надо сказать, что еще до того, как 13 международных гуманитарных организаций были изгнаны из Судана, помочь Дарфуру оказывалась нерегулярно и в недостаточном объеме, сегодня же возможности Агентства в Дарфуре стали еще более ограниченными.

В целом же, по подсчетам ООН, в настоящее время в Дарфуре лишены продовольственной помощи более миллиона человек, а медицинской – более 650 тысяч. Большая часть финансируемых AMP США гуманитарных программ для Дарфура закрылась по разным причинам, в том числе и из-за нехватки средств, а 40% поставок продовольствия ВПП было потеряно. После изгнания вспомогательных организаций буквально в течение одного дня большая часть дарфурской гуманитарной инфраструктуры, создание которой заняло несколько лет и в которой участвовали тысячи людей, была уничтожена. США дали ясно понять суданскому правительству, что забота о благополучии жителей страны теперь полностью ложится на его плечи.

Агентство пыталось опровергнуть решение суданского правительства по вопросу об НГО. Это было особенно важно потому, что к этому времени благодаря AMP США и ВПП клиники и пункты раздачи продовольствия были обеспечены месячными запасами продуктов и медикаментов. ВПП удалось

снабдить оставшиеся НГО и продовольственные комитеты двухмесячным запасом продуктов. Эти организации прекратили другую деятельность и начали заниматься распределением только продовольствия и лекарств, привлекая к этой работе руководителей местных общин. Оставшиеся НГО расширили районы своей деятельности. Таким образом, удалось избежать еще большего гуманитарного кризиса. Однако эти меры недостаточны. НГО вынуждены использовать временный необученный персонал, и их ресурсы ограничены. Кроме того, многие склады были разграблены, помещения – разрушены, и система их охраны до сих пор не создана.

Агентство намерено сфокусироваться не просто на количественных аспектах предоставления помощи, но и на качественных, которые должны сделать программы эффективными и позволить им функционировать в соответствии с международными нормами и стандартами. В настоящее время было бы недостаточным просто достичь того уровня гуманитарной помощи, который наблюдался до марта 2009 г. Однако бюрократические препоны и отсутствие необходимых мер безопасности по-прежнему мешают восстановлению гуманитарной инфраструктуры. Кроме того, регистрация новых НГО носит временный характер, и многие обещания суданского правительства остаются полностью или частично невыполнеными. Например, оно до сих пор не вернуло средства AMP США, конфискованные у НГО-партнеров Агентства во время их изгнания.

Дарфурцы, оказавшиеся за пределами страны, находятся не в лучшем положении, чем те, кто смог пережить насилие и остался дома после атак правительственных войск и милиции. По некоторым оценкам, число перемещенных лиц из Дарфура достигает 2 млн. человек. Большая их часть перебралась в Чад и другие страны, с которыми Судан граничит на западе. Значительные группы дарфурских беженцев сосредоточены также в Египте, Израиле, Англии и ряде других ближневосточных и европейских стран.

Почти полностью отсутствуют материалы о дарфурских беженцах в США. Известно, однако, что к настоящему времени очень незначительное число дарфурцев получило разрешение поселиться в Соединенных Штатах, причем один из этих “счастливчиков” работал переводчиком для американских журналистов в Судане, которые и помогли ему получить разрешение, заручившись для этого поддержкой рок-звезды Бони, губерна-

тора Нью-Мехико и бывшего кандидата в президенты от демократов Билла Ричардсона, а также Джимми Картера⁶². Даже иракские беженцы имели больше возможностей избежать насилия: только Сирия приняла более миллиона иракцев, причем без какой-либо посторонней помощи⁶³.

* * *

В оправдание длительного бездействия США и неопределенности их политики по дарфурскому конфликту следует признать, что отчасти это объясняется расплывчатостью самой ситуации, сложившейся в регионе. Спорными остаются вопросы об истоках конфликта, степени вины сторон, справедливости целей повстанцев.

Жестокость правительства Аль-Башира, проявленная им в отношении дарфурцев, ни у кого не вызывает сомнений. В то же время основным мотивом действий дарфурских мятежников, по крайней мере, во время наибольшей остроты конфликта в 2003–2005 гг., было не поведение правительства, а успехи южносуданских повстанцев. Уже в самом начале СНОД добился у Аль-Башира целого ряда поблажек: Югу страны позволили иметь собственное правительство, он получил существенную долю в нефтяных доходах, подкрепленную обещанием донорской помощи, а позже ему было обещано проведение референдума по вопросу о полной независимости региона. Соглашение еще не было подписано, а дарфурский контингент, воевавший вместе со СНОД, вернулся домой и организовал собственное антиправительственное движение.

Безусловно, повстанчество представлялось дарфурцам, особенно их лидерам, весьма привлекательным в тот момент: в случае отделения самый главный из них станет президентом, а другие министрами или займут иные высокие государственные посты. И конечно же, сопротивление дарфурцев действиям правительства оправдано и не может не вызывать сочувствия. Однако до сих пор последствия повстанчества для дарфурцев были катастрофическими, более того, никакой другой сценарий развития событий просто не мог бы быть хуже. Либо повстанческие лидеры не были в состоянии оценить последствия проводимых акций, либо благополучие простых дарфурцев с самого начала не было среди мотивов их действий, и страдания жителей региона оказались для них картой, которую они разыгрывали и продолжают разыгрывать в отношениях с ООН

и АС, США и суданским правительством, гуманитарными организациями и нефтяными компаниями. Когда администрация Аль-Башира согласилась недавно сесть за стол переговоров, главные повстанческие группировки отказались в них участвовать. Был ли отказ от переговоров в интересах дарфурцев? Безусловно, нет.

Не существует единства среди дарфурских повстанческих фракций, каждая из более или менее крупных претендует на первенство. В ходе сенатских слушаний Грейшен заявил, что стремится к объединению позиций дарфурских повстанческих группировок. С ним солидарен и лидер Движения за справедливость и равенство Халил Ибрагим, который считает, однако, что отдельные группы должны не “объединиться”, а “присоединиться” к ДСР, как это уже сделали некоторые мелкие фракции (при небольшой, на первый взгляд, разнице, все-таки существует нюанс, который может помешать консолидации)⁶⁴.

Возникает вопрос, а почему, собственно, американцы должны защищать дарфурцев и рисковать жизнью, и тратить много времени и средств на обсуждение деталей конфликта, если сами дарфурские лидеры вместо того, чтобы объединиться перед лицом общего врага, занимаются тем, что пытаются поделить власть. Как уже отмечалось, как для вмешательства, так и для невмешательства США в дарфурский кризис существуют веские причины. О сохранении имиджа главного миротворца и обещаниях помочь уже не раз говорилось. Еще одной причиной вмешательства может послужить часто упоминаемая ответственность американцев за разрешение этого конфликта. Обычно под этой ответственностью понимаются не только роль мирового арбитра, но и испытываемая американцами вина за невмешательство в руандийские события 1993 г., в связи с которыми Сьюзан Райс однажды заявила, что поклялась себе, что “если подобное – геноцид, как в Руанде, – повторится опять, она ни перед чем не остановится, чтобы прекратить его, даже сама пойдет в огонь, если понадобится”⁶⁵.

Однако не только из-за Руанды США ответственны за дарфурской кризис. Действуя через своих африканских союзников в Судане, Чаде и соседних странах, США обучили и вооружили СНОД, возглавлявшийся до самой смерти в июле 2005 г. Джоном Гарангом, прошедшим подготовку в американском спецназе в Форт Бенninge, в штате Джорджия. Отправляя оружие сначала в южный Судан, а после обнаружения нефти в Дарфуре

и в тот регион тоже, Вашингтон способствовал обострению давно начавшегося конфликта. Эритрея также при поддержке США оказывала помощь СНОД, Восточному Фронту и дарфурским повстанцам.

В течение ряда лет Пентагон занимался подготовкой африканских офицеров и военных специалистов в США (так же, как он это делал в течение долгого времени для латиноамериканцев). Специальная программа военного образования и подготовки была создана для офицеров из Чада, Эфиопии, Эритреи, Камеруна и ЦАР, то есть представителей стран, расположенных близко или на границе с Суданом. Большие объемы американского оружия, подогревавшего ситуацию в Дарфуре и на юге, переправлялись через границы частными торговцами. Американская гуманитарная помощь Африке сократилась в последние годы, в то время как военная (оборудование, оружие и подготовка) расширилась. Одним из каналов поставок оружия в Судан, в том числе и в Дарфур, был Чад, возглавляемый "пожизненным" президентом Идрисом Деби, коррумпированным диктатором. Деби присоединился к так называемой Всесахельской инициативе, проводимой Американо-Европейским командованием Пентагона и нацеленной на обучение африканцев "борьбе с исламским терроризмом". Враждебное режиму Аль-Башира чадское правительство обеспечивало дарфурских повстанцев полученными от США в рамках этой инициативы наземными транспортными средствами, оружием, в том числе противовоздушными ракетами. Таким образом, американская военная поддержка Деби фактически послужила началом новой фазы дарфурского кризиса, превратившегося в кровавую бойню. Конечно, вина за начало конфликта не ложится полностью на США, но не оставляет сомнений и то, что они внесли свою весомую лепту в дарфурский кризис.

То, что именно нефть находится в центре американских интересов в Дарфуре, не вызывает никаких сомнений. Вопрос в другом: почему, имея столь сильный стимул, США до сих пор не предприняли решительных действий по разрешению конфликта? Ответ простой: они еще не решили, какой исход им более выгоден. В каком случае они скорее приблизятся к искомой цели? В случае, если правительство Судана очистит Дарфур от дарфурцев, по крайней мере, от той их части, которая может противостоять стремлению Аль-Башира самостоятельно или с чьей-либо помощью эксплуатировать нефтяные богатства района? (И будет

ли эта помочь американской, а не китайской?) Или в случае, если при поддержке мирового сообщества и прежде всего США дарфурцы смогут стать хозяевами своей земли и, благодарные за это, призовут американцев выкачивать из нее нефть? Что представляется наиболее вероятным и выгодным? Вполне возможно, что после того, как Вашингтон найдет ответ на этот вопрос, его дарфурская политика станет более “определенной”.

¹ Burr, Millard J. and Robert O. Collins. *Requiem for the Sudan: War, Drought, and Disaster Relief on the Nile*. Boulder, 1995, c. 215.

² Ibid, c. 251–252.

³ Ibid, c. 271.

⁴ Ibid, c. 238.

⁵ Ibid, c. 278–279.

⁶ Waal, Alex. *Islamism and its Enemies in the Horn of Africa*. Bloomington, 2004, c. 210.

⁷ Ibid, c. 241.

⁸ Daum, Werner. *Universalism and the West // Harvard International Review*, 2001, Vol.23.

⁹ Clark, Wesley. *Iraq: The Way Forward – a Conversation with General Wesley Clark // Council on Foreign Relations*, 10.02.2006.

¹⁰ Los Angeles Times, 11.06.2007.

¹¹ New Standard, 21.03.2006.

¹² Philadelphia Inquirer, 14.09.2006.

¹³ Grono, Nick. *Darfur: The International Community’s Failure to Protect // African Affairs*, 30.09.2006.

¹⁴ Prunier, Gerard. *Darfur: The Ambiguous Genocide*. Ithaca, 2005, c. 139–140.

¹⁵ Washington Post, 19.04.2007.

¹⁶ Associated Press, 29.05.2007.

¹⁷ State Department. “*Congressional Budget Justification, Foreign Operations, Fiscal Year 2007*”,

¹⁸ U.S. Agency for International Development, “*U.S. Overseas Loans and Grants (Greenbook)*”, 23.04.2008.

¹⁹ Los Angeles Times, 29.03.2008.

²⁰ Sudan Tribune, 21.03.2008.

²¹ Associated Press, 21.05.2007.

²² International Crisis Group, “*Crisis Group/Zogby Poll on Darfur*”, 20.10.2006.

- ²³ One World.net, “Pressure Growing on Bush to Send Darfur Killings to The Hague”, 17.02.2005.
- ²⁴ Sudan Tribune, 03.08.2009.
- ²⁵ Sudan Tribune, 02.08.2009.
- ²⁶ De Waal, Alex, and Julie Flint. *Darfur: A Short History of a Long War*. NY, 2005, c. 130.
- ²⁷ Newsday, 07.05.2006.
- ²⁸ De Waal, Alex, and Julie Flint. *Darfur: A Short History of a Long War*. NY, 2005, c. 132.
- ²⁹ Stanton, Gregory H. Proving Genocide in Darfur: The Atrocities Documentation Project and Resistance to its Findings. // Genocide Watch, 29.08.2008.
- ³⁰ AlterNet, 17.09.2007.
- ³¹ Associated Press, “Study: 3.8M Deaths in Congo Wars”, 09.12.2004.
- ³² New York Times, 12.08.2007.
- ³³ John, and Alberto Palloni. Death in Darfur // Science, 15.09.2006.
- ³⁴ Klare, Michael T. The Tripolar Chessboard: Putting Iran in Great Power Context // TomDispatch, 15.06.2006.
- ³⁵ Moraff, Christopher. AFRICOM: Round One in a New Cold War? // In These Times, 19.09.2007.
- ³⁶ Le Monde diplomatique, Mar. 1998.
- ³⁷ Le Monde diplomatique, Jan. 2003.
- ³⁸ Crilly, Rob. Darfur onslaught ‘to clear way for Chinese oil hunt’ say rebels // Times (L), 14.08.2008.
- ³⁹ Associated Press, 13 Oct. 2006.
- ⁴⁰ Congressional Research Service, 04.02.2005.
- ⁴¹ Inter Press Service, 15.02.2006.
- ⁴² UN News, 21.09.2006.
- ⁴³ Guardian, 06.04.2006.
- ⁴⁴ UN News, 28.02.2006.
- ⁴⁵ Chatterjee, Pratap. Darfur Diplomacy: Enter the Contractors // CorpWatch, 21.10.2004.
- ⁴⁶ Simeone, Nick. SUDAN: U.S. Contractors to Support African Forces // Voice of America, 15.10.2004.
- ⁴⁷ Washington Post, 01.06.2007.
- ⁴⁸ Boutros-Ghali, Boutros. *Unvanquished: A U.S.-U.N. Saga*. NY/L, 1999, c. 198.
- ⁴⁹ Associated Press, 25.05.2007.
- ⁵⁰ Reuters, 28.02.2006.

⁵¹ Worldwide Faith News (Anglican Communion News Service), 22.08.2006.

⁵² Power, Samantha. Dying in Darfur // New Yorker, 30.08.2004.

⁵³ Washington Post, 28.09.2006.

⁵⁴ Reuters, 15.06.2006.

⁵⁵ Associated Press, 19.10.2006.

⁵⁶ BBC, 09.03.2006.

⁵⁷ UN News, 08.12.2007.

⁵⁸ Save Darfur, 25.07.2006.

⁵⁹ Jerusalem Post, 27.04.2006.

⁶⁰ Washington Post, 01.05.2006.

⁶¹ Washington Post, 01.06.2007.

⁶² Democracy Now, 15.05.2007.

⁶³ Spiegel, 15.03.2007.

⁶⁴ Sudan Tribune, 02.08.2009.

⁶⁵ Guardian, L., 15.01.2009.

Н.М.Мамедова

2009 ГОД В РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Как и в предыдущие годы, в 2009 г. отношения России и Ирана основывались главным образом на общности их геополитических интересов. Обе страны были заинтересованы в уменьшении американского влияния в Центральной Азии и на Кавказе, в поддержании стабильности в регионе, в предотвращении развития сепаратистских тенденций на своих территориях. Совпадают интересы России и Ирана также в том, чтобы противостоять попыткам США переориентировать экономические потоки из центральноазиатских стран на азиатские рынки через Афганистан. В 2000-е годы заметно усилилось в центральноазиатских странах экономическое влияние Китая, все более приобретающее характер экономической экспансии. Иран и Россия также стремятся упрочить свои позиции в этом регионе, обе страны объективно заинтересованы в совместном противостоянии этой экспансии.

Однако, несмотря на общность взглядов на многие региональные проблемы и достигнутый в 2008 г. достаточно высокий уровень доверия, база для формирования двухстороннего геополитического союза и их стратегического партнерства в 2009 г. так и не была расширена. Хотя Иран в период конфликта осенью 2008 г. на Кавказе фактически поддержал Москву, в 2009 г. он занял выжидательную позицию в отношении признания независимости Южной Осетии и Абхазии. С одной стороны, реализация сценария по созданию стратегического союза между Россией и Ираном потенциально могла увеличить шансы России на расширение сферы влияния до субрегионального, но, с другой стороны, политические риски от альянса со страной, находящейся в конфронтации с ведущими странами мира, перевешивали в 2009 г. возможные дивиденды от такого объединения.

Несмотря на общую положительную динамику развития отношений между Россией и Ираном, эти связи всегда характе-

ризовалась колебаниями, и в отличие от нескольких последних лет 2009 г. был отмечен их спадом. Отражением этого стало прежде всего сокращение темпов роста внешнеэкономических связей. Для России Иран объективно является выгодным экономическим партнером, обладает значительным экономическим потенциалом и развитым внутренним рынком. Несмотря на развернувшийся кризис, Иран остался платежеспособным партнером (на начало 2009 г. золотовалютные резервы превышали 81 млрд. долл., т.е. более четверти ВВП, увеличившись к концу марта 2009 г. на 8,2 млрд. долл., внешний долг был всего 6,3% ВВП). Несмотря на падение динамики ВВП почти во всех соседних странах до минусовых показателей, Иран, снизив темпы роста, сохранил положительную динамику развития, хотя ситуация в стране, особенно в связи с ростом цен и безработицы, была достаточно напряженной. По прогнозам Международного валютного фонда темпы роста ВВП позитивны на 2009 г. и на 2010 г.: от 1,5% до 2,6%.

Иран имеет достаточно продуманную структуру экономики (сельское хозяйство – 10%, промышленность – 45%, услуги – 45%), несмотря на высокую долю ТЭК, а в нем добычи нефти. При этом на протяжении текущего десятилетия темпы роста ВВП без нефти (кроме 2000/01 г. и 2003/04 г.) значительно превышали темпы роста общего ВВП. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций растет, несмотря на принятые в 2006–2008 гг. санкции, содержащиеся в Резолюциях СБ ООН. По данным министерства экономики и финансов ИРИ, объем накопленных инвестиций на 21.03.2009 г. составил 37,7 млрд. долл. (на 21.03.2008 г. – 21,3 млрд. долл.).¹ По оценке МВФ, накопленные иностранные инвестиции к началу 2009 г. составили 20,8 млрд. долл., т.е. практически совпадают с данными ИРИ за 2008 г.² Объем накопленных прямых иностранных инвестиций составил 6% от ВВП, что меньше, чем в России(12,7%), но вполне сопоставимо с Турцией – 9,6%.³ Собственные прямые инвестиции Ирана за рубежом составили на начало 2009 г. почти 1 млрд. долл. С точки зрения условий ведения бизнеса (по рейтингу «Doing business») Иран занял по результатам 2008 г. довольно низкое – 137-е место (среди 183 стран), но при этом не намного уступил России (120-е место).⁴ Иран имеет емкий внутренний рынок, в т.ч. производственный. Достаточно сказать, что более 80% иранского импорта составляют оборудование и полуфабрикаты для промышленности.

Поэтому Россия заинтересована в торговле с Ираном, позволяющей ей диверсифицировать свой экспорт. Заинтересованность Ирана в России обусловлена как сложившимися на протяжении многих десятилетий экономическими связями, так и вводимыми в настоящее время санкциями, сдерживающими присутствие на иранском рынке американских и европейских компаний. Россия, которая на мировом рынке выступает в качестве сырьевого поставщика, на иранский рынок поставляет главным образом свою промышленную продукцию и научно-технические услуги. По итогам 11 месяцев 2009 г. объем товарооборота составил 2,7 млрд. долл., т.е. 83% от соответствующего периода прошлого года.⁵ Общий годовой товарооборот не превысил 3,3 млрд. долл. (в 2008 г. – 3,7 млрд. долл.). Но российский экспорт сократился в меньшей степени (на 13%), в то время как иранский экспорт в Россию – более чем вдвое. Хотя доля Ирана в российской внешней торговле чрезвычайно мала – 0,6% в 2009 г., для России важно, что ее экспорт более чем в 10 раз превышает импорт из Ирана. Основными статьями российского экспорта в Иран являлись металлы и металлоизделия (свыше 70%), машины и оборудование, суда и транспортные средства, древесина и целлюлозно-бумажные изделия. Импорт из ИРИ в основном представлен товарами народного потребления (текстиль, пластиковые изделия, ковры, изделия из стекла, химикаты) и продовольственными товарами.

Российские экономические связи с Ираном в последние годы заметно политизировались и оказывают влияние на отношения России с другими странами. В первую очередь это касается военно-технического сотрудничества с Ираном. Россия полностью выполнила контракт на поставку в Иран ЗРК «Тор-М1», однако в 2009 г. фактически были заморожены поставки С-300, что было обусловлено позицией Ирана по ядерной программе. Россия, следуя своим международным обязательствам, поставляет в Иран только продукцию оборонного назначения, к которой относятся противоракетные системы С-300. В январе 2009 г. министерство иностранных дел РФ заявило, что Россия задерживает поставки. Появившиеся в иранских СМИ сообщения о поставках в Иран комплектующих к С-300 Россией не были подтверждены. В октябре Россия вновь подтвердила свое решение отсрочить поставки, но не отказалась от выполнения контракта. В декабре 2009 г. официальный представитель МИД РФ заявил, что позиция России

по ядерной проблеме Ирана и по поставкам ракетных комплексов С-300 не изменилась. Одновременно МИД РФ акцентировал, что, осуществляя в течение многих лет военно-техническое сотрудничество с Ираном, Россия всегда строго соблюдала все международные обязательства, и ее поставки только оборонительных вооружений не могут вести к дестабилизации обстановки в регионе.⁶

Судя по публикациям в иранских СМИ, Тегеран крайне недоволен задержками противоракетных систем. Конечно, эти задержки могут быть использованы Россией для давления на Иран, чтобы он сделал более прозрачным развитие своей ядерной программы, но нельзя полностью исключать и возможность того, что и Иран может в ответ поддержать радикалов-исламистов на Северном Кавказе, что представляет для России большую опасность. Тегеран стал заявлять, что он может аннулировать некоторые заказы по приобретению военных и гражданских товаров в России, закрыть для российских компаний свои нефтегазовые месторождения. Иранской стороной аванс по контракту (о поставках С-300) оплачен, начались регулярные платежи, т.е. контракт вступил в силу, наиболее вероятной является их поставка в первом полугодии 2010 г.

Для России всегда, еще со времен правления шаха, наиболее выгодным направлением экономических связей было экономическое сотрудничество. Основными его направлениями являются энергетика, транспорт, нефтегазовая сфера. Работает Постоянная межправительственная Российско-Иранская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В ноябре 2009 г. в Тегеране состоялось 8-е заседание Постоянной комиссии. По его результатам были подписаны четыре документа о сотрудничестве: протокол, определяющий основные направления взаимодействия двух стран, соглашение о сотрудничестве между министерством нефти ИРИ и министерством энергетики РФ, а также два соглашения о сотрудничестве в области связи. Еще в 2008 г. для активизации экономических связей с Ираном при Торгово-промышленной палате России был создан Российско-иранский деловой Совет.

Главный объект российско-иранского сотрудничества – энергетические проекты. В 2008 г. практически завершена АЭС в Бушере, в феврале 2009 г. осуществлен пробный пуск и началась загрузка топлива, после завершения всех испытаний в сентябре 2010 г. станция будет пущена в эксплуатацию⁷. Но-

вых контрактов на строительство АЭС не заключено, основной акцент в энергетическом диалоге сделан на сотрудничестве в производстве и распределении электроэнергии, в добыче энергоресурсов и способах их транспортировки.

Одной из перспективных сфер экономического сотрудничества можно назвать нефтегазовую отрасль. Иран является сторонником вступления России в ОПЕК, но на самом иранском нефтяном и газовом рынке присутствие российских компаний пока ограничено, главным образом под давлением санкций США. Практически осталась компания «Газпромнефть», которая предложила правительству Ирана разрабатывать месторождение «Южный Азадеган» (одно из крупнейших нефтяных месторождений в мире с запасами около 5,7 млрд. т). Продолжила свою деятельность в Иране компания «Татнефть», которая создала совместную с Фондом обездоленных (Бонъяде мостазаффин) компанию (с равными долями участия) для ведения в Иране буровых и разведочных работ на нефть и газ, оказания инженерных услуг в нефтяной и нефтехимической отраслях иранской промышленности, в т.ч. проведения очистки нефти от серы на заводе на острове Харк.

Сотрудничество в газовой сфере развивается как на уровне двухсторонних отношений, так и в формате Форума стран-экспортеров газа, получившего статус организации в декабре 2008 г. Помимо России и Ирана, в это объединение входят Алжир, Боливия, Венесуэла, Египет, Катар, Ливия, Экваториальная Гвинея, Тринидад и Тобаго, Нигерия. Был принят устав ФСЭГ и подписано межправительственное соглашение, включающее принципы работы Форума. Местом пребывания штаб-квартиры Организации была выбрана Доха, хотя шли разговоры о том, что Форум будет базироваться в Санкт-Петербурге. Делались предположения, что Россия поменяла "право столицы" на право возглавлять эту своеобразную "газовую ОПЕК". В декабре 2009 г. генеральным секретарем Форума был избран представитель России.

Хотя Иран добивается превращения Форума стран экспортеров газа в международную организацию, аналогичную ОПЕК, Россия этой инициативы не разделяет, так как имеет на мировом газовом рынке достаточно прочные позиции. При этом после завершения работ на месторождении «Южный Парс», на котором российский «Газпром» работал совместно с «Тоталь» и «Петронас», позиции российских компаний в Иране крайне

сузились. В 2009 г. «Газпром» не вел работ по добыче газа в Иране, пока он строит подземные хранилища газа, участвует в строительстве и обслуживании региональных газовых сетей. В целом присутствие России на газовом рынке Ирана невелико, но переговоры о совместной разработке новых участков газового месторождения "Южный Парс" и о создании совместной компании с целью реализации проектов в Иране, России или третьих странах активно ведутся.

В декабре 2009 г. в Тегеране был подписан меморандум о намерениях, по которому «Газпром» войдет в проект газового «трубопровода мира» (Peace Pipeline), по которому газ планируется поставлять из Ирана в Пакистан и Индию. Вероятная протяженность газовой магистрали – 2,7 тыс. км, предполагаемая мощность газопровода Иран – Пакистан – Индия может составить 55 млрд. кубометров в год, примерная стоимость проекта – порядка 7–8 млрд. долл. Еще в мае было подписано соглашение между президентами Ирана и Пакистана о строительстве газопровода, и «Газпром» выразил готовность участвовать в этом проекте в качестве оператора и подрядчика. Ирано-пакистанский газопровод является частью газопровода Иран – Пакистан – Индия, переговоры о строительстве которого ведутся с 1995 г. Строительство газопровода в Пакистан реально может начаться с 2010 г. В 2009 г. достигнуто соглашение между «Газпромом» и Иранской национальной нефтяной компанией о создании совместного предприятия для разработки месторождений («Южного Парса» и «Киша»), которые должны стать ресурсной базой трубопровода «Мир». Однако вполне вероятно, что соглашения будут реализовываться в зависимости от занятой Россией позиции по ядерному вопросу и могут быть отодвинуты на весьма отдаленную перспективу. Россия продолжала в 2009 г. контролировать использование иранского газа в Армении по построенному в 2008 г. газопроводу (для выработки электроэнергии, а не для ре-экспорта).

После окончания мирового кризиса и роста спроса и цен на газ выбор маршрутов вывода газа на мировые рынки приобретет особую актуальность. Для России, которая сейчас считает наиболее приемлемым использование туркменского газа для заполнения Прикаспийского проекта и «Южного потока», не менее перспективным может быть ее закрепление (при отсутствии конкурентов) на иранском рынке и совместное использование иранского газа как в указанных проектах, так и

в «Набукко». (В советский период за счет поставок иранского газа в Закавказье по газопроводу Канган – Астара СССР смог увеличить экспорт газа и укрепиться на европейском рынке). Иран крайне заинтересован в экспортных маршрутах, т.к. почти треть добываемого газа закачивается в скважины, часть сжигается, и газ используется главным образом для внутреннего потребления. Построенные газопроводы в Турцию и Армению проблемы с экспортом не решили. Для участия российских компаний перспективно участие в совместных проектах по производству сжиженного газа.

Очевидна перспективность участия России в реконструкции существующих и строительстве новых железнодорожных линий, особенно строительстве железной дороги Астара – Казвин – Решт, которая является частью Международного транспортного коридора «Север – Юг». Россия оказалась в сложном положении, т.к. строительство этой дороги сделает нерентабельной проектируемую дорогу из Ирана в Армению, которая является нашим союзником на Кавказе. Сотрудничество в сфере авиационного транспорта включает закупку Ираном лицензий на сборку самолетов и вертолетов (гражданской версией Ка-27).

В 2009 г. принимались, как и в прошлые годы, меры по установлению прямых связей между отдельными регионами Ирана и России. Так, в Реште в конце сентября-начале октября 2009 г. состоялось 11-е заседание Международного совета делового сотрудничества торгово-промышленных палат стран Каспийского региона «Деловой Каспий». В его рамках представители Торгово-промышленных палат различных областей России подписали ряд соглашений о сотрудничестве с организациями Ирана. Многие соглашения предусматривали сотрудничество со свободной экономической портовой зоной «Энзели», которая находится на пути международного транспортного коридора «Север–Юг».

Но в целом объемы российско-иранского экономического сотрудничества и внешней торговли невелики (сколько-нибудь перспективных долговременных выгодных проектов пока нет) и отстают от уровня политических отношений. Несмотря на то, что в целом динамика развития российско-иранских политических, экономических и культурных связей осталась положительной, а некоторые иранские официальные лица продолжали в 2009 г. характеризовать эти отношения как стратегические, многие из проблем в наших двусторонних отношениях

остаются нерешенными. Из-за позиции Ирана не решена проблема определения статуса Каспийского моря. Если в 2004 г. Иран в целом положительно оценил инициативу Москвы по созданию оперативных сил безопасности на Каспии (KASFOR), то в феврале 2009 г. выступил с осуждением, т.к. в Касфор не был приглашен Иран. Но и на этом направлении есть сдвиги. В августе 2009 г. на Каспии были проведены совместные российско-иранские военные учения с участием почти 30 судов⁸. 17 августа в Астрахани на совещании по каспийскому сотрудничеству президент России Д. Медведев предложил вновь вернуться к идее создания Организации Каспийского экономического сотрудничества⁹, которая была предложена Ираном еще в 1992 г., поднята в 2008 г., но не была реализована. Конечно, установлению более тесных политических и экономических контактов препятствует сохраняющаяся конфронтация Ирана с Европой и США.

Нет единого мнения в российских и иранских кругах о эффективности нашего сотрудничества. Многие склонны считать, что Россия использует свои отношения с Ираном как средство давления на США и Запад. В иранской прессе часто пишется о том, что Россия – ненадежный партнер, так как уступает давлению США (в частности, задержав строительство и пуск в эксплуатацию Бушерской АЭС, затормозив поставки С-300, присоединяясь к санкциям СБ ООН).

Наиболее трудной для России является принятие решений по ядерной программе Ирана. Безусловно, Россия не заинтересована в том, что на ее границах появится новая ядерная держава. Но более негативные последствия для России, чем сам факт ее наличия, может иметь силовая акция против Ирана, учитывая последствия военных операций в Ираке и Афганистане. В настоящее время, когда окончательный прогресс в переговорном процессе так и не достигнут, для России наиболее предпочтительным вариантом было бы подписание Ираном Дополнительного протокола. Россия, выступившая с инициативой до-обогащения урана для Тегеранского реактора на своих предприятиях, а затем во Франции, весь 2009 г. предпринимала дипломатические усилия для реализации этого плана. Но до заявления президента Ирана в феврале 2010 г. о своем согласии на этот проект Иран в 2009 г. продолжал политику, которая не позволяла закрыть его досье. Ставшее в 2009 г. известным наличие в Иране (под Кумом) еще одного

завода для обогащения урана заставило Россию 27 ноября присоединиться к жесткой резолюции Совета управляющих МАГАТЭ. Сам факт этого сокрытия при имеющихся контактах России и Ирана в развитии ядерной энергетики не мог не бросить тень и на отношения России с мировым сообществом.

В 2009 г. сложилась ситуация, когда Россия в Иране стала подвергаться критике как со стороны официальных властей, так и оппозиции. С одной стороны, ужесточение позиции России в отношении ядерной программы вызывало недовольство режима, с другой стороны, прибытие на саммит ШОС в Екатеринбург на следующий день после подсчета голосов на президентских выборах в Иране М. Ахмадинежада было воспринято иранской оппозицией как его открытая поддержка. При этом в иранской прессе умалчивалось о том, что саммит ШОС, в котором Иран является наблюдателем (вместе с Индией и Пакистаном), был запланирован ранее, а предполагаемая по протоколу встреча президентов России и Ирана не состоялась. Антироссийские настроения достигли пика в ноябре, когда рассматривался вопрос об Иране в МАГАТЕ, но затем накал постепенно стих. Россию кроме официальных лиц, рассчитывающих на полную поддержку Россией иранской позиции по ядерной программе, критикуют сторонники «зеленого движения» – нового оппозиционного движения, возникшего после президентских выборов летом 2009 г., усматривающих «руку Москвы» в поддержке правительства Ахмадинежада. И та, и другая сторона активно использовали в 2009 г. исторические параллели, связанные с наиболее драматическими моментами российско-иранских отношений. Если в прошедшие годы объединяющим практически все слои иранского общества фактором были антиамериканские и антиизраильские настроения, то активное использование со второй половины 2009 г. антироссийского фактора объективно снижает уровень антиамериканского (при сохранении антиизраильского как постоянной константы).

Несмотря на критику Тегераном позиции России, Москва остается главным его защитником в отношении применения санкций – в сторону их смягчения, выведения из под санкций тех направлений, которые могут оказать негативное влияние на положение широких масс населения. И это ей пока удается, особенно в отношении последней резолюции СБ ООН. Мнение, что Москва заинтересована в затягивании сложившейся патовой ситуации в отношениях мирового сообщества с Ираном из-

за его ядерной программы, чтобы Иран как один из главных конкурентов России на энергетическом рынке как можно дольше пребывал в политической и экономической изоляции, не выдерживает критики. Для России более важным является сохранение стабильности Ирана, предотвращение его распада в случае военного удара или революционного переворота, что неизбежно приведет к осложнению ситуации в южных приграничных территориях России. Развитие российско-иранских отношений в 2009 г. дает основание говорить о том, что в целом заинтересованность стран в расширении политических и экономических связей перевешивает имеющиеся противоречия.

¹ Organisation for Investment Economic and Technical Assistance of Iran. Ministry of Economic Affairs and Finance. Tehran. (отчет на 19.02.2010).

² World Investment Report 2009, с. 253.

³ World Investment Report 2009, с. 253,263,265.266.

⁴ Doing business 2009.W.B., с. 10–13. (table 1.3).

⁵ Внешняя торговля РФ по основным странам за январь–ноябрь 2009 г. – www.customs.ru.12.01.2010.

⁶ Lenta.ru.11.12.2009.

⁷ Иранское информационное агентство «Парс».20.01.2010.

⁸ www.warandpeace.21.08.2009.

⁹ www.kremlin.ru.17.08.2009.

У.В.Окимбеков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Афганистан по всем социально-экономическим показателям относится к одной из самых отсталых стран мира. Продолжительная гражданская война и политическая нестабильность отбросили экономику страны на десятилетия назад. Оценочные данные показывают, что в условиях разрушенной экономической инфраструктуры, при отсутствии элементарных условий медицинского обслуживания и ограниченного доступа к современной системе образования численность населения, начиная с конца 70-х годов – начала нестабильности в Афганистане, – росла высокими темпами. В реальном секторе экономики тем временем наметились высокие темпы снижения уровня производства: ни в одной из всех сфер экономики рост не наблюдался, в частности, в аграрном секторе, где занята основная масса населения, относительный объем производства с каждым годом сокращался.

Таблица 1
Численность населения Афганистана
(млн. чел.)

Годы	1979	1996	1997	1998	1999	2000
Население	15,555	22,664	23,738	24,792	25,824	25,838

Во время правления режима талибов (1996–2001 гг.) страна оказалась в экономической изоляции, и только северо-восточные провинции, находившиеся под контролем Северного альянса, в экстренных случаях могли получить помощь извне. В Афганистане были закрыты все школы, клиники и больницы. Кроме того, талибы ввели в стране жесткий режим, который в свою очередь еще больше ухудшил

ситуацию и, усиливая изоляцию, препятствовал социальнно-экономическому развитию.

Антитеррористическая операция 2001 г., приведшая к свержению режима талибов, изменила ситуацию в стране. Начиная с 2002 г., первого послевоенного года, при всесторонней поддержке и помощи извне в системе макроэкономических показателей Афганистана начали происходить положительные изменения. С 2002 по 2009 гг. ВВП страны увеличился более чем в три раза. Даже в 2009 г., несмотря на мировой финансовый кризис, афганские власти весной прогнозировали, что показатель ВВП по итогам года составит 13,3 млрд. долл. (против 2,8 млрд. в 2001 г.), ВВП на душу населения вырастет до 461 долл. Действительно, в 2009 г. экономика страны претерпела определенные положительные изменения и достигла ощутимых результатов в некоторых отраслях, таких как сельское хозяйство, мобильная связь.

Таблица 2
ВВП Афганистана в динамике

Годы	2002/ 03	2003/ 04	2004/ 05	2005/ 06	2006/ 07	2007/ 08	2008/ 09	2009/ 10
Объем (млрд. долл.)	4,0	4,4	5,4	6,5	7,7	9,7	11,7	13,3

Источник: Lan S. Livingston, Heather L. Messera, Michael O'Hanlon and Jeremy Shapiro. Afghanistan index. Tracking Variables of Reconstruction an Security in Post-9/11 Afghanistan, 20.11.2009, с. 28.

Нужно подчеркнуть, что все положительные сдвиги в экономике Афганистана произошли благодаря помощи мирового сообщества. По данным правительства Афганистана страна за последние восемь лет от мирового сообщества на восстановление и развитие своей экономики получила финансово-экономическую помощь на общую сумму в 36 млрд. долл. Некоторые страны мира инвестировали и продолжают инвестировать средства в разные сектора экономики Афганистана. Общий объем таких инвестиций, начиная с 2002 г., составил 8 млрд. евро, из которых, в частности, 700 млн. евро за период с 2007 по 2010 гг. внесли европейские страны¹.

Мировое сообщество и сегодня, в условиях мирового финансового кризиса, продолжает оказывать финансовую и гуманитарную помощь, выделять долгосрочные кредиты Афганистану. К примеру, в начале ноября 2009 г. японское правительство приняло решение выделить для экономической и социальной стабилизации Афганистана 5 млрд. долл. в течение пяти лет, начиная с 2010 финансового года. Сумма, как заявили японские власти, пойдет на адаптацию к гражданской жизни бывших бойцов «Талибана», на реализацию ряда проектов развития, включая строительство нового города к северу от Кабула. Кроме того, Япония в рамках этой помощи, для улучшения работы правоохранительных органов, намерена также взять на себя выплату половины зарплаты 80 тыс. афганских полицейских².

По общим показателям во всех отраслях экономики Афганистана за последние годы намечаются относительные продвижения. Сравнительно высокими темпами развивается мобильная связь, которую обеспечивают четыре оператора. Только за шесть месяцев 2009 г. абонентская база афганских операторов выросла более чем на 10%, а общее число пользователей мобильной связи достигло 11 млн. чел. Афганская мобильная связь – одна из отраслей национальной экономики, куда иностранные инвесторы, несмотря на нестабильность и напряженную обстановку в стране, вкладывают ресурсы. В эту отрасль было вложено около 1,5 млрд. долл. США. Кроме того, поступления от нее в государственный бюджет с каждым годом растут и в 2009 г. предвиделись в 125 млн. долл.³.

Аграрный сектор, в котором живет и работает свыше 80% населения страны, нуждается в усовершенствовании инфраструктуры, а точнее – в строительстве ирригационных сооружений. Больше половины площадей под пшеницей приходится на долю богарных посевов, а объем полученного урожая в них в два раза меньше, чем на поливных землях. Например, в 2008 г. под посевами пшеницы была занята общая земельная площадь в 2139 тыс. га, из которых 990 тыс. га (46%) – поливные земли, а 1149 тыс. га (54%) – богарные. Урожайность на поливных землях в среднем составила 2,43 т/га, а в богарных – 0,19 т/га. Это все говорит о том, что на богарное земледелие в перспективе особо надеяться не следует, а поливное нуждается в строительстве необходимой инфраструктуры, поскольку частые засухи приводят к тому, что крестьяне каждый раз теряют больше половины своего урожая⁴.

Таблица 3
Динамика производства зерновых
(тыс. т)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Пшеница	2686	4362	2293	4266	3363	4343	2623	5115
Рис	260	291	310	325	361	425	410	432
Маис	298	310	234	315	359	360	280	300
Ячмень	345	410	220	337	364	370	333	486
Всего	3589	5373	3057	5243	4447	5498	3646	6333

Источник: Agriculture Prospects Reports. Policy and Planning Department Marketing, Economics and Statistics Division (FAAHM), Ministry of Agriculture, Irrigation and Livestock. Kabul, 23 May 2009, с. 3.

Поэтому, хотя посевная площадь под зерновыми за последние годы ежегодно расширялась, объем полученного урожая в некоторые годы снизился до минимального уровня, о чем свидетельствуют показатели 2004 и 2008 гг. (таблица 3). Если рассмотреть производство основных видов зерновых по регионам Афганистана, то посевые площади разбросаны по стране неравномерно. Только приблизительные данные 2009 г. показывают, что около 60% посевов приходились на долю пяти северных (Фарьяб, Джаузджан, Сари-Пул, Балх, Саманган) и четырех северо-восточных (Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан) провинций.

В некоторых регионах страны доля поливных земель больше, чем богарных, однако северные и северо-восточные районы отличаются тем, что здесь между поливным земледелием и богарным разрыв намного больше, чем в остальных провинциях. На Севере Афганистана, к примеру, в 2009 г. поливные площади, занятые под посевами пшеницы, составили 24% от общего по региону, на Северо-Востоке – 38% (ниже среднего показателя по стране), в Центральном регионе – 86%, Южном – 90%, Восточном – 89%, Юго-Восточном – 92% (выше среднего показателя по стране)⁵.

По оценкам Агентства США по международному развитию, в 2009 г. в 17 из 34 провинций ожидалось производить на 25–50 тыс. т пшеницы больше, чем требовалось, а в остальных 17, к которым главным образом относятся восточные, центральные и южные провинции, ожидался дефицит. В целом, по данным министерства сельского хозяйства, ирригации и животноводства, в 2009 г. страна получила рекордный урожай зерновых – 6,3 млн. тонн⁶.

Рост объемов производства промышленности Афганистана идет за счет мелких цехов и предприятий по производству кожаных изделий, текстиля и переработки продукции сельского хозяйства, выпуска товаров первой необходимости. Подобные производства открыты во многих крупных городах, таких как Кабул, Герат, Мазари-Шариф. Однако дешевая китайская мануфактура привела к тому, что многие афганские предприниматели, не выдерживая конкуренции, закрывают свое дело. Самым распространенным в стране до сих пор является ковроделие, в котором, по данным 2007 г., было непосредственно занято около одного млн. человек. Столько же людей занимались заготовкой сырья для производства ковров.

По мере стабилизации обстановки в стране, развития экономики растет и спрос на энергоресурсы, однако этот сектор, считающийся двигателем экономики, развивается довольно низкими темпами. Ремонтно-восстановительные работы идут на некоторых станциях. Российские специалисты компании ОАО «Технопромэкспорт» занимаются модернизацией одной из самых крупных афганских ГЭС «Наглу» мощностью в 100 мВт, расположенной в 30 км от Кабула. Украинские специалисты восстанавливают ГЭС «Дарунте» в провинции Нангархар.

Страна из-за нехватки энергоресурсов особо страдает во время зимнего периода. В небольших объемах начали добывать каменный уголь на северо-востоке страны в месторождениях Каркар и Дудкаш. К 2005 г. общий объем добычи в стране оценивался в 200 тыс. т в год.

Таблица 4
Источники электроэнергии Афганистана
(мВт)

	ГЭС	ТЭС	Импорт	Другие	Всего
1979	258,72	137,18	0	0	395,90
2002	140,56	15,79	86,7	0	243,05
2007	183,35	87,50	96,0	14,84	463,99

Источник: Power Sector Strategy For The Afghanistan National Development Strategy (WITH FOCUS ON PRIORITIZATION) DRAFT. 28.05.2007, c. 5; Afghanistan index. Tracking Variables of Reconstruction an Security in Post-9/11 Afghanistan. 20.11.2009, c. 30.

Афганистан – страна с низким энергетическим потенциалом, остро нуждается в импорте электроэнергии из соседних стран. Министр энергетики Афганистана за последние годы с официальным визитом неоднократно посетил государства Центральной Азии, чтобы решить проблему увеличения объемов поставок электроэнергии в свою страну. В результате Туркмения строит необходимые сооружения на своей территории и последовательно расширяет сеть линий электропередач на афганском направлении. Уже сегодня Туркмения по дополнительным линиям электропередачи наладила обеспечение электроэнергией северных районов Афганистана.

Поскольку у населения Афганистана очень низкий уровень доходов (о чем подробнее будет сказано ниже), не всегда страна может своевременно оплачивать поставки электроэнергии из соседних стран. Неплатежеспособность афганских потребителей приводит к накоплению долгов, которые в большинстве случаев списываются соседями в рамках программ оказания помощи. В последние послевоенные годы очень часто так поступало правительство Туркменистана. В очередной раз по указанию президента Туркмении в 2009 г. были списаны долги афганской стороны в сумме около 4 млн. долл., а также безвозмездно поставлено электричество в объеме 15 млн. кВ/ч на сумму \$300 тыс. долл. США⁷.

Расширяются география, объем и структура внешней торговли Афганистана. Объем внешней торговли страны с 2002 по 2006 гг. вырос в 3,5 раза, в частности экспорт из страны в 3 и импорт в 3,5 раза. Доля экспорта в общем объеме остается незначительной. В 2002 г. этот показатель составил 8,5%, а к 2006 г. снизился до 7,5%.

География внешней торговли почти не изменилась, так как основными партнерами по внешней торговле за послевоенные годы остаются одни и те же страны, объем торговли с которыми вырос в несколько раз. К примеру, в 2002 г. на долю Пакистана приходилось 32% афганского экспорта, Индии – 19,5% и США – 4,6%. К 2006 г. Индия и Пакистан поменялись местами и доля первой составила 21,5%, а второй – 20,8% соответственно. В целом с 2002 по 2006 гг. объем экспорта в Пакистан вырос более чем в два, Индии – более чем в три и США – более чем в десять раз. Относительно импорта можно лишь сказать то, что лидирующее положение в нем занимает Пакистан (см. табл.). Это прежде всего объясняется тем, что Пакистан является ос-

новным коридором для Афганистана – как для выхода на внешние рынки, так и поступления всех видов товаров на афганский рынок из морского порта Карачи. Альтернативные коридоры через Иран и Центральную Азию пока разрабатываются.

Таблица 5

Объем торгового оборота со странами – основными партнерами (млн. долл.)

	2002	2003	2004	2005	2006
Экспорт (всего)	87	210	185	239	274
Пакистан	28	28	45	48	57
Индия	17	32	39	51	59
США	4	57	23	62	42
Импорт (всего)	1034	1608	1971	3002	3633
Пакистан	245	449	511	1172	1375
США	88	67	173	288	459
Германия	57	103	130	167	275
Индия	57	137	170	158	186
Корея	141	137	85	66	77
Туркменистан	31	81	107	122	143
Япония	92	114	73	84	74

Источник: Afghanistan index. Tracking Variables of Reconstruction and Security in Post-9/11 Afghanistan. 20.11.2009, с. 32.

По данным главы Управления по содействию транзиту и торговле Министерства торговли и промышленности Афганистана, около 50% объемов афганской торговли приходится на долю пяти соседних стран – Пакистана, Ирана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Около 98% внутрирегионального экспорта и 44% внутрирегионального импорта приходится на долю Пакистана, 37% и 14% импорта Афганистана – соответственно на долю Ирана и Узбекистана⁸.

Транспортной инфраструктуре Афганистана в послевоенное время былоделено значительное внимание. Были восстановлены и реконструированы некоторые главные магистрали, часть афганской кольцевой автодороги, построены грунтовые дороги ко многим глухим и отдаленным местам. В результате

интенсивных работ и усилий по восстановлению транспортной инфраструктуры к 2008 г. в Афганистане было проложено приблизительно 13100 километров дорог. Однако в целом состояние автодорог во многих крупных городах, даже в самом Кабуле, все еще остается неудовлетворительным. Всего в стране было восстановлено 46 аэропортов, в некоторых из них длина взлетно-посадочной полосы увеличена до 3000 метров.

В последние годы активно обсуждаются различные проекты строительства трансафганской железной дороги, однако ни один из них пока не был реализован. Трехстороннее соглашение о строительстве трансафганской транспортной системы, к примеру, было подписано между президентами Узбекистана, Ирана и Афганистана еще в 2003 г. во время официального визита узбекского президента в Иран. Затем, в ноябре 2008 г., между Азиатским банком развития (АБР), правительствами Узбекистана и Афганистана был подписан меморандум о строительстве железнодорожной ветки Хайратон – Мазари-Шариф – Герат.

Президент Узбекистана И. Каримов в феврале 2009 г. в интервью пакистанским журналистам сообщил, что Узбекистан начал строительство железной дороги от Термеза (Узбекистан) в Мазари-Шариф (Афганистан)⁹. К концу сентября 2009 г. АБР обещал выделить 165 млн. долл. в виде гранта на строительство колеи, а также станции в Мазари Шарифе, Узбекистан готов оказать при этом техническую помощь Афганистану. Правительство Афганистана со своей стороны добавляет к этой сумме еще дополнительные пять млн. долл.¹⁰. Однако в ноябре того же года Узбекистан и Афганистан на уровне компании "Узбекские железные дороги" и Министерства общественных работ Афганистана заключили контракт стоимостью 129 млн. долл. на строительство железной дороги по маршруту Термез – Хайратон общей протяженностью 75 км. Работы по осуществлению этого проекта начались в январе 2010 г., о чём официально было заявлено представителем компании "Узбекские железные дороги", и в кратчайшие сроки (до конца текущего года) строительство планируют завершить. Кроме того, узбекская сторона, по данным компании, параллельно будет заниматься подготовкой кадров для афганской железной дороги.

Торгово-экономические отношения Афганистана со странами Центральной Азии и Россией с каждым годом расширя-

ются, но все еще остаются на низком уровне. Страны Центральной Азии помимо поставки электроэнергии, экспортят в Афганистан химическую продукцию, машины и оборудование, цветные и черные металлы, продовольствие.

Что касается России, то на токийской конференции по Афганистану в 2002 г. глава временного правительства Афганистана Х. Карзай в ходе встречи с российской делегацией подчеркнул, что его страна нуждается в помощи России для восстановления таких отраслей экономики, как энергетика и ирригационные сооружения. А позже, во время визита Х. Карзая в Москву в начале марта 2002 г. стороны подписали 26 конкретных документов об экономическом сотрудничестве. В частности, обсуждались вопросы взаимодействия в нефтегазовой сфере, системе управления воздушным сообщением, строительстве автодорог. ОАО «Надымдорстрой» был готов в сотрудничестве с Министерством общественных работ Афганистана приступить к реконструкции афганских автодорог.

Однако в реальности, как показывает практика последних лет, все эти заявления и соглашения остались только на бумаге. Россия пока, несмотря на большое желание афганской стороны, активно не включается в процесс восстановительных работ. Более того, в начале 2006 г. торгпредставительство Российской Федерации в Афганистане было вовсе ликвидировано. В первые годы после свержения режима талибов Россия по линии Министерства обороны оказала Афганистану военно-техническую помощь в размере 230 млн. долл. За минувшие годы Россия оказала Афганистану гуманитарную помощь на сумму 30 млн. долл., а также предоставила 200 млн. долл. безвозмездной помощи на восстановление афганской экономики. В 2008 г. Россия передала Афганистану свыше 3 тыс. тонн муки, в 2009 г. поставки превысили 18 тыс. тонн.

Кроме того, Россия в перспективе планирует активизировать свои действия в плане оказания финансово-экономической помощи. Председатель Российско-афганского делового совета сообщил, что российская сторона намерена построить в Афганистане цементный завод, гидроэлектростанцию на реке Саланг.

Туркменистан оказывает гуманитарную и техническую помощь соседним провинциям Афганистана. За счет средств туркменского государства в 2009 г., к примеру, в провинции

Фарьяб был построен Дом здоровья, оснащенный всем необходимым оборудованием, в селе Хазара-токай провинции Балх была построена школа. Туркменскими специалистами безвозмездно был полностью обновлен двухкилометровый участок железной дороги Серхетабат – Тургунди, что обошлось в 550 тыс. долл. Туркменской стороной выдвинуто предложение о строительстве железной дороги на участке Атамрат – Имамназар с дальнейшим продолжением пути по территории Афганистана, что в будущем позволит увеличить объем трансграничного грузопотока¹¹.

Не менее активна республика Узбекистан. На участке Мазари-Шариф – Кабул для обеспечения бесперебойного сообщения между севером и югом страны Узбекистаном были построены 11 мостов, с начала 2002 г. восстановлена подача электричества, а в мае 2009 г. был реализован проект по введению в эксплуатацию ЛЭП (220 кВт) Хайратон – Пули Хумри – Кабул.

Таблица 6
Товарооборот Афганистана с Узбекистаном
(млн. долл.)

Годы	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2002	61,5	0,2	61,3	- 61,1
2003	89,6	0,2	89,4	- 89,2
2004	130,1	3,9	126,2	- 122,3
2005	19,3	0,1	19,2	- 19,1

Источник: Парамонов В., Строков А. Восстановление Афганистана и афгано-узбекские экономические отношения // Conflict Studies Research Centre, June 2006, с. 3.

Невзирая на эти и другие подвижки, в целом уровень жизни в стране остается одним из самых низких в мире. Так, по последним данным, по индексу человеческого развития из 182 стран мира Афганистан занимает 181-е место¹², а около половины населения страны имеет доход менее одного доллара в день¹³. Для наглядности приводим некоторые данные: 12 миллионов жителей Афганистана живут за чертой бедности, из этого числа примерно 3 миллиона составляют дети и еще около 2,4 млн. – кормящие матери¹⁴, дети, весящие ниже нормы для своего

возраста (до 5 лет), – 39%, люди, не имеющие доступа к улучшенным источникам воды – 78%. По индексу человеческого развития с учетом гендерного фактора из 155 стран Афганистан находится на 154-м месте¹⁵.

Еще на токийской конференции по Афганистану обсуждались механизмы и методы использования финансово-экономической помощи, и страны-доноры опасались распределять ее через государственные структуры Афганистана, так как бывшие полевые командиры и коррумпированные чиновники могли потратить деньги не по назначению. И, действительно, Афганистан не был готов принять на себя полную ответственность. Поэтому все операции, связанные с использованием этих средств, контролировали иностранные неправительственные организации. Однако, как показали результаты исследований западных экспертов, от этого афганцам лучше не стало. Причиной всех неудач в Афганистане, по их мнению, во-первых, является коррупция внутри самой страны, а во-вторых, то, что 80 центов из каждого выделенного доллара по различным каналам, прежде всего через реализацию подписанных контрактов, обратно возвращаются к странам-донорам¹⁶. Если подсчитать, то получается, что из 36 млрд. долл. помощи реально Афганистан получил только 7,2 млрд. А поскольку коррупция в этой стране не знает границ, то можно себе представить, какая часть этой суммы застяла в кабинетах афганских чиновников.

Под давлением США и других стран Запада президент Афганистана Х. Карзай в конце 2009 г. предпринял более смелые шаги в деле борьбы с коррупцией. Генеральный прокурор страны представил парламенту список из 15 бывших, пяти действующих министров и шести губернаторов, которые подозреваются в коррупции. В него попали министр иностранных дел Рангин Дадфар Спанта, министр внутренних дел Ханиф Атмар, министр экономики Джалиль Шамс и советник президента Нематулла Шахрани¹⁷.

Основная масса экономически активного населения Афганистана в городах и раньше с трудом находила работу, а когда за последние годы в страну прибыло около 5 млн. репатриантов, и их основная масса остановилась в крупных городах, прежде всего в столице страны, ситуация с трудоустройством еще больше усугубилась. Безработица в Афганистане составляет 40%, к тому же надо иметь в виду, что по состоянию

на 2007 г. в Пакистане все еще находились свыше двух млн. афганских беженцев, а Иране – 910 тыс.¹⁸

Социальная инфраструктура также находится в плачевном состоянии. Всего в стране было построено около 13 тыс. начальных и средних школ (более 3700 школ в отдаленных сельских районах были построены ЮНИСЕФ). Это привело к росту численности школьников. Так, в 2002 г. число детей, посещавших школу, составило 1,78 млн., а к 2008 г. увеличилось до 6,14 млн. человек, из которых 2,19 млн. – девочки¹⁹. Особых изменений с этой тревожной ситуацией не видно, и уровень неграмотности по-прежнему высок: он достигает 70% и это при том, что около 45% населения составляют дети до 15 лет.

Среди мужского населения уровень безграмотности, как правило, относительно ниже (64%), чем женского (свыше 80%)²⁰. Иностранные эксперты, работающие в Кабуле, в своем докладе в 2009 г. признали, что причиной безграмотности являются масштабная нищета и низкое качество образования, это в итоге может привести к тому, что еще 25% афганских детей в возрасте 7–14 лет готовы покинуть школу и искать работу. Детей могут использовать контрабандисты, которые для контрабанды товаров и наркотиков на афгано-пакистанской границе привлекают детей в возрасте от 5 до 12 лет. Каждый день сотни из них перевозят через пакистанскую границу по 3–4 кг муки для конкретного заказчика, который платит им по 16 центов за одну перевозку²¹.

Качество образования, нехватка профессиональных учителей, отсутствие учебников и отдаленность школ от места проживания также являются причинами того, что многие дети вынуждены покинуть школу. Во многих районах занятия проводятся в палатках, в других построены новые здания, но там нет профессионалов-преподавателей и учебных материалов.

И самой болезненной проблемой как для самого Афганистана, так и для соседних стран, остается производство здесь опийного мака и героина. В 2009 году посевы сократились на 22% – с 157 тыс. га в 2008 г. до 123 тыс. га. Если в 2004 г. (131 тыс. га) все провинции страны были втянуты в наркобизнес, то в 2009 г. 20 провинций занимались исключительно производством традиционных видов сельхозкультур. Динамика производства опийного мака остается тревожной.

Таблица 7
Посевы опийного мака в Афганистане по регионам
(га)

Регионы	2002	2009	Изменения
Центральный	96,000	132,000	+36,000
Восточный	21,909	593	-21,316
Северный	691,000	0	-691,000
Северо-восточный	9,054	557	-8,497
Юг	39,220	103,014	+63,794
Запад	3,076	18,800	+15,724
Всего	74,046	123,096	+49,050

Источник: Addiction, Crime and Insurgency. The transnational threat of Afghan opium 2009, с. 80.

Посевы опия кочуют по стране из одной провинции в другую. Так, если площадь посевов на севере и северо-востоке страны сокращалась, то на юге и в других провинциях она росла, и, в конечном счете, больше половины из них сконцентрировались в провинции Гильменд. Из общих посевов мака в 2009 г. на долю этой провинции приходилось 56,8%, то есть около 70 тыс. га²².

Согласно данным ООН, «совокупный доход от оборота опиума в Афганистане составляет около 3,4 млрд. долл. в год. Из этой суммы, по данным экспертов ООН, 4% получают талибы, чуть больше 20% – крестьяне, а остальные 75% получает аль-Каида»²³. Но с этими цифрами не все согласны, поскольку многие западные независимые эксперты считают, что «подавляющая часть наркоты контролируется некоторыми представителями официальной центральной и региональной власти»²⁴. Министр юстиции Афганистана заявил, что пособниками афганских чиновников, замешанных в этом деле, являются иностранцы.

Рост производства опиума привел к ухудшению социальной ситуации в самом Афганистане. По разным данным, в стране, где традиционно жители редко увлекались опиумом, насчитывается около 1,5 млн. наркозависимых, из которых 120 тыс. – женщины²⁵. Наркомания растет прежде всего среди

репатриантов, которые не могут найти работу, а таких в стране очень много.

В целом можно заключить, что Афганистан, несмотря на достигнутые успехи в некоторых отраслях экономики, все еще находится в тяжелом социально-экономическом положении. Отмеченный рост общих экономических показателей не повлиял на качество жизни простых людей, и ситуация в социально-экономической сфере не разрешается, но грозит новыми осложнениями.

¹ Афганистан. Заграница им поможет. <http://ru.euronews.net/2009/11/06/>

² Известия, 13.11.2009.

³ Абонентская база операторов мобильной связи в Афганистане увеличилась, 13.10.2009. www.afghanistan.ru

⁴ Agriculture Prospects Reports. Policy and Planning Department Marketing, Economics and Statistics Division (FAAHM), Ministry of Agriculture, Irrigation and Livestock. Kabul, 23.05.2009, с. 3.

⁵ Agriculture Prospects Reports. Policy and Planning... Annex: Page 2.

⁶ Afghanistan Food Security Outlook. July to December 2009, с. 1–3.

⁷ Туркмения поможет Афганистану железной дорогой и Трансафганским газопроводом. 08.10.2009. <http://www.regnum.ru>

⁸ Transit Transport in Afghanistan In the Midst of Central Asian Crossroads by Mr. Hedayatullah Watanyar. Head of the Directorate of Transit and Trade Facilitation Ministry of Commerce and Industry, Islamic Republic of Afghanistan. Presentation for the UNCTAD Expert Meeting on Regional Cooperation in Transit Transport – Solutions for Landlocked and Transit Developing Countries On 27–28 September 2007, Palais des Nations, Geneva.

⁹ Daily Times, 26.02.2009.

¹⁰ ADB-Funded Railway to Help Afghanistan Improve Regional Links, Boost Growth. 30 September 2009, www.adb.org

¹¹ Туркмения поможет Афганистану железной дорогой и Трансафганским газопроводом, 08.10.2009. <http://www.regnum.ru>

¹² In Brief: Afghanistan slipping down UN human development index // IRIN, 05.10.2009.

¹³ Jon Bennett, Jane Alexander, Douglas Saltmarshe, Rachel Phillipson, Peter Marsden. Country Programme Evaluation Afghanistan, Department for International Development Evaluation Report EV696, May 2009, с. 5.

¹⁴ Около половины населения Афганистана живет за чертой бедности – Минздрав. <http://www.izvestia.ru/news/news219168>

¹⁵ Factsheet of Human Development Report 2009: Afghanistan ranked 181 out of 182 countries // UNDP, 05.10.2009.

¹⁶ 75 pc national revenues devoured by corruption // The Canadian Press, 28.05.2009.

¹⁷ Afghan ministers on 'graft' list, 17.12.2009. <http://english.aljazeera.net>

¹⁸ Lan S. Livingston, Heather L. Messera, Michael O'Hanlon and Jeremy Shapiro. Afghanistan index. Tracking Variables of Reconstruction an Security in Post-9/11 Afghanistan. 20.11.2009, c. 21.

¹⁹ UNICEF: 24 Percent of Afghan Children Aged 7–14 are in Employment // IRIN, 07.06.2009.

²⁰ Afghanistan index. Tracking Variables of Reconstruction an Security in Post-9/11 Afghanistan. 20.11.2009, c. 28.

²¹ Afghanistan's smuggler children // Channel 4 News, June 23, 2009.

²² Addiction, Crime and Insurgency. The transnational threat of Afghan opium 2009, c. 80–81.

²³ UN Report Misleading on Afghanistan's Drug Problem // Foreign Policy In Focus, 05.11.2009.; U.S. should deal firmly with Hamid Karzai on Afghan corruption // The Philadelphia Inquirer, 18.10.2009.

²⁴ Там же.

²⁵ Toronto Star, 29.08.2009.

А.Б.Подцероб

РОССИЯ – АРАБСКИЙ МИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В период «холодной войны» Арабский Восток и Магриб являлись одним из основных театров конфронтации между Советским Союзом и Западом. Дважды, в 1956 и 1973 гг., соперничество между ними в этом регионе подводило мир к порогу ядерной войны. Борьба двух супердержав за влияние в арабском мире носила всеобъемлющий характер, охватывая политическую, военную, экономическую, идеологическую, культурную сферы. Здесь развернулась беспрецедентная гонка вооружений. Только в 1978–85 гг. в ближневосточные страны государствами, входящими в НАТО, было поставлено 5 тыс. самолетов, 45 тыс. танков и бронетранспортеров, 40 тыс. орудий и ракет, а странами ОВД – примерно треть от этого количества.¹ Советский Союз трижды – после «Суэцкой войны» 1956 г., «Шестидневной войны» 1967 г. и «Октябрьской войны» 1973 г. перевооружал египетскую армию. Дело не ограничивалось поставками Западом и СССР вооружения и военно-техническим сотрудничеством. В 1956 г. Великобритания и Франция совместно с Израилем напали на Египет, в 1958 г. США ввели войска в Ливан, а Англия – в Иорданию, в 1961 г. англичане направили воинские части в Кувейт, в 1982–84 гг. сформированные из контингентов западных держав Многонациональные силы находились в Ливане, американцы не раз имели боевые столкновения с ливийцами в заливе Сирт, а в 1986 г. американская авиация подвергла бомбардировке Триполи и Бенгази. В свою очередь советские военнослужащие сражались бок о бок с египтянами в период «Войны на исходе» с октября 1969 по июль 1972 г. Во время ирако-иранской войны американские и советские корабли осуществляли конвоирование танкеров в Персидском заливе.

Успехи СССР в развитии экономики и в социальной сфере в 60–70-е годы оказали заметное демонстрационное воздействие

на арабские страны. Не только ОАР, Ирак, Сирия, Алжир, Ливия, Южный Йемен, но и Марокко и Тунис объявили в то время о строительстве у себя различных модификаций социализма – исламского, арабского, конституционного и т. п. Крах социализма в СССР и государствах Восточной Европы, экономика которых оказалась не в состоянии адаптироваться к требованиям, предъявляемым постиндустриальным этапом развития, сопровождался разочарованием в лево-националистических и социалистических идеях в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Образовавшийся вакуум заполнила идеология религиозного возрожденчества...

Переход двух сверхдержав в конце 80-х годов от «холодной войны» к налаживанию взаимодействия в международных делах привел к прекращению конфронтации между ними и на арабской арене. Спокойствия региону это, впрочем, не принесло. Там по-прежнему вспыхивали межгосударственные конфликты, продолжались идеологические споры, нарастали религиозные распри. С перемещением же центра тяжести в советской политике на американское, западноевропейское и азиатско-тихоокеанское направления начал падать интерес Москвы к происходящему на Арабском Востоке.

В 90-е годы внешняя политика России приобрела и вовсе несбалансированный характер: ее отличительной чертой стал крен в сторону Запада в ущерб сотрудничеству со странами Востока, в том числе и со странами арабского мира. Здесь не понимали, как можно было буквально в одночасье отвернуться от своих союзников, забыть, что с советской помощью в Египте, Ираке, Сирии, Алжире были заложены основы национальных экономик, созданы современные армии, подготовлены десятки тысяч военных и гражданских специалистов, не могли постичь, как можно поддаться иллюзорным надеждам на бескорыстие США и Западной Европы, упустить из виду, что крах социализма и распад СССР не отменяют правил «игры наций», а лишь переводят ее из плоскости идеологического противостояния на арену геополитического сотрудничества/соперничества.

Возврат России к реалистичной, сбалансированной линии в международных делах начался с назначением министром иностранных дел Е.М. Примакова и окончательно оформился с избранием президентом страны В.В. Путина. Отношения РФ со странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки вновь приобрели активный характер. Началось, по оценке еже-

недельника «Аль-Ахрам Эбдо», «беспрецедентное для российской политики последних лет сближение с мусульманским миром».²

В настоящее время в Москве, как подчеркнул в своем выступлении 24 июня 2009 г. в штаб-квартире ЛАГ президент РФ Д.А. Медведев, убеждены, что «современное взаимодействие России и арабского мира – важнейший фактор мировой политики, в том числе в вопросах самых серьезных: терроризма, экстремизма, мирного урегулирования региональных конфликтов, ядерного нераспространения. Мы и дальше нацелены на совместный поиск ответов на вызовы, с которыми сталкивается регион Ближнего Востока и мир в целом».³ На Арабском Востоке и в Северной Африке, в свою очередь, рассматривают Россию, по словам генерального секретаря ЛАГ А. Мусы, как державу, которая занимает «беспристрастную позицию» в отношении проблем арабского мира и является «одним из немногих государств, политику которых отличает понимание реалий нашего региона».⁴

Одним из приоритетов внешней политики нашей страны было и остается ближневосточное урегулирование. Подходы к этой проблеме СССР предопределялись, с одной стороны, необходимостью оказывать всестороннюю помощь арабским странам против Израиля, который поддерживали США, а с другой, – стремлением выйти на политическое решение конфликта, вовлеченность в который создавала для нас неприемлемые риски, включая риск возникновения третьей мировой войны, и к тому же ложилась тяжким бременем на испытывавшую нарастающие трудности советскую экономику. Хотя советской дипломатии не удалось добиться своей основной цели – проведения международной конференции по Ближнему Востоку, ее действия создали предпосылки к запуску в последующем мирного процесса. В частности, мы смогли тогда убедить ООП в необходимости признания резолюции 242 Совета Безопасности в качестве основы будущих переговоров с Израилем.

Что касается России, то она играет в БВУ самостоятельную роль, действуя как в двустороннем формате, так и в рамках «четверки» международных посредников. Особенно важное значение имеет ее взаимодействие с США, от которых во многом – если не в решающей степени – зависит возможность прогресса в мирном процессе. В силу этого нам ни в коем случае не следует, несмотря на возникающие времена от времени осложнения в российско-американских отношениях, свертывать сотрудничество на данном направлении с Вашингтоном.

В Москве исходят из того, что ключом к нормализации обстановки на Ближнем Востоке являются решение палестинской проблемы и прекращение оккупации Израилем арабских территорий. Результатом урегулирования должно стать создание жизнеспособного Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, существующего в мире и безопасности с Израилем. Необходимо также найти взаимоприемлемое решение проблемы палестинских беженцев. Только основанное на подобных принципах и обеспечивающее справедливость урегулирование позволит установить на Ближнем Востоке прочный мир, в то время как любые иные решения смогут – и то в лучшем случае – привести лишь к временным перемириям. Более того, по словам Д.А. Медведева, «пока он [ближневосточный конфликт] не будет справедливо урегулирован, мировому сообществу будет трудно противостоять всему спектру глобальных вызовов и глобальных угроз».⁵ Подход России фактически совпадает с Арабской мирной инициативой, принятой в 2002 г. на сессии Совета ЛАГ на высшем уровне в Бейруте. Москва сразу же поддержала эту инициативу, более того, активно способствовала тому, чтобы она стала частью международно-правовой базы БВУ.

Что касается собственно переговоров, то здесь было бы, как представляется, целесообразно побуждать палестинцев и израильтян следовать тактике «шаг за шагом», осуществляя поэтапный обмен территориями в районе Иерусалима, упростив возвращение в Израиль палестинских беженцев по процедуре «воссоединения семей», принимая меры к разделу водных ресурсов и т.п. Одновременно необходимо добиваться от Тель-Авива свертывания поселенческой деятельности, а от ПНА – жесткого пресечения попыток проведения с территории Западного берега антиизраильских терактов. Было бы, кроме того, целесообразно подталкивать стороны к завязыванию диалога (по типу диалога межцивилизационного), нацеленного на размывание «образа врага» в представлениях израильтян и палестинцев друг о друге.

Представляется совершенно логичной линия Москвы на то, чтобы дополнить двусторонние контакты переговорами в многостороннем формате, считается полезным выдвижение ею в 2005 г. предложения об организации в Москве международной конференции по Ближнему Востоку с целью дать новый импульс движению на всех направлениях мирного процесса.

Хотя условия для ее проведения пока не созрели, это не означает, что усилия по ее созыву будут свернуты. Как пояснили 23 июня 2009 г. в Администрации Президента РФ, «мы спокойно и последовательно продолжаем консультации, изучаем точки зрения сторон. <...> Наше предложение остается на столе».

Что касается межпалестинских отношений, то Россия, сохранившая связи как с Движением за освобождение Палестины (ФАТХ), так и с Движением исламского сопротивления (ХАМАС), находится в уникальном положении в среде международных посредников. Проводимая нами линия на поддержание и далее контактов с исламистами позволяет не только содействовать усилиям по нормализации отношений между этими группировками, но и побуждать руководство ХАМАС к проведению более умеренной и реалистичной линии.

Необходимость нашего активного участия в ближневосточном урегулировании диктуется, помимо всего прочего, необходимостью погасить этот очаг напряженности, подпитывающий терроризм и destabilизирующий обстановку во всем регионе. Нельзя также упускать из виду, что следствием БВУ станет возникновение на Ближнем Востоке новых геополитических реалий, формирование которых с учетом российских интересов будет возможно лишь в том случае, если Россия и далее будет оставаться полноценным участником мирного процесса.

Интересы нашей страны непосредственно затрагивает происходящее в Ираке и вокруг него.

В Москве с тревогой было воспринято нападение Ирака на Иран в 1980 г., в том числе и потому, что в непосредственной близости от границ СССР разгорелся крупный военный конфликт, сразу еще больше обостривший обстановку на Ближнем и Среднем Востоке и давший США повод существенно нарастить свое военное присутствие в районе Персидского залива. При этом Багдад не провел предварительных консультаций с Москвой в нарушение положений ирако-советского Договора о дружбе и сотрудничестве 1972 г., которым такие консультации предусматривались в случае возникновения ситуаций, угрожающих миру одной из договаривающихся сторон. Тем не менее бросить иракцев на произвол судьбы мы не могли, поскольку победа ИРИ, проводившей тогда политику экспорта «исламской революции», укрепила бы позиции фундаменталистов во всем регионе, что могло бы негативно сказаться на ситуации в Средней Азии, Азербайджане и на Северном Кавказе.

Продолжались поставки Ираку советского вооружения, стоимость объема которых составила в 1978–82 гг. 1,8 млрд. долл. Поддержали Багдад и США, также стремившиеся не допустить победы исламистского Ирана. При этом продажа американского вооружения иракцам намного превысила советский экспорт военной техники, достигнув за тот же период 6,5 млрд. долл. Продолжали поставки вооружения и западноевропейские страны (4,3 млрд. долл. в 1978–82 гг.).⁶ В поддержку Ирака выступили, наконец, арабские страны (за исключением Сирии и Ливии). Естественно, что в этих условиях не могло быть и речи об осуждении Советом Безопасности Ирака, а тем более о введении им антииракских санкций.

Иная ситуация сложилась в 1990 г., когда Ирак оккупировал Кувейт. К этому времени президент С. Хусейн вернулся к жесткой антиизраильской риторике, иракцы продолжали наращивать арсеналы боевых отравляющих веществ, пытались наладить производство ядерного оружия, модифицировали, повысив дальность их действия, советские «Скады» и создали собственную оперативно-тактическую ракету повышенной дальности «Бадр-2000». Естественно, все это вызвало озабоченность Вашингтона, всегда рассматривавшего обеспечение безопасности Израиля как приоритетное направление своей ближневосточной политики. С другой стороны, аннексировав Кувейт, Ирак стал контролировать 25% добываемой на Ближнем Востоке нефти, а ее цена в результате иракской агрессии возросла вдвое – до 40 долл. за баррель.⁷ Существовала к тому же угроза, что С. Хусейн на этом не остановится и пойдет на оккупацию также подчинявшейся когда-то турецкому паше в Басре Эль-Хасы, где сосредоточены основные месторождения нефти Саудовской Аравии. С учетом всего этого в Вашингтоне приняли решение добиться вывода иракских войск из Кувейта, применив для этого, если потребуется, военную силу. За восстановление суверенитета Кувейта выступили и западноевропейские державы, также направившие в КСА свои воинские контингенты. Что касается стран Ближнего Востока и Северной Африки, то их позиция не была однозначной: 9 государств и ООП настаивали на урегулировании проблемы в арабских рамках, в то время как 12 стран осудили иракскую агрессию. Более того, в Саудовскую Аравию были переброшены войска не только стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, но и Египта, Сирии, Марокко.

Советский Союз оказался тогда в сложном положении. С одной стороны, для него был крайне нежелательным разгром Ирака, с которым Москва продолжала поддерживать тесные связи. С другой, – на карту были поставлены отношения с США и Западной Европой, налаживание взаимодействия с которыми стало в это время магистральным направлением советской внешней политики. Нельзя было также не считаться с неоднозначной позицией арабских стран, равно как и не учитывать, что С. Хусейн грубо нарушил международное право, что впервые со времени Второй мировой войны было оккупировано и аннексировано суверенное государство. На это насылались нараставшие как лавина внутренние трудности, что делало для СССР невозможным активное вмешательство в конфликт. В этой ситуации была избрана единственно возможная линия – не возражая против введения экономических санкций в отношении Ирака, потянуть время с тем, чтобы дать С. Хусейну шанс уйти из Кувейта, а если это не удастся, то согласиться на военное решение проблемы. Первую задачу удалось решить, добившись включения в резолюцию 678 СБ положения о начале военных действий не ранее 15 января 1991 г. Вместе с тем попытки убедить иракцев вывести войска окончились неудачей. Хотя С. Хусейн заверил прибывшего в Багдад члена Президентского совета СССР Е.М. Примакова, что иракцы готовы уйти из Кувейта, никаких практических шагов предпринято не было.⁸ В контактах с советскими представителями иракцы придерживались неконструктивной позиции, выдвигали неприемлемые контрпредложения, ставили свои нереальные условия.

В 2003 г. Россия совместно с Францией и Германией пыталась убедить Вашингтон не предпринимать вторжения в Ирак, обращая внимание американцев на то, что иракское оружие массового поражения и ракеты были уничтожены под контролем Специальной комиссии ООН и что, во всяком случае, США не вправе развязывать войну без санкции СБ. Предупреждали американцев и о том, что они завязнут в Ираке на годы. Однако США, ставшие единственной супердержавой и упоенные собственным могуществом, этим советам не вняли. В результате ОМП в Ираке так и не было обнаружено, а американской армии пришлось вести длительную войну против иракского сопротивления и боевиков «Аль-Каиды». Вместе с тем им удалось привести к власти в стране ориентирующийся

на Вашингтон режим, снять потенциальную угрозу со стороны Ирака Израилю, а также обеспечить себе привилегированные позиции в иракской нефтяной промышленности.

В настоящее время возможности России оказывать воздействие на ситуацию в Ираке ограничены. Это не означает, однако, что мы самоустранились и не пытаемся содействовать поиску путей урегулирования проблемы. В Москве исходят из того, что для нормализации обстановки в этой стране необходимо прежде всего достижение национального согласия. Россия занимает активную позицию при обсуждении иракского вопроса в СБ, выступает за большую вовлеченность в дела этой страны соседних с нею государств, без чего, как отметил 19 июня 2009 г. постоянный представитель РФ при ООН В. Чуркин, «добраться возрождения и стабильности Ирака будет необычайно сложно».

В последующем события в этой стране могут, скорее всего, развиваться по одному из трех сценариев, каждый из которых не является для нас благоприятным.

Первый из них – вывод американских войск, победа «Аль-Каиды» и превращение Ирака в новый «Исламский эмират Афганистан», т. е. в государство, находящееся под контролем экстремистов и являющееся рассадником международного терроризма. Такой исход конфликта почти неизбежно повлек бы за собою вспышки джихада в целом ряде регионов, в том числе на Северном Кавказе. Подобный вариант представляется, впрочем, маловероятным в условиях, когда перевес на поле боя все более склоняется на сторону Многонациональных сил и иракской армии. Остается, правда, открытый вопрос, насколько долго американская экономика будет в состоянии выдерживать – особенно в условиях кризиса – военные расходы в размере 2,4 трлн. долл. в год, т. е. 20% валового национального продукта США?⁹

В соответствии со вторым (и более реальным) сценарием американцам и Иракскому правительству удастся в течение нескольких лет подавить сопротивление и добиться – пусть относительной – нормализации обстановки. В стране укоренится «фасадная демократия», в рамках которой будет произведен раздел власти и сфер влияния в экономике между различными этноконфессиональными группами. Это позволило бы Вашингтону объявить о победе. Не исключено, что почти неизбежное в таких случаях головокружение от успехов подтолкнет

американцев к выводу об эффективности политики превентивных войн, оправдываемых борьбой за освобождение народов от диктаторских режимов и установление демократии. Насколько далеко они могут в таком случае зайти, предугадать невозможно, но поневоле приходит на ум вопрос, было ли просто очередной нелепостью президента США Дж. Буша его высказывание на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, что в России следует «внедрять такую же демократию, как в Ираке»?¹⁰ Так или иначе, следование американцев подобной линии приведет к воцарению в мире закона джунглей. С другой стороны, надо быть готовым к тому, что поражение террористов в Ираке повлечет за собою их перебазирование в другие регионы, в том числе на Северный Кавказ.

Существует и такой вариант, как попытка составляющих большинство населения страны шиитов навязать свое господство и установить в Ираке после ухода американцев республику хомейнистского образца. Подобная попытка почти неизбежно приведет к серьезной дестабилизации обстановки, возникновению угрозы раскола страны на три анклава и вмешательству в ее дела соседних государств. Все это негативно скажется на ситуации в регионе в целом и сыграет на руку действующим там террористическим группировкам.

Россия стремится к созданию системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива и в 2007 г. выступила с очередной инициативой на сей счет. Однако реализации наших предложений препятствовали и продолжают препятствовать, с одной стороны, сохраняющаяся напряженность вокруг Ирана и Ирака, а с другой, – нежелание США допустить к обеспечению безопасности другие державы и тем самым поступиться в какой-то мере своей ведущей ролью в этом субрегионе.

Важной сферой взаимодействия России и арабских государств является борьба против экстремизма. На этом направлении может представлять интерес опыт нашего сотрудничества с Египтом в рамках специально созданного механизма – Российско-египетской рабочей группы по борьбе и противодействию международному терроризму. В то же время было бы, видимо, целесообразно не ограничиваться в борьбе взаимодействием со странами региона в двустороннем формате, а активизировать контакты также и с Советом министров внутренних дел арабских государств, в деятельности которого вопросы борьбы с экстремизмом занимают одно из центральных мест.

Во время событий в Чечне большое значение для Москвы имела позиция, занятая на сей счет арабскими государствами, которые выступили в поддержку территориальной целостности России (особенно во время второй чеченской кампании). Здесь сыграло свою роль осознание ими, насколько для них важно сохранение нашей страны в качестве единого сильного государства, играющего весомую роль в международных делах, в том числе на БВСА. Налицо было и понимание того, какими последствиями для стран региона было бы чревато утверждение власти исламистов на Северном Кавказе.

В то же время арабские государства не пошли на признание независимости Абхазии и Южной Осетии, так же, впрочем, как и на признание независимости Косова. В их столицах опасались, как бы такой шаг не поощрил сепаратистские настроения, достаточно широко распространенные на Ближнем Востоке, а также, хотя и в меньшей степени, в Магрибе. Наиболее остро эта проблема стоит в Ираке, где, по словам председателя автономного правительства Курдистана М. Барзани, «молодое поколение спрашивает нас: “Почему же мы не независимы?”», и где к тому же не снята полностью вероятность отделения шиитского Юга.¹¹ В Судане к отделению стремятся южные штаты, в которых в 2011 г. должен быть проведен референдум по вопросу о самоопределении. В многоконфессиональном Ливане не прекращается вражда между шиитами, суннитами, маронитами, друзами. В Саудовской Аравии сохраняются трения между суннитами и шиитами, в Египте – между мусульманами и коптами, в Алжире и Марокко – между арабами и берберами, в Мавритании – между арабами и неграми, а в КСА в Хиджазе и в Ливии в Киренаике не исчезли регионалистские настроения. Осторожная позиция арабских стран объясняется вместе с тем не только страхом перед сепаратистами. Они хотят избежать осложнения отношений с Москвой в случае признания Косова и с Вашингтоном в случае признания Абхазии и Южной Осетии.

Россия в качестве члена «Большой восьмерки» участвует в проекте реформирования *Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки*. В Москве, как отметил в своем выступлении в штаб-квартире ЛАГ Д.А. Медведев, исходят при этом из недопустимости «ни менторства, ни демократизatorства, ни, тем более, прямого вмешательства извне».¹² Именно в таком ключе российская сторона вела, судя по всему, работу с американцами, которых в арабском мире подозревали в стремле-

нии навязать собственную модель демократии без учета специфики региона.

Позиция РФ стала, по-видимому, одним из факторов, побудивших Соединенные Штаты видоизменить свой подход и придерживаться менее напористой линии, что привело к ослаблению опасений арабов. В итоге состоявшаяся в октябре 2008 г. в Абу Даби V сессия Форума для будущего прошла в достаточно спокойной и конструктивной атмосфере. Обратило на себя внимание, что ее участники не ограничились общим обменом мнений по проблематике политических и социальных реформ, но рассмотрели также вопросы образования, снижения уровня безработицы, защиты окружающей среды, сохранения энергоресурсов, урегулирования региональных конфликтов. Благоприятную атмосферу для продвижения проекта РБВСА создает продолжающаяся эволюция позиции Вашингтона, о чем свидетельствует выступление в июне 2009 г. в Каирском университете президента США Б. Обамы, заявившего, что американцы не намерены навязывать исламскому миру свои представления о демократии и правах человека.

В двусторонних отношениях с государствами региона Москва следует политике «всех азимутов», что позволило ей наладить стабильные связи практически со всеми ближневосточными и североафриканскими столицами. Как констатировал в феврале 2007 г. В. В. Путин, «у нас нет проблем ни с одной из арабских стран... Отношения России и арабских стран либо хорошие, либо очень хорошие».¹³

Интенсивные политические контакты поддерживаются Россией с Египтом. Заинтересованность РФ в сотрудничестве с АРЕ предопределяется весом этой страны на Арабском Востоке, в мусульманском мире и в Африке. В столицах государств региона внимательно отслеживают линию Каира в международных делах, считаются с занимаемой им позицией. Активный и тщательно просчитываемый курс, которому Египет следует на ближне- и средневосточном, африканском и средиземноморском направлениях, на мировой арене в целом, преображают его в ценного внешнеполитического партнера. В Каире, в свою очередь, рассматривают Россию как великую державу, способную оказывать немалое влияние на происходящее на Ближнем Востоке, а в глобальном плане – способствовать приданию более сбалансированного характера системе международных отношений.

Президент АРЕ Х. Мубарак посещал Москву более часто, чем любой другой арабский лидер – его визиты состоялись в мае 1990, сентябре 1997, апреле 2001, ноябре 2006 и марте 2008 годов. В свою очередь В. В. Путин побывал в Каире в апреле 2005 г. В июне 2009 г. во время пребывания в Каире Д.А. Медведева российско-египетское взаимодействие было выведено на качественно новый уровень, свидетельством чему стало подписание Договора о стратегическом партнерстве между двумя странами. В нем, в частности, зафиксировано обязательство сторон продолжать регулярные политические контакты и в этом контексте предусматривается, что встречи на высшем уровне будут проводиться не реже одного раза в два года.

Москва и Каир придерживаются совпадающих или близких подходов к таким кардинальным проблемам, как формирование многополюсного мира, закрепление за ООН центральной роли в международных отношениях, укрепление режимов не распространения оружия массового уничтожения, урегулирование конфликтов политическими методами, борьба с терроризмом. Центральной темой российско-египетского обмена мнениями является БВУ. Взаимодействие сторон на данном направлении носит предметный характер. В ходе визита Д.А. Медведева в Каир египтяне подчеркивали важность укрепления роли России в «четверке», а также поддержали нашу инициативу по проведению в Москве мирной конференции по Ближнему Востоку. Во время визита Х. Мубарака в марте 2008 г. была достигнута договоренность о скоординированных действиях двух стран с целью положить конец насилию в израильско-палестинских отношениях и добиться их нормализации между ФАТХ и ХАМАС.¹⁴ Начинает налаживаться сотрудничество по таким новым направлениям, как защита окружающей среды, борьба с наркотрафиком, телевидение и радио.

Тем не менее, несмотря на весь прогресс, достигнутый в двусторонних отношениях, совершенно очевидно, что наша страна не в состоянии вновь стать главным внешнеполитическим партнером Египта и что, несмотря на все трения в египетско-американских отношениях, эту роль будут и далее играть США.

Другим государством, выступающим как региональный центр силы, является *Саудовская Аравия*. От ее позиции во многом зависит формирование ситуации в зоне Персидского залива, представляющего собой своего рода «невралгический центр» современного мира. Значимость для Москвы отношений

с Эр-Риядом обуславливается и авторитетом, которым пользуется Саудия в исламском мире. Ее достаточно взвешенная позиция по Чечне (особенно во время второй чеченской кампании) оказала позитивное воздействие на подходы к событиям на Северном Кавказе других мусульманских стран. Во многом благодаря поддержке КСА России удалось получить статус наблюдателя при ОИК.

Свою специфику имеют отношения РФ с *Сирией*. Дамаск, подвергающийся давлению Запада и находящийся в состоянии конфликта с Израилем, остро нуждается в поддержке Москвы. Но при этом сирийцы, будучи реалистами, понимают, что возможности оказания такой поддержки у России ограничены, что она не может не считаться с линией США, западноевропейских держав, Израиля.

Сирия является влиятельным игроком на ближневосточной арене, без которого невозможно добиться установления в этом регионе прочного мира. Достижение урегулирования между Дамаском и Тель-Авивом не представляется – по крайней мере, теоретически – чем-то абсолютно нереальным, учитывая, что расхождения между сторонами не столь уж велики. Подписание мирного договора между САР и Израилем оказалось бы позитивное воздействие на обстановку на Ближнем Востоке, в т. ч. и на ход палестино-израильского переговорного процесса.

Москва стремится содействовать нормализации обстановки в *Ливане*, дестабилизация которого негативно сказывается на ситуации на всем Ближнем Востоке. Важное значение имеет также работа с «Хизбаллой» с целью закрепления в ее политике умеренных тенденций, превращения ее из военно-политической группировки в политическую партию (как это произошло в свое время с Батальонами ливанского сопротивления).

Россия как в качестве постоянного члена СБ ООН, так и действуя в двустороннем формате, оказывает содействие преодолению кризиса в Дарфуре и урегулированию проблемы Юга Судана – крупнейшей страны Африканского континента, дезинтеграция которой была бы чревата вспышкой сепаратизма в обширном регионе Восточной и Центральной Африки.

Важным партнером РФ в Северной Африке остается *Ливия*. Сотрудничество с нею нашей страны развивалось неравномерно, проходя через периоды подъемов и спадов. Дипломатические отношения с СКЛ были установлены СССР в 1955 г. Вместе с тем связи с ним носили крайне ограниченный харак-

тер: король Идрис, ориентировавшийся на США, настороженно относился к Советскому Союзу и стремился максимально ограничить контакты с ним.

Пришедшее к власти в результате Сентябрьской революции 1969 г. новое ливийское руководство, хотя и считало своим главным противником американский империализм, первоначально весьма настороженно относилось к «атеистическому коммунистическому СССР». Вскоре, однако, в Триполи пришли к выводу, что проводить антизападную политику, не имея советской поддержки, для Ливии слишком рискованно. Перелом наступил в результате визита в Москву в 1972 г. премьер-министра ЛАР А.С. Джеллуда. Позитивные результаты проведенных тогда переговоров с советским руководством¹⁵ были закреплены в ходе пребывания в Триполи в 1975 г. председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина и приезда в Москву в 1976 г. председателя СРК ЛАР М. Каддафи. Двусторонние отношения начали быстро развиваться. В середине 80-х годов в СНЛАД работало уже 12 тыс. советских военных и гражданских специалистов.¹⁶ Между двумя странами наладилось политическое взаимодействие. Советский Союз поддержал меры ливийского руководства по ликвидации американской и английской военных баз, а также его акции по пересмотру отношений с западными нефтяными компаниями. В ходе визита в Триполи А.Н. Косыгина была достигнута договоренность с М. Каддафи о проведении регулярных консультаций в целях координации внешнеполитических позиций двух стран. Особенно интенсивный обмен мнениями проводился по ближневосточной проблеме, а также по ситуации на Африканском роге.¹⁷ Не все, правда, шло гладко. В Москве вызывали настороженность чрезмерное увлечение ливийцев во внешней политике силовыми методами, их склонность к авантюризму, поддержке разного рода «исламских освободительных движений» вплоть до Фронта освобождения моро на Филиппинах. Ливийская сторона, в свою очередь, полагала, что Советский Союз проводит чересчур осторожную линию, недостаточно решительно поддерживает страны, ведущие борьбу против империализма, в том числе и Ливию. Характерной в этом отношении была реакция в СНЛАД на позицию, занятую Москвой в связи с бомбардировкой авиацией США Триполи и Бенгази. По свидетельству О.Г. Пересыпкина, бывшего тогда послом СССР в Ливии, руководство этой страны считало, что Советский Союз, ограничившийся заявле-

ниями в печати и демаршами в ООН, не оказал ливийцам действенной помощи в отражении американской агрессии.¹⁸ В этой ситуации обе стороны предпочли не идти на слишком тесное сближение. В результате так и не был подписан советско-ливийский договор о дружбе и сотрудничестве, хотя принципиальная договоренность о его заключении и была достигнута в 1983 г. на переговорах в Москве члена Революционного руководства СНЛАД А.С. Джеллуда с председателем Совмина СССР Н.А. Тихоновым.

Резкий спад в двусторонних отношениях наступил в 1992 г. вследствие голосования России в СБ за введение антиливийских санкций в связи с отказом ливийцев выдать подозреваемых во взрывах самолетов «Панамерикэн» над шотландским местечком Локерби и «ЮТА» над Нигером. Другого выхода у нас, вместе с тем, просто не было. Ослабленная в экономическом отношении, сотрясаемая внутренними кризисами РФ не могла в тот момент идти на дипломатическую конфронтацию с Западом. Существовал и моральный аспект – в мире, в том числе и во многих арабских странах, преобладало тогда мнение, что ливийцы действительно несут ответственность за эти террористические акты, и не считаться с этим в Москве не могли. Наконец, и сам Триполи, занимая негибкую, жесткую позицию, не оставлял российской стороне возможностей для маневрирования.

Вместе с тем, несмотря на свертывание ливийско-российского сотрудничества, удалось избежать разрыва контактов с Ливией. Одной из основных тем продолжавшегося как через послов двух стран, так и на уровне заместителей министров обмена мнениями был поиск выхода из создавшейся ситуации. Именно в ходе такого обмена мнениями возникла идея об урегулировании «дела Локерби» в рамках «выездной сессии» шотландского суда, которая в последующем и была реализована на основе соответствующей договоренности между Триполи, Вашингтоном и Лондоном.

Контакты между двумя странами на высшем уровне возобновились с визитом В.В. Путина в Триполи в апреле и руководителя ливийской революции М. Каддафи в Москву в октябре-ноябре 2008 г. Симптоматично, что в ходе состоявшихся тогда переговоров между президентом РФ Д. А. Медведевым и М. Каддафи значительное внимание было уделено международным проблемам, в частности взаимодействию в ООН, си-

туации в БВУ, обстановке в Ираке и вокруг иранской ядерной программы. Так же, как и Дамаск, Триполи надеется использовать Россию в системе своих внешних связей в качестве потенциального противовеса США, но при этом ливийцы предпочитают действовать осторожно, стремясь не раздражать Вашингтон.

Отношения нашей страны с Алжиром начали формироваться еще во время войны 1954–1962 гг., когда СССР предоставлял помочь Фронту национального освобождения. В марте 1962 г. между Советским Союзом и Временным правительством Алжирской республики были установлены дипломатические отношения,¹⁹ и в октябре 1962 г. в Алжир прибыл первый советский посол. Сделанный АНДР «социалистический выбор», оказываемая ею поддержка национально-освободительным движениям, антиимпериалистическая направленность внешней политики стали той основой, на которой строилось взаимодействие двух стран на международной арене. Москва поддержала позицию Алжира в связи с проведенными Францией в 1963 г. ядерными испытаниями на полигоне в Реггане, в 1963–65 гг. советскими саперами, проводившими работы по разминированию территории страны, было обезврежено несколько тысяч оставшихся после войны мин, направленные в Алжир советские специалисты обеспечили бесперебойную работу национализированных рудников после массового отъезда французского инженерно-технического персонала, СССР стал импортировать алжирское вино после отказа французов закупать его.²⁰ Между двумя странами осуществлялся активный обмен мнениями, особенно по ближневосточной проблематике. Председатель Ревсовета АНДР Х. Бумедьен приезжал в связи с этим в Москву сразу же после «Шестидневной войны» в июне и совместно с президентом Ирака А.С. Арефом в июле 1967 г., и в разгар «Октябрьской войны» в 1973 г. Ситуация на Ближнем Востоке была центральной темой переговоров и в ходе визита президента АНДР Х. Бумедьена в Москву в октябре 1978 г. В 1969 г. во время пребывания в Алжире председателя Президиума Верховного совета СССР Н.В. Подгорного была достигнута договоренность о тесной координации деятельности двух стран в ООН. В 1975 г. Советский Союз и АНДР сотрудничали в вопросах оказания помощи Правительству НРА в борьбе против партизан Национального союза за полную независимость Анголы и вторгнувшихся в страну южноафриканских войск. В 1981 г. во время

пребывания в Москве президента АНДР Ш. бен Джедида были рассмотрены вопросы взаимодействия двух стран на средиземноморском направлении. При этом с алжирской стороны была выражена поддержка советской инициативы превращения Средиземноморья в зону мира и устойчивого сотрудничества. С другой стороны, нам удалось удержать в 1975 г. алжирцев от вооруженного конфликта с Марокко и Мавританией в связи с разделом между ними Западной Сахары.

Дезинтеграция СССР и перенос центра тяжести во внешней политике России на западное направление, с одной стороны, и занятость Алжира своими внутренними делами, с другой, привели в 90-е годы к снижению уровня и интенсивности контактов между сторонами. В то же время рост в Москве понимания важности отношений с арабским миром благоприятно сказался на российско-алжирских связях. АНДР стала первой арабской страной, с которой РФ подписала Декларацию о стратегическом партнерстве. Динамично развивающаяся экономика, мощные вооруженные силы, значительный человеческий потенциал, активная политика на арабском, африканском и европейском направлениях превращают АНДР в одну из региональных держав. Все это создает возможности для широкого взаимодействия Москвы и Алжира в международных делах, в том числе и по средиземноморской проблематике.

Повышению авторитета России в регионе способствовало установление ею контактов с ЛАГ. В 1990 г. в Москве было открыто представительство этой организации, в 2003 г. между МИД РФ и Генеральным секретариатом Лиги подписан Меморандум о взаимопонимании, а в 2007 г. российский посол в Каире М.Л. Богданов назначен постоянным наблюдателем при ЛАГ. Контакты с ЛАГ позволяют нам не ограничиваться двусторонним взаимодействием со странами региона, но и осуществлять его в многостороннем формате (естественно, поскольку такое взаимодействие осуществляется между самими арабскими государствами).

В целом, таким образом, Россия вновь стала одним из ведущих игроков на ближневосточной и североафриканской аренах. Вместе с тем наша политическая активность пока не подкрепляется весомым экономическим и военным присутствием, что может сделать отношения РФ с арабскими странами недостаточно устойчивыми к воздействию конъюнктурных факторов.

¹ Егорин А.З. Кризис в Персидском заливе и его влияние на ближневосточную обстановку (стенограмма лекции). М., 1990, с. 5.

² Al-Ahram Hebdo, 05–11.03.2008.

³ Колесниченко А. Медведев: России не нужно добиваться дружбы с мусульманским миром // Аргументы и факты, 24.06.2009, на <http://www.aif.ru/politic/article/27674>.

⁴ <http://en.rian.ru/world/20070203/60170131.html>;
<http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=170410>.

⁵ Колесниченко А. Медведев: России не нужно добиваться дружбы с мусульманским миром...

⁶ The Middle East and North Africa. L., 1986, с. 155.

⁷ Егорин А.З. Кризис в Персидском заливе и его влияние на ближневосточную обстановку..., с. 22.

⁸ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999, с. 309.

⁹ Ключников Б.Ф. Саддам или Иракская трясины Америки. М., 2007, с. 300.

¹⁰ Там же, с. 306–307.

¹¹ Al-Ahram Hebdo, 05–11.03.2008.

¹² Колесниченко А. Медведев: России не нужно добиваться дружбы с мусульманским миром...

¹³ <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=170410>.

¹⁴ Russia challenges US in the Islamic World, at <http://eldib.wordpress.com/2008/04/01/russia-challenges-us-in-the-islamic-word/>.

¹⁵ Подробнее см.: Правда, 08.03.1972.

¹⁶ Дипломатическая академия МИД России. 75 лет во благо Отечества. М., 2009, с. 65.

¹⁷ См.: Правда, 21.02.1978.

¹⁸ Дипломатическая академия МИД России..., с. 67.

¹⁹ Правда, 20.03.1962, 29.03.1962.

²⁰ Шведов А.А. Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. М., 1983, с. 278

Мрасси Раштда

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

В политологической мысли нет однозначного мнения о том, что следует считать внешней политикой. Так, к внешней политике причисляют не всякое внешнее действие, а лишь такое, которое связано с достижением общегосударственных целей. Кроме того, внешняя политика включает не одни только действия, но и различные программы, позиции, цели¹. Американский исследователь Сибэри определяет внешнюю политику как «совокупность целей и взаимоотношений, при посредстве которых государство в лице своих конституционных органов власти взаимодействует с иностранными государствами и с проблемами международной среды, используя влияние, силу, а иногда и насилие»². Данное определение ставит знак равенства между внешней политикой и ее целями. Между тем внешняя политика – это нечто большее, чем одни только цели. Дж. Модельски определяет ее как «систему действий, предпринимаемых для изменения поведения других государств и адаптации к международной среде. В этом контексте существуют два основных типа действий: подходы и выходы»³. Другой американец, Дж. Росноу дает следующее определение: «Внешняя политика – это методика действий, сознательно осуществляемая официальными представителями национального общества для утверждения или изменения той или иной позиции на международной арене в соответствии с предварительно намеченными целями»⁴.

Разнообразие определений и различие содержащихся в них акцентов отражают сложность феномена внешней политики, включающего в себя большой набор разных параметров и их взаимосвязей. Внешняя политика в отличие от внутренней не определяется обязывающими законодательными актами. О ней можно судить по ряду показателей, которые могут приводить к противоположным выводам. Внешняя политика одного

и того же государства может быть разной в зависимости от того, с кем она имеет дело, а также от той или иной международной проблематики. Так, может иметь место политика сотрудничества с конкретным государством по тому или иному вопросу, и совсем иная политика проводится в отношении того же государства применительно к другому вопросу. Это заставляет искать такое определение, которое учитывает основные особенности внешней политики со всеми ее возможными составляющими.

Под внешней политикой понимается публичная программа действий, избираемая официальными представителями того или иного международного субъекта из ряда возможных программ для достижения конкретных целей во внешнем окружении. Согласно этому определению, «внешняя политика предполагает наличие ряда параметров: это наличие государственного образования, официальность, публичность, выбор, наличие целей, направленность вовне и программность»⁵.

Государство стремится к реализации комплекса объявленных и скрытых целей с использованием своего внешнеполитического аппарата. Но главные цели любого государства заключаются, во-первых, в обретении силы, во-вторых, в защите своей безопасности, поддержании независимости и отстаивании своего существования («национальная безопасность»), а в-третьих, в продвижении своих экономических интересов, охране своих природных ресурсов и обеспечении социально-экономического развития. Кроме того, ставится целью сопротивление всякому вмешательству со стороны иного государства или чуждой идеологии, противодействие попыткам проникновения в культурно-цивилизационную и идеологическую структуру, укрепление национального единства и недопущение какого-либо вмешательства во внутренние дела⁶.

Внешняя политика предполагает выбор определенных целей и мобилизацию тех или иных ресурсов для достижения этих целей. Внешняя политика – это не просто механическая реакция на внешнюю среду, а в основном сознательный процесс, представляющий собой попытку воздействовать на эту среду или, по крайней мере, адаптироваться к ней для реализации стоящих целей. Исходя из этого, трудно представить внешнюю политику, лишенную целей или не обладающую определенной функцией в рамках общей политики государства⁷.

Составной частью внешней политики являются методы и способы достижения цели. Рассматривая этот аспект полити-

ческой турецкой действительности, надо отметить, что, как указывает ряд турецких и иных аналитиков, во внешней политике Турции преобладают такие качества, как осторожность, пассивность и стремление сохранить статус-кво. Вспоминая в 1968 г. ранний период истории Турецкой Республики, бывший президент Исмет Иненю говорил: «В своей внешней политике мы должны по возможности удерживаться от того, чтобы создавать себе врагов... Нам следует действовать осторожно, не допуская никаких спешных шагов, которые могут навлечь на нас вражду какой-нибудь великой державы». Аналогичная мысль содержится в брошюре, изданной Министерством иностранных дел Турции в 1996 г. под заголовком «Цели и принципы турецкой внешней политики». Брошюру предваряет следующий текст: «Со времени своего основания в 1923 г. Турецкая Республика проводила внешнюю политику, направленную на достижение международного мира, основываясь на принципе «мир внутри страны и мир во всем мире». Этот принцип разработан отцом-основателем, первым президентом Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком»⁸.

Отдельные критики утверждают, что из-за этого принципа Турция упустила множество исторических шансов, в том числе не воспользовалась слабостью Греции после Второй мировой войны, чтобы вернуть острова. Вплоть до нынешнего дня критики выдвигают два основных обвинения: во-первых, внешняя политика Анкары по-прежнему ориентируется на Запад и строится в соответствии с политикой НАТО, между тем как такая ориентация не дала желаемых результатов. Во-вторых, Турция не сумела воспользоваться возможностями, предоставившимися ей после распада Советского Союза⁹.

Как выразился бывший турецкий премьер Б. Эджевит, распад СССР создал крупные «зоны возможностей» на Кавказе и в Центральной Азии, которые Турция должна была использовать прежде, чем Россия восстановила свои силы. Однако этого не было сделано из-за неготовности Турции. Критики идут еще дальше, утверждая, что Анкара не смогла воспользоваться наличием в Иране огромного числа жителей, имеющих азербайджанские, т.е. тюркские, корни, чтобы оказать давление на это государство¹⁰. Бывший министр К. Инан по этому поводу писал: «Правительство испугалось появившихся шансов, которые затем пропали... Не сумев осознать новых условий и нового соотношения сил, оно продолжает идти по пути

старой, традиционной внешней политики, имеющей одностороннюю ориентацию. Открывшиеся перед ним возможности правительство преподнесло русским на блюдечке с золотой каемочкой». Бывший член турецкого парламента Дж. Онал с горечью отмечал: «Азербайджан был отдан русским из-за отсутствия перспективного видения у Анкары». Писатель и бывший парламентарий А. Йылчин выразился так: «Нет никакой надежды на это правительство, на министерство иностранных дел, которое превратило Турцию в соломенное пугало, в бумажного тигра».

Подобные высказывания отражают мысль, активно муссируемую в сегодняшней Турции: новые геополитические реалии не допускают того, чтобы их трактовали на основе идеологии, восходящей к периоду 1923–1990 гг. Перед Турцией стоит задача проводить собственный курс, не зависящий от диктата Запада и США. Ей следует отражать новые угрозы, разумно использовать предоставляющиеся возможности. Если американцы примут новую «доктрину Монро»¹¹ в отношении России в бывшем Советском Союзе, если состоится новая «Ялтинская конференция», которая уже готовится, то Турция вновь окажется в изоляции. Турция должна учиться, когда это нужно, говорить «нет», разговаривая с Западом. Ей следует перейти к независимой внешней политике, «базирующейся на реалиях региона»¹². Именно к этому усиленно стремится сегодня Анкара.

Турецкая внешняя политика по-прежнему не выходит за рамки осторожности. Часть наблюдателей объясняет это пассивностью элиты, выстраивающей внешнеполитический курс страны с 1974 г. Однако следует учесть, что здесь дело в борьбе между доктриной дерзости и смелости – и доктриной осторожности и осмотрительности. Наиболее драматично конфликт между этими двумя течениями проявился в споре вокруг роли Турции во втором кризисе в Персидском заливе 1990/91 гг. Главным образом эта полемика вытекала из специфики новейшей истории Турции.

Возникновение турецкого государства в 1923 г. сопровождалось усвоением определенного комплекса понятий, регулировавших его поведение в рамках общей западной ориентации. В своей внешней политике это государство руководствовалось кемалистским лозунгом «мира». «Мир на Родине, мир во всем мире», «мир внутри страны, мир вне ее», – говорил Ататюрк. Этот лозунг отражал статус Турции как второстепен-

ного или, как выразился арабский исследователь данной темы Мухаммед Нур ад-Дин, «теневого государства». Выбор политического нейтралитета на международной арене предопределялся стремлением к самосохранению. «Внешний мир», о котором говорил Ататюрк, предполагал, что страна должна проводить такую политику, которая обеспечивает безопасность и стабильность в обществе и государстве. На практике это воплотилось в проведении односторонней прозападной политики как в межвоенный период, так и после Второй мировой войны, вплоть до окончания «холодной войны». Однако после крушения двухполюсной системы и начала второго кризиса в Заливе горизонты турецкой внешней политики расширились, распространившись на обширные территории Ближнего Востока и Центральной Азии.

На европейском направлении одним из приоритетов турецкой внешней политики еще с 60-х годов было присоединение к Европейскому сообществу. Для турок это был путь к реализации целого комплекса интересов в области безопасности и экономики¹³. И сегодня, несмотря на все неудачи, Турция продолжает «стучаться» в европейскую дверь. До сих пор она получила лишь участие в Соглашении о едином таможенном пространстве 1996 г. Экономические кризисы, внутриполитические проблемы, кипрская проблема, вопрос идентичности, безработица, исламизм и т.п. стали препятствиями на пути Турции в Европу, не позволили снискать расположение Евросоюза, который не хочет принимать в европейский клуб мусульманскую страну¹⁴.

Признание Европой того, что Турция соответствует копенгагенским критериям, стало качественным сдвигом, породившим у турок новые надежды стать активной стороной международной политики – особенно на Ближнем Востоке, в Африке и в мусульманском мире. Предполагается, в частности, готовность Турции к исполнению роли посредника, а заодно и к улучшению имиджа Европы в этих регионах. Это могло бы стать существенным дополнением к значимости Анкары в рамках американской стратегии. Геополитическая и геостратегическая реальность заставляет Турцию играть двойственную роль, колеблясь между Европой и Америкой, притом оба эти трека не являются альтернативными друг другу¹⁵.

На ближневосточном направлении Турция не оставляет без внимания свое региональное окружение, несмотря на при-

существие в нем сильных соперников – таких, как Иран и Ирак. Поначалу Анкара предпочла прочно привязать себя к Западу, чтобы отстоять свои интересы и обеспечить экономическое и военное развитие. Она удовольствовалась ролью моста с Запада на Восток – и эта роль имела весьма существенное значение для всех стран региона. На протяжении десятилетий Турция не могла – да и сейчас еще не может – разорвать эту прочную привязку к Западу, несмотря ни на какие перемены, связанные в первую очередь с распадом социалистического лагеря и второй войной в Заливе. Тем не менее произошла определенная разрядка в этом отношении. Турция получила возможность уделить внимание некоторым своим собственным интересам – пусть и в рамках стратегического альянса с Западом. В частности, возникло ближневосточное направление как самостоятельный трек турецкой политики, где реализуются устремления некоторых турецких лидеров. Особенно это касается покойного президента Т. Озала, который активнее других проводил идею о том, что Турции следует играть активную роль на ближневосточной арене. Проблематика Ближнего Востока, включая арабо-израильский конфликт, курдскую проблему, проблемы распределения водных ресурсов, исламизма, терроризма и региональной безопасности, является весьма и весьма насущной для турок. Поэтому наряду с задачей обеспечения национальной безопасности и стратегических интересов Турции роль страны на Ближнем Востоке вновь стала для нее востребованной.

Особые отношения с Израилем дали Турции возможность участвовать в развитии событий на Ближнем Востоке. Еще в 1949 г. эти отношения были союзническими и опирались на тесные связи Турции с США и ее членство в НАТО. Обладая значительным военно-стратегическим потенциалом, важным географическим положением и национальной идеологией, Турция оказывала и продолжает оказывать серьезное влияние на ближневосточную ситуацию¹⁶. Кроме того, стремление Турции войти в «европейский салон» через присоединение к Евросоюзу придает дополнительную силу ее влиянию на мирный процесс между арабами и Израилем¹⁷, а также между самими арабскими государствами, и создает условия для участия в различных ближневосточных делах. Благодаря политике открытости, проводимой Партией справедливости и развития, Турция может стать своего рода представителем Европы в ре-

гионе, позитивной альтернативой Израилю, влияющему на состояние европейского обмена с регионом. Турецкая роль в ближневосточном регионе может восстановить баланс, нарушенный в результате распада Советского Союза. Стабильность в Европе не может быть достигнута без стабильности на Ближнем Востоке¹⁸. Такое мнение цитируемого автора разделяются многими представителями национальной политической элиты.

В последнее время позиции Турции в отношении стран Ближнего Востока, особенно соседних с ней арабских государств, претерпели качественные изменения на уровне политических контактов. Несмотря на прочность турецко-амери-канских отношений, Анкара имеет самостоятельные, отличные от американских, точки зрения на ряд проблем. Это особенно ярко проявилось во время второй войны в Заливе. Что касается темы «Большого Ближнего Востока», то, как известно, она впервые была озвучена в ходе встречи президента Буша с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом в 2004 г. Тогда же было впервые заявлено о сотрудничестве двух сторон в рамках этого проекта. В том же году на конференции министров иностранных дел соседних с Ираком государств в Кувейте руководитель внешнеполитического ведомства Турции А. Гюль неожиданно призвал собравшихся «быть хозяевами своего региона, сформировать систему безопасности, экономическую и политическую систему наподобие Европейского Союза, объединяющую большинство стран Ближнего Востока в рамках «Ближневосточного союза». При этом Гюль предостерег, что «если государства региона не изменятся сами, по собственной воле, то они могут подвергнуться принудительному изменению извне»¹⁹. Постепенно Турция склоняется к тому, чтобы позитивно реагировать на любые перемены под воздействием «местной динамики», а не давления извне. Гюль пояснил, что границы «Большого Ближнего Востока» простираются от Восточного Средиземноморья до юга Евразии, причем отметил, что приоритет должен отдаваться внутренним, локальным взаимосвязям между географически близкими государствами. Очевидно, что при такой конструкции Турция будет занимать важнейшее геостратегическое положение, дающее ей возможность активно участвовать в делах большинства ближневосточных и средиземноморских стран²⁰.

На центральноазиатском направлении Турция фактически прервала свое молчание, связанное с двойственной поли-

тикой нейтралитета в соответствии с лозунгом «мир внутри и мир вовне». Крушение Советского Союза стало важнейшим обстоятельством, побудившим Анкару выйти из этого «кокона» и начать присматриваться к республикам Центральной Азии, где проживают миллионы людей, имеющих тюркские корни. Вновь зазвучала пантюркистская тема «Большого Турана». Пробудилась мечта турок о великом государстве, раскинувшемся «от Адриатики до Китайской стены», о возрождении роли Турции, сдерживавшейся Советским Союзом. Пришла пора, думают многие турки, распространить турецкое влияние в этом регионе, принять участие в многосторонней конкуренции как на региональном, так и на международном уровне. Такая турецкая открытость по отношению к тюркскому миру в Центральной Азии и на Кавказе стала позитивным сдвигом в отношениях Турции с мусульманским миром. Все центральноазиатские независимые республики являются мусульманскими и привлекают турецкие инвестиции²¹.

Принцип открытости по отношению к новому тюркскому миру действовал в двух направлениях. Первое из них – формирование «Тюркского совета» или «Лиги тюркских государств». Лидеры этих государств должны дважды в год проводить совещания с участием Турции: одно – на турецкой территории, а второе – в одном из тюркских государств в порядке очередности. По некоторым свидетельствам, государства тюркского мира приветствовали эту идею²². По мнению специалистов, сближение такого рода имеет все шансы на успех.

Второе направление связано с культурно-цивилизационной и географической близостью Турции и стран региона, в частности, через Нахичевань входящей в состав Азербайджана. В условиях военного противостояния между Азербайджаном и Арменией вокруг области Нагорный Карабах, населенной армянами, но не имеющей непосредственного сообщения с Арменией, Турция предложила произвести территориальный обмен, обеспечивающий сухопутное сообщение Азербайджана с Нахичеванью в обмен на коридор, связывающий Карабах с Арменией²³. Но, несмотря на преимущества, которые могут быть получены в результате такого обмена, здесь сказалось влияние Ирана, настороженно относящегося ко всякому усилению турецкой роли в регионе, а также опасения Армении относительно того, что реализация такого проекта приведет к образованию вокруг нее азербайджано-турецкого окружения с запада,

юга и востока²⁴. Тем не менее стремление к открытости, сближению, улучшению отношений инейтрализации проблем, существующих в географически близком регионе, позволяет Турции, руководимой правительством Партии справедливости и развития, интенсивно нащупывать пути к преодолению ряда препятствий, в частности, существующих между нею, с одной стороны, и Ираном и Арменией, – с другой.

В условиях очевидных перемен на поприще внешней политики турки могут дать пример как зарубежным тюркам, так и соседним государствам, благодаря политике открытости и многовекторности, проводимой нынешним правительством. Озал, которому не было суждено увидеть осуществление своей мечты о возрождении паносманизма, говорил в 1991 г.: «Когда шли войны между Османской империей и русским царизмом, Европа получила благоприятный климат для Возрождения. Чтобы вновь не оказаться проигравшей, Турция должна превратиться в крупную региональную державу»²⁵. Как считает видный специалист по турецким делам Мухаммед Нур ад-Дин, если этой мечте Озала суждено так или иначе осуществиться благодаря усилиям деятелей Партии справедливости и развития, «то путь к этому пролегает через разрешение хронических противоречий между Анкарой и соседними государствами – Грецией, Болгарией, Сирией, Ираном, Ираком, Арменией и далее по списку»²⁶.

Все это предопределяет **цели турецкой внешней политики** применительно к разнообразным проблемам национальной безопасности, внутреннего единства, построения образцового государства-модели, экономики. Обстоятельства генезиса турецкого государства под руководством М. К. Ататюрка наметили основные вехи этого пути. В те времена одной из наиболее насущных задач турецкой внешней политики было обеспечение **национальной безопасности**. И тогда, и сегодня главной опорой государства в его противодействии внутренним и внешним угрозам была армия. Еще одной важнейшей и постоянной целью было обеспечение **внутреннего единства**, которое, в свою очередь, было связано с единством географического пространства турецкого государства. Иначе говоря, ставилась цель достижения территориальной целостности и социального единства перед лицом вероятных угроз безопасности со стороны тех или иных социальных фракций или этнических общин – таких, как курды, армяне и т.д. Для реализации этих задач турецкая внешняя политика всегда нацеливалась на по-

зитивное взаимодействие с соседними государствами – в частности, чтобы предотвратить нарастание курдского влияния извне. Что касается **образцового государства-модели**, т.е. способного стать примером для других стран, то соответствующие основы были заложены с самого начала, со времени создания в 1923 г. светской республики как модели для соседних государств. Турки гордятся политическим и культурным значением своей страны как светского мусульманского государства. В современный период эту идею обосновал и развил конструктор турецкой внешней политики профессор Ахмет Давутоглу. «Если взглянуть на историю Турции, – пишет он, – обнаружится, что наши деды сражались на всех фронтах Первой мировой войны, то есть вступили в отношения противостояния с Западом. От Османского султаната республика получила в наследство страну, вынужденную вести несколько войн сразу. Турецкая республика была создана после нескольких войн, ведшихся повсеместно. Под прифронтовым государством я подразумеваю такое государство, которое вынуждено вести постоянную борьбу. С присоединением Турции к Североатлантическому блоку после Второй мировой войны мы превратились в государство-фланг, т.е. стали частью юго-восточного фланга НАТО. Соответственно этому новому положению стала формироваться наша внешняя политика. По окончании холодной войны на Турцию, как отмечает ряд авторов, в том числе, например, Хантингтон, стали смотреть как на периферийное государство, т.е. как на «разорванное» государство, находящееся, с одной стороны, на периферии Запада, а с другой, – на периферии Востока. Здесь мы должны направить подобные рассуждения в правильное русло. Под срединным государством я подразумеваю то, что Турция расположена в месте, географически близком к тому, что называют «Афразией», то есть к Африке, Европе и Азии. В этом смысле она отнюдь не является периферийным государством. Если взглянуть на историю, мы увидим, что Турция расположена в центре региона, в котором зарождалась и развивалась история существующих в нем цивилизаций. Если посмотреть на цивилизацию Месопотамии, на египетскую, греческую, мусульманскую, римскую и османскую цивилизации, можно увидеть, что Турция – не периферийное государство. Это государство, повлиявшее и одновременно подвергнувшееся влиянию многих цивилизаций. И в историческом, и в культурном отношении это центральное государство»²⁷.

Эту идею Давутоглу попытался сделать предпосылкой к тому, чтобы Турция в будущем играла именно такую роль центрального государства. Под этим подразумевается, что Турция будет находиться в сердцевине развития событий на Ближнем Востоке, действуя мирными средствами, с применением экономических и культурных инструментов²⁸. Что касается **экономической цели**, то здесь имеется в виду приобретение экономических выгод посредством политической открытости, благодаря которой можно будет получать иностранные кредиты, помощь и инвестиции. При этом Турция сохранит отношения альянса с Западом во главе с США и НАТО, а также будет развивать связи со странами региона, особенно арабскими, в сотрудничестве с которыми она явно заинтересована как в нефтяной, так и в торговой сферах. Именно такими представляются главные задачи и цели внешней политики Турции на современном этапе.

¹ Мухаммед ас-Сейид Салим. Тахлиль ас-сияса аль-хариджийя (Анализ внешней политики). 2-е изд. – Каир: Мактабат ан-нахда аль-мисрийя, 1998, с. 7.

² Paul Seabury. Power, Freedom and Diplomacy: The Foreign Policy of the United States. – New York: Random House, Vintage, 1965, с. 7.

³ George Modelski. A Theory of Foreign Policy. – New York: Praeger, 1962, с. 6–7.

⁴ James Rosnow. "Moral Ferver, Systemic Analysis, and Scientific Consciousness in Foreign Policy Research"

In Austin Ranny, ed. Political Science and Public Policy. – Chicago: Markham, 1968, с. 222.

⁵ Мухаммед ас-Сейид Салим. Указ. соч., с. 12.

⁶ Маджди аль-Хашими. Аль-ауляма ад-дилумасийя ва-н-низам аль-альмий аль-джадид (Дипломатическая глобализация и новый мировой порядок). – Амман: Усама, 2003, с. 21.

⁷ Мухаммед ас-Сейид Салим. Указ. соч., с. 23.

⁸ Turkey, Ministry of Foreign Affairs. The Goals and Principles of Turkish Foreign Policy. – Ankara: Ministry of Foreign Affairs, June 1996. С целями и принципами внешней политики Турции можно также ознакомиться на сайте турецкого МИДа <http://www.mfa.gov.tr>

⁹ Малик Муфти. Аль-джуръа ва-ль-хизр фи сияsat туркия аль-хариджий (Смелость и осторожность во внешней политике Турции). –

Абу-Даби: Марказ аль-имарат ли-д-дирасат ва-ль-бухус аль-истратиджийя, 1998, № 27, с. 26.

¹⁰ Там же, с. 27.

¹¹ Доктрина Монро озвучена президентом США Дж. Монро в обращении к Конгрессу в 1823 г. Предусматривает противодействие США любому европейскому вмешательству в дела западного полушария.

¹² Atilgan. Bayar. Neo-Osmanlilar (The Neo – Ottomans) // Aktiie1, 1992, No. 49, June 11–17, с. 31.

¹³ Мухаммед Нур ад-Дин. Турция и Европейский союз..., с. 24.

¹⁴ Там же, с. 65–76.

¹⁵ Там же, с. 65–76.

¹⁶ Мухаммед Нур ад-Дин. Туркия: ас-сыга ва-д-даур (Турция: модель и роль). – Лондон: Рияд ар-Рейс, 2008, с. 197.

¹⁷ Джудит С. Яффе. Аш-шарк аль-аусат ам 2015 мин манзур амрикий (Ближний Восток в 2015 г., как он видится американцам) / Пер.

Ахмед Рамо. – Дамаск: Аля ад-Дин, 2007, с. 237.

¹⁸ Там же, с. 197–198.

¹⁹ Мухаммед Нур ад-Дин. Туркия ва-ш-шарк аль-аусат аль-кабир (Турция и Большой Ближний Восток) // Шуун аль-Аусат. – Бейрут, весна 2004, № 114, с. 147.

²⁰ Там же, с. 147–148.

²¹ Мухаммед Нур ад-Дин. Туркия фи-з-заман аль-мутахаввиль: каляк аль-хувийя ва сыраа аль-хиярат (Турция во времена перемен: тревога за идентичность и борьба предпочтений). – Лондон: Рияд ар-Рейс, 1997, с. 31.

²² Там же, с. 32.

²³ Там же, с. 33.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 37.

²⁶ Там же.

²⁷ Мухаммед Нур ад-Дин. Турция ас-сыга..., с. 218–220.

²⁸ Там же, с. 220.

Л.Н.Руденко

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ЕГИПТЕ

Экономические реформы, которые начало проводить руководство АРЕ в 1991 г., нашли поддержку у представителей одних социальных групп и вызвали недовольство и отторжение у других слоев египетского общества.

Политическая элита и высшее звено государственного аппарата Египта, несмотря на достаточно скептический настрой по отношению к реформам, были вынуждены в условиях серьезного социально-экономического и финансового кризиса конца 1980-х годов согласиться с рекомендациями международных финансовых институтов и приступить к осуществлению комплексной программы преобразований. В то же время египетское руководство, осознавая необходимость радикальных изменений, опасалось, что если реформы зайдут слишком далеко, оно сможет подорвать свои собственные политические и экономические позиции. Таким образом, нерешительность, колебания и сомнения египетской элиты хотя и не носили форму действительной и эффективной оппозиции, однако они существенным образом влияли на масштаб, темпы и глубину структурных преобразований.

Противоречивость и непоследовательность политики правительства Египта (особенно до прихода к власти кабинета Назифа в 2004 г.) предопределили более медленные темпы проведения в жизнь программы экономических реформ, чем это предполагалось вначале. Так, руководство АРЕ, понимая, что фундаментальные изменения в положении государственного сектора и ускоренный процесс приватизации не только ослабляют социальную базу поддержки, но и угрожают его политическому и материальному благополучию, предпочло отсрочить ряд важных приватационных шагов. Таким образом, анализ практики осуществления рыночных преобразований в Египте в течение почти двух десятилетий показывает, что главным приоритетом для политической элиты и верхушки го-

сударственного аппарата всегда оставалась политическая стабильность и незыблемость режима.

Учитывая важную роль государственного сектора Египта в обеспечении занятости населения и в предоставлении привилегий государственным чиновникам, ожидалось, что руководители государственных предприятий будут наиболее оппозиционны по отношению к реформам из-за опасения потерять в процессе приватизации престижные посты и возможности получения достаточно высоких доходов. Однако на практике многие из них использовали свои связи и доступ к государственным финансам для создания собственных частных компаний или для покупки других государственных структур. Например, в начале 90-х годов члены высшего руководства египетской «Holding Company for Public Works» активно участвовали в приватизации филиалов своей компании (1).

Основную поддержку реформаторским усилиям египетского правительства оказывала в 90-е годы и продолжает оказывать сейчас бизнес-элиты, которая зачастую близка к режиму или даже является одной из его составляющих. Представители этой группы очень влиятельны в обеих сферах – политической и экономической, что является подтверждением тесной связи, существующей между капиталом и политической властью в Египте. Ярким примером взаимоотношений такого рода, который приводит в своем исследовании С. Алисса, аналитик Карнеги центра по Ближнему Востоку (Carnegie Middle East Center), является Ахмед Еzz (Ahmed Ezz), президент «El-Ezz Steel», крупнейшей компании сталелитейной промышленности страны, ее доля в производстве этой отрасли достигает 70%. В то же время А. Еzz входит в руководство правящей Национально-демократической партии (НДП) АРЕ и одновременно возглавляет Комитет по бюджету и планированию Народного собрания Египта (2).

Тенденция к усилению политического влияния бизнес-элиты в стране нашла также отражение в назначении некоторых других крупных бизнесменов на важные государственные посты. Приведем несколько примеров. Министр внешней торговли и промышленности Р. М. Рашид был президентом филиала «Unilever» по Африке, Ближнему Востоку и Турции (Unilever AMET), министр туризма М. Гарана являлся владельцем и управляющим директором «Garana Travel Company», одной из крупнейших туристических компаний Египта, министр сельского хозяйства А. Абаза основал «Nile Cotton Trade Com-

pany», которая стала компанией номер один среди хлопкоэкспортирующих фирм страны (3).

Деловые люди, имевшие связи в египетском правительстве или военных структурах, получали преимущества в виде преференций для своего бизнеса. Тесные контакты между властью и крупным бизнесом оказывали заметное влияние на практическую реализацию политики реформ, в результате, в частности, египетская программа приватизации осуществлялась в первую очередь в интересах бизнес-элиты, или «китов», как их называют в Египте. Так, взаимоотношения местного предпринимателя М. Нусейра с тогдашним министром государственного бизнес-сектора (public business sector) А. Обейдом позволили ему в 1993 г. совершить покупку египетской «Coca-Cola» при минимальной конкуренции. Через два года Нусейр выручил при продаже этой фирмы сумму, в три раза превышавшую цену приобретения (2).

По мере расширения и укрепления связей между крупными чиновниками и бизнесменами и их экономических позиций они стали тормозить реформы или, по крайней мере, пытаться изменить вектор преобразований в своих личных интересах. Помимо этого, правящий режим и бизнес-элита противодействовали движению, направленному на повышение уровня прозрачности и конкуренции как в политике, так и в экономике Египта, что открыло бы более широкое пространство для новых игроков.

Важно отметить, что самые разные группы египетских предпринимателей находились в определенной оппозиции к реформам в самом начале их проведения, но потом многие из них скорректировали свой подход, поскольку реформаторские меры становились в возрастающей степени неизбежными. Поэтому они пытались адаптироваться к изменениям, порожденным политикой рыночных преобразований, использовать новые экономические возможности и получить выгоды. Что же касается крупного бизнеса, то его отношение к реформам постепенно становилось все более негативным.

В то же время необходимо подчеркнуть, что бизнес-элита АРЕ оказывала весьма заметное влияние на формирование реформаторских усилий, а также на достижение результатов и получение выгод и преимуществ от принимаемых мер, тогда как малый и средний бизнес был слишком слаб, чтобы воздействовать на процесс реформ. Дело в том, что в дебатах вокруг сути программы структурных преобразований, путей и методов ее осуществления участвовал узкий круг технократов, членов каби-

нета министров и высшего руководства НДП. Другая важная причина заключается в слабом представительстве мелких и средних предпринимателей в Народном собрании АРЕ и, следовательно, в комитетах, которые связаны с осуществлением реформ.

В докладе, опубликованном Центром политических исследований «Аль-Ахрам» (Al-Ahram Center for Political Studies), говорится, что число представителей бизнеса в Народном собрании АРЕ выросло с 31 до 77 в 2000 г. Нынешний египетский парламент включает 68 бизнесменов, большинство из которых представляют банковский и коммерческий секторы. В докладе также сообщается, что для того, чтобы получить места в Народном собрании последнего созыва, представители бизнессообщества потратили от 3 млн. ег. ф. до 15 млн. ег. ф. во время кампании по выборам в парламент в 2005 г. в дополнение к существенным грантам, обещанным НДП в форме пожертвований. В частности, Е. Дин в каирском издании «Parliamentary Business» утверждает, что А. Езз (упомянутый нами выше) финансировал кампанию президента Х. Мубарака во время президентских выборов, а Нани Сороро потратил более 6 млн. ег. ф. в 2005 г. на переоборудование офиса НДП в Каире (4).

Стремление правящей элиты и крупного бизнеса Египта любой ценой сохранить свои привилегии в современном и будущем экономическом устройстве страны является одним из серьезных факторов, порождающих у египтян оппозиционные по отношению к реформам настроения.

Важную роль в противостоянии преобразовательным усилиям играет отсутствие в египетском обществе консенсуса в отношении целей и механизмов экономических реформ, с одной стороны, и крайне слабое участие представителей экономически активных слоев населения в процессе выработки и осуществления программы структурных преобразований, с другой. К этому следует добавить, что при уровне безработицы и нищеты, который и так высок в Египте, многие шаги в рамках реформ приводили к увеличению разрыва между богатыми и бедными египтянами, что также провоцировало противодействие со стороны бедных слоев населения АРЕ.

Гражданское общество Египта в целом разделяет позицию руководства страны по поводу необходимости реформ. Однако большинство его представителей не согласно с целями и инструментами проведения преобразований. Так, идея рыночной экономики отвергается многими лидерами политических партий (по-

мимо НДП) и самодеятельных организаций, которые полагают, что следование политике, ориентирующейся на рынок, приведет к усилению только определенных групп хорошо консолидированной политической и деловой элиты за счет большинства населения страны. Так, например, некоторые группы гражданского общества опасаются, что приватизированные компании, столкнувшись с конкуренцией и желая получить максимальную прибыль, неизбежно начнут увольнять работников (2, с. 15). Крайне отрицательное отношение к экономическим реформам сформировалось у самой неимущей части египетского населения, которую в первую очередь затрагивает ряд принимаемых правительством мер, в частности, снижение субсидий. Приватизация государственных предприятий часто сопровождается продажей национальных активов зарубежным компаниям, что воспринимается некоторыми слоями гражданского общества как шаги, ведущие к усилению иностранного влияния и вмешательства во внутренние дела страны. Еще одна из причин неприятия экономических перемен связана с темпами реализации программы реформ, особенно в том, что касается открытия экономики Египта внешним рынкам и иностранным инвесторам. Главный аргумент, выдвигаемый критиками, заключается в том, что хозяйство страны не готово к такой открытости и не способно конкурировать на международном рынке. Следовательно, подобная политика нанесет экономике вред, особенно малому и среднему бизнесу.

Однако влияние египетской оппозиции на содержание, цели и практическую реализацию реформ достаточно ограничено, что обусловлено комплексом взаимосвязанных внутренних факторов. Первый из них – это отсутствие конструктивных идей и программ, которые можно было бы противопоставить осуществляемым в стране преобразованиям. Здесь уместно отметить, что даже экономическая программа исламистской организации «Братья-мусульмане», которая обладает относительно неплохими институциональными возможностями (например, присутствие представителей в Народном собрании АРЕ) по сравнению с другими светскими и левыми политическими партиями, носит довольно общий характер и не предлагает альтернативных экономических мер (2, с. 15). Дискурс между существующими в стране партиями и организациями, а также их споры с египетским правительством сводятся в основном к критике точности и объективности важнейших официальных социально-экономических показателей, особенно ка-

сающихся бедности, безработицы и государственного долга, и к обвинениям в коррупции, отсутствии ответственности, подконтрольности и прозрачности, в первую очередь нацеленным на правительственные чиновников и политических лидеров.

Второй важный фактор – это весьма ограниченное пространство для политической активности гражданского общества и достаточно жесткий государственный контроль над многими его институтами, особенно в том, что касается деятельности партий, свободы собраний и т.д. В этой связи важно отметить, что последние поправки к Конституции АРЕ явились шагом назад на пути к повышению роли гражданского общества в жизни страны (подробнее см. 5).

И, наконец, существенное негативное воздействие на положение неправительственных организаций в Египте оказывает слабость самого гражданского общества и существующие в нем серьезные проблемы. Деловые ассоциации, профсоюзы и другие объединения зачастую сильно зависимы от государства, которое манипулирует этими структурами через прямые связи с их лидерами. Большинство политических партий Египта продолжают возглавлять лидеры, которые давно оторвались от повседневных проблем и нужд населения. Египтяне, в свою очередь, все больше избегают политической активности частично из-за жестких ограничений, налагаемых государством на подобную деятельность, а также в силу отсутствия доверия к партиям и другим организациям. Все это вместе взятое приводит к тому, что простой египтянин не имеет ни желания, ни смелости, чтобы участвовать в политической жизни страны.

Вместе с тем многие западные и египетские политологи и аналитики отмечают, что в последнее время некоторые партии, профсоюзы, неправительственные организации и отдельные активисты становятся более организованными и требовательными, начинают защищать права и отстаивать интересы тех групп населения, которые они представляют. Эти сдвиги достаточно наглядно отражаются в переменах, которые происходят в профсоюзном движении Египта.

Профсоюзы АРЕ традиционно находились в зависимости от правящего режима, поскольку они были обязаны входить в состав контролируемой государством Федерации профсоюзов Египта (Egypt Trade Union Federation – ETUF). В подтверждение этого вывода приведем следующий факт. Согласно ежегодному обзору нарушений прав профсоюзов в АРЕ, который подготовила Международная конфедерация профсоюзов в 2006 г., египетский закон

о труде от 2003 г. легализовал право работодателя увольнять любого человека без объяснения причин (2, с. 16). Это свидетельствует о том, что профсоюзы в стране не являлись эффективным лоббистом экономических реформ. Наоборот, их лидеры, большинство из которых находились в рядах правящей Национально-демократической партии, сотрудничали с руководством Египта в деле ограничения прав работников государственного сектора.

Однако по мере ускорения экономических реформ после 2004 г. в стране наблюдалась тенденция к росту независимости профсоюзного движения. В частности, об этом свидетельствует забастовка работников текстильного предприятия «Al Mahalla» в декабре 2006 г., которая стала сигналом к началу серии подобных протестных акций. Эти забастовки продемонстрировали отход от прежних форм проведения таких выступлений, во время которых часть работников проводила сидячую (итальянскую) забастовку, а остальные продолжали работать, поскольку эти акции расценивались как наносящие ущерб национальным интересам Египта. Такой подход в процессе продвижения реформ изменился. Новой чертой забастовок, которые имели место после декабря 2006 г., явилось также то, что они заканчивались мирно, тогда как в прошлом бастующих разгоняла полиция. Работники предприятия «Al Mahalla» в результате своей акции добились соглашения с правительством, согласно которому часть выручки от приватизации Bank Alexandria была использована на оплату долгов текстильных и прядильных фабрик Египта и улучшение условий труда на них. Эти успехи, помимо укрепления позиций профсоюзов АРЕ, можно интерпретировать, с одной стороны, как признак нарастания социальной напряженности вокруг экономических реформ, а с другой, – как постепенное осознание правящим режимом необходимости идти на компромиссы и возросшее внимание к международному опыту.

¹ Wurzel U.G. Fiscal Reform in Egypt. New York, 2004.

² Alissa S. The Political Economy Reform in Egypt: Understanding the Role of Institutions. Carnegie Middle East Center. Wash., 2007.

³ Egypt State Information Service <<http://www.sis.gov.eg/En/Politics/Executive/Ministries/>>.

⁴ Parliamentary Business // Al-Ahram Weekly. Cairo.

⁵ Dunne M., Hamzawy A., Brown N. Egypt – Don` t Give Up on Democracy Promotion. Wash., 2007.

Г.И.Смирнова

ЗАПАДНАЯ САХАРА: В ОЖИДАНИИ РЕФЕРЕНДУМА

Конфликт вокруг Западной Сахары (Сахарской Арабской Демократической Республики – САДР) продолжается с 1975 г., когда называвшуюся Испанской Сахарой территорию покинули испанские войска¹. Марокко после обретения независимости (1956 г.), считая Западную Сахару своей незаконно отторгнутой Испанией национальной территорией, предъявило на нее свои права, выдвинув доводы об исторической, этнической общности, географической близости. Аналогичные права на часть сахарской территории предъявила и Мавритания. Народ Западной Сахары выступал за предоставление независимости. К середине 1970-х годов в этом районе заметно усилилась национально-освободительная борьба. Возглавило ее несколько политических организаций. Ведущее место среди них занял Народный фронт за освобождение Сегиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО).

Весной 1975 г., заявив о себе как о единственном законном представителе западносахарского народа, Фронт провозгласил своей целью вооруженную борьбу за самоопределение и независимость Западной Сахары. 14 ноября 1975 г. было подписано "Мадридское соглашение", по которому присутствие Испании в Западной Сахаре прекращалось с 28 февраля 1976 г., после чего управление ею передавалось Марокко и Мавритании. Поделив территорию Западной Сахары между собой на две части (две трети перешло к Марокко, одна треть – к Мавритании), Марокко и Мавритания ввели туда свои войска. Фронт ПОЛИСАРИО продолжил вооруженную борьбу за независимость Западной Сахары.

В конце 1978 г. в Мавритании произошел государственный переворот. Фронт ПОЛИСАРИО заявил тогда о прекращении военных действий в отношении новой власти Нуакшота, в ответ Мавритания отказалась от участия в разделе Западной Сахары. Ее полностью заняли марокканские войска. Руководство Марокко

приняло к проведению активной поселенческой политики на западносахарских землях. В результате на сегодняшний день большинство жителей этой территории составляют марокканцы.

В ответ на заключение Испанией, Марокко и Мавританией "Мадридского соглашения" ПОЛИСАРИО 27 февраля 1976 г. провозгласил создание Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР). Принята Конституция САДР². Ее основные органы, в том числе парламент и правительство, располагаются в Тиндуфе (Алжир). По имеющимся сведениям, САДР признало 80 иностранных государств. Многие из них оказывают ей экономическую и гуманитарную помощь, а Алжир, Испания и Куба, по сообщениям марокканской печати, и военную. САДР является членом Африканского Союза и имеет своего наблюдателя в ООН. Исполком Фронта ПОЛИСАРИО получил статус высшего политического органа САДР, а его генеральный секретарь Мухаммед Абдельазиз в 1984 г. избран президентом Республики³.

Этот конфликт длится уже более 30 лет. Попытки решить споры военным путем не принесли сторонам желаемых результатов. Длившаяся с 1975 г. война закончилась подписанием при содействии ООН в 1991 г. лишь договоренности о прекращении огня между марокканской королевской армией и вооруженными силами Фронта ПОЛИСАРИО. Марокко и ПОЛИСАРИО также согласились на посредничество ООН в деле урегулирования проблемы политическим путем. Однако предпринимавшиеся международным сообществом в течение 15 лет усилия не увенчались успехом.

Мировое сообщество (ООН, ОАЕ, членом которой САДР стала в феврале 1982 г.) долгие годы настаивало на проведении референдума относительно будущего Западной Сахары. Этим вопросом должен был заниматься контингент Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС), учрежденной в 1991 г. для контроля за соблюдением соглашения о прекращении огня. На 2003 г. ее содержание уже обошлось мировому сообществу в 600 млн. долл.⁴.

В 2001 г. были выработаны предложения мирового сообщества по урегулированию конфликта. План, представленный в виде доклада ГА ООН под номером S/2001/613, предлагал урегулировать многолетний конфликт путем заключения сторонами рамочного соглашения, по которому западносахарские территории получили бы самую широкую автономию в рамках Марокко. Предусматривалось, что население западносахар-

ских территорий изберет исполнительные органы власти и парламент, которые будут иметь широкие полномочия по управлению своими территориями, но вопросы внутренней и внешней политики, правосудия, валютных операций, таможенного контроля и пр. переходят в ведение Рабата. Через пять лет планировалось провести референдум об окончательном статусе Западной Сахары. План предусматривал участие в голосовании «западносахарцев» без разделения их на коренное население и переселенцев. Это устраивало Марокко, но было отвергнуто ПОЛИСАРИО (Фронт требовал, чтобы к голосованию были допущены только коренные жители Западной Сахары и марокканцы, проживавшие здесь до 1970 г.).

В докладе Совету Безопасности от 20 июня 2001 г. подробно описано, с какими трудностями сталкивалась ООН на протяжении последних 11 лет в своих усилиях по осуществлению плана урегулирования (S/21360 и S/22464 и Corr.1). Несмотря на эти усилия, процесс идентификации лиц, имеющих право на участие в референдуме, неоднократно прерывался. Чтобы найти выход из тупиковой ситуации, Генеральный секретарь ООН поручил личному посланнику Джеймсу А. Бейкеру оценить в консультации со сторонами осуществимость плана в его тогдашнем виде и изучить вопрос о внесении приемлемых для сторон корректировок.

В начале 2001 г. Дж. Бейкер заявил, что Марокко готово поддержать проект рамочного соглашения о статусе Западной Сахары (см. S/2001/613, Приложение I), в котором предусматривалась передача власти жителям территорий, а окончательный статус подлежал определению в ходе референдума через пять лет. До этого срока Западная Сахара в качестве автономии должна находиться под марокканским суверенитетом. При этом проводятся выборы, избирается исполнительный совет с широкими полномочиями. С учетом противоположных позиций сторон в отношении возможностей договориться по изменениям в проекте рамочного соглашения Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан представил 4 варианта урегулирования западносахарского конфликта (см. S/2002/178):

- возобновление попыток осуществления плана урегулирования, но уже без согласия обеих сторон;
- пересмотр проекта рамочного соглашения с учетом опасений, высказанных сторонами;
- обсуждение сторонами вопроса о возможном разделе территории;
- принятие СБ решения о прекращении деятельности МООНРЗС.

Совет Безопасности не смог согласиться ни с одним из этих вариантов. Вместо этого в своей резолюции 1429/2002 он заявил о своей поддержке Генсекретаря и его личного посла по выработке политического решения этого затянувшегося спора⁵.

Фронт ПОЛИСАРИО, не дожидаясь истечения мандата МОНРЗС, выступил с заявлением. В нем, в частности, указывалось, что предложения ООН "не предусматривают ничего нового". Речь идет о предоставлении Западной Сахаре "автономии на четырехлетний период, по завершении которого планируется провести референдум среди избирателей, на 65% состоящего из марокканских поселенцев". Исход голосования заранее известен и не оставляет Западной Сахаре шансов на независимость, считало руководство ПОЛИСАРИО. По его убеждению, эту инициативу нельзя было рассматривать ни в качестве нового плана урегулирования, ни в качестве пятого варианта решения проблемы⁶.

Таким образом, подготовленный Дж. Бейкером план проведения референдума не был принят. Он даже не выносился на обсуждение заседания СБ в феврале 2002 г. В соответствии с резолюцией, принятой на этом заседании, Дж. Бейкер приступил к разработке нового плана. Он включал элементы проекта рамочного соглашения, которые были приняты Марокко, а также элементы Хьюстонских соглашений (14–16 сентября 1997 г., США), определивших правила депатриации, обмена военнопленными, идентификации лиц, допущенных к участию в референдуме, порядок дислокации войск, с которыми согласились обе стороны и которые поддерживает Фронт ПОЛИСАРИО. В плане предлагался переходный период, в течение которого должно существовать разделение сфер ответственности между сторонами до проведения референдума о самоопределении, который даст тем, кто действительно является жителем Сахары, возможность определить свое будущее. Это вполне устраивало Рабат, тем более, что здесь опять не уточнялось, кто должен участвовать в референдуме. По этой причине предложения Дж. Бейкера были вновь отклонены ПОЛИСАРИО и Алжиром.

В дальнейшем спецпредставитель Генсека ООН внес изменения в свой план с учетом возражений ПОЛИСАРИО и Алжира, уточнив, что в референдуме должны участвовать только коренные жители Западной Сахары. Дж. Бейкер, очевидно, вы-

нужден был принять во внимание, что международное сообщество не признает оккупации Марокко бывшего колониального владения Испании, которое в ООН зарегистрировано как "не самоуправляемая территория", а переселение туда марокканцев считается незаконным. Фронт ПОЛИСАРИО согласился с новым вариантом, однако Марокко его категорически отвергло. Официально план, названный "План Бейкера – 2", не был вынесен на заседание Совета Безопасности ООН 31 июля 2003 г. СБ принял резолюцию 1495, в которой ограничился призывом к участникам конфликта продолжить сотрудничество с ООН в поисках взаимоприемлемого политического урегулирования⁷.

В своих притязаниях на Западную Сахару Марокко ссылается на "Мадридское соглашение" 1975 г., которое зарегистрировано в ООН. Однако в нем речь идет о разделе бывшей испанской колонии между Мавританией и Марокко, а не о передаче этой территории полностью под управление Марокко. Более того, марокканские войска оккупировали мавританскую часть Западной Сахары в августе 1979 г., когда Мавритания отказалась от претензий на эту территорию, причем без заключения каких-либо соглашений на этот счет. Присутствие Марокко в Западной Сахаре было охарактеризовано резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3437 от 1979 г. как "незаконная оккупация" и в ноябре 1979 г. Генеральная Ассамблея призвала Марокко «положить конец оккупации страны, а в декабре спецкомитет ОАЕ по Западной Сахаре указал на необходимость вывода марокканских войск из бывшей мавританской зоны оккупации». В докладе Генерального секретаря ООН о ситуации вокруг Западной Сахары от 19 апреля 2006 г. (S/2006/249) было заявлено, что "нет такого государства – члена ООН, которое признает суверенитет Марокко над Западной Сахарой"⁸. Поэтому ООН не признает притязаний Марокко, считает Западную Сахару "не самоуправляемой территорией" и поддерживает законное право западносахарцев на национальное самоопределение. Это право подтвердил также международный суд в Гааге еще в 1975 г.⁹ Испанская газета "El País" от 04.12.2006 г. писала: "Международный Гаагский трибунал (и по запросу самого марокканского монарха) уже раз и навсегда заявил 16 октября 1975 г., что не обнаружил "никакой связи территориального господства между территорией Западной Сахары и Королевством Марокко или мавританским сообществом. Таким образом, трибунал не нашел юридических связей (...),

которые бы видоизменили деколонизацию Западной Сахары и, в частности, принцип самоопределения через свободное и подлинное волеизъявление народов территории".

Несмотря на все резолюции ООН, Марокко продолжает называть Западную Сахару своими "южными провинциями" и считает неприемлемым их отделение. В апреле 2006 г. в Рабате состоялось заседание возрожденного Королевского консультативного совета по делам Сахары (ККСС), о новом составе которого король Марокко Мохаммед VI объявил в конце марта во время своего визита в Западную Сахару. Совет является консультативным органом, призванным вырабатывать предложения по всем вопросам, касающимся защиты территориальной целостности, национального единства королевства и стимулирования экономического и социального развития «южных провинций». В обращении к нации по окончании своего турне Мохаммед VI вновь подчеркнул, что "южные провинции" останутся неотъемлемой частью Марокко с предоставлением им широкой автономии.

По видимому, основной причиной столь упорного отказа Марокко решить западносахарскую проблему являются природные богатства Западной Сахары, прежде всего фосфаты, общие запасы которых оцениваются примерно в 4 млрд. т, а по другим сведениям, – 10 млрд. т. Только на месторождение Бу Краа приходилось (по данным на 80-е годы) 15% африканских запасов этого вида сырья. Контроль над месторождением фосфатов отвечает экономическим и политическим целям марокканских властей. Здесь обнаружены также богатые месторождения железной руды, меди, титана, ванадия, урана, угля, калийных солей. Высокое содержание железа (65%) в руде дает возможность сразу, без предварительной обработки, использовать руду для выплавки металла. Запасы титана только на месторождении Аграша оцениваются в 10 млн. т, а запасы ванадиевых руд – 504 тыс. т (второе место на африканском континенте после ЮАР). Залежи медной руды находятся в основном в районе Адрар Саттаф и Сагиет Эль-Хамра. По установленным запасам медной руды Западная Сахара может занять пятое место в мире после Чили, США, Замбии и Заира. Добыча золота в районе Агут может составить 27 т в год. Кроме того, имеются богатые россыпи драгоценных камней: гранаты, рубины, сапфиры, топазы, бериллы, турмалины, малахит, лазурит, а также различные виды кварца, которые издревле использовались местными ре-

месленниками¹⁰. При этом полезные ископаемые Западной Сахары остаются еще мало изученными.

Прибрежная зона в Атлантическом океане богата морепродуктами. Кроме того, по данным международных экспертов, на континентальном шельфе Западной Сахары обнаружены промышленные запасы нефти и газа, в которых крайне нуждаются марокканцы. Не случайно в соответствии с программой развития "южных провинций" руководство Марокко планирует в ближайшие годы инвестировать свыше 7 млрд. марокканских дирхамов (776 млн. долл.) в реализацию 226 проектов на территории Западной Сахары¹¹. Как отмечал известный испанский писатель Аурелио Артета, "фосфатные рудники, косяки рыб и нефтяные скважины, похоже, представляют собой более ценный товар, чем любые международные принципы или договоры"¹².

В апреле 2006 г. Кофи Аннан представил в СБ ООН доклад, касающийся урегулирования западносахарского конфликта. Генсек рекомендовал, в частности, Совету Безопасности продлить на шесть месяцев мандат МООНРЗС в Западной Сахаре (который истекал 30 апреля 2006 г.). В документ вошли предложения по урегулированию, сделанные личным посланником Генсека ООН по Западной Сахаре Питером ван Вальсумом по итогам его поездки в регион. Как заявил глава ККСС Халиханна ульд ар-Рашид, доклад Кофи Аннана "окончательно хорошият план Бейкера, который не учитывал позиции всех сторон". Фронт ПОЛИСАРИО выступил с критикой доклада Генсека ООН за то, что он "не предусматривает наложение санкций на Марокко за невыполнение резолюций ООН по Западной Сахаре".

В мае 2006 г. была принятая предложенная Великобританией, Испанией, Россией и США резолюция Совета Безопасности ООН о продлении мандата Миссии ООН в Западной Сахаре до 31 октября 2006 г. Она призвала все вовлеченные в конфликт стороны "продолжать сотрудничество с ООН в поисках выхода из нынешнего тупика и усилиях по достижению политического решения проблемы". Кофи Аннан в своем докладе рекомендовал сторонам начать без всяких предварительных условий прямые переговоры между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО. Марокко поддержало эту резолюцию. В заявлении министра иностранных дел Марокко, однако, снова говорилось о предоставлении автономии "южным провинциям" в рамках национального суверенитета и территориальной целостности Королевства¹³.

Фронт ПОЛИСАРИО подтвердил свою позицию в пользу проведения референдума о самоопределении Западной Сахары на выдвинутых им условиях. Выступая на торжествах по случаю создания САДР, самопровозглашенной в феврале 1976 г., лидер Фронта Мохаммед Абдельазиз заявил, что иного пути решения западносахарской проблемы не существует, и "рано или поздно референдум состоится"¹⁴.

В последнее время Фронт ПОЛИСАРИО вновь выступил с угрозами отказаться от соглашения о прекращении огня, если идея проведения референдума будет похоронена, и в очередной раз отверг предложения Рабата об автономии Западной Сахары. Таким образом, конфликт вокруг Западной Сахары пока не разрешен. Фронт ПОЛИСАРИО при поддержке Алжира добивается независимости западносахарских территорий, в то время как Марокко считает неприемлемым их отделение, допуская предоставление широкой автономии.

Следует признать, что между противоборствующими сторонами нет единого мнения по ряду вопросов. Тем временем десятки тысяч беженцев вынуждены проживать в палаточных лагерях. "Посреди каменистой пустыни, под ненадежным укрытием палаток и открытых сооружений из земляных брикетов, без водопроводной воды и доступной телефонной связи, в компании немногочисленных коз, питающихся больше бумагой и пластиком, чем чем-либо другим, живут в ужасных условиях тысячи и тысячи людей, чья недавняя история была частью нашей. Они там пребывают в постоянном ожидании, без будущего", – писал А. Артета¹⁵. Ежегодно огромные средства (до 150 млн. долл.) расходуются на деятельность миротворческого контингента, а также на гуманитарную помощь. Идет одностороннее освоение территории Западной Сахары.

В августе 2009 г. король Марокко Мухаммед VI призвал алжирское руководство к нормализации двусторонних отношений и достижению "окончательного, согласованного политического урегулирования западносахарской проблемы". Было предложено также открыть сухопутную границу между двумя странами. Как сообщала газета "Аш-шарк аль-Аусат", Алжир нацелен на преодоление застоя в отношениях с Марокко и также желает открытия границы (закрытой с 1994 г. после совершения теракта в марокканском городе Марракеш, в совершении которого были обвинены выходцы из Алжира). Однако, как заявил алжирский правительственный источник, «марок-

канцы призывают нас к открытию границы, говоря о необходимости этого шага в интересах двух народов, но в то же время выдвигают против нас всевозможные обвинения, в частности в "балканизации" региона из-за нашей позиции по западносахарскому вопросу. Настойчивые требования Марокко по этому вопросу нацелены на то, чтобы создать у мирового сообщества представление, будто Алжир является стороной, которая чинит препятствия на пути достижения благополучия для народов двух стран, что абсолютно неверно»¹⁶. Алжирская сторона считает необходимым прежде всего активизировать деятельность совместного комитета на высшем уровне, что станет важным шагом на пути решения имеющихся двусторонних проблем.

Нельзя сказать, что в последние годы ничего не делалось для решения проблемы Западной Сахары. С июня 2007 г. Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО провели в США четыре раунда переговоров по Западной Сахаре. Все они не принесли особых результатов. Стороны условились продолжать диалог.

В январе 2009 г. новым спецпредставителем Генерального секретаря ООН по Западной Сахаре был назначен американский дипломат Кристофер Росс. Фронт ПОЛИСАРИО приветствовал назначение К. Росса. Занимавший прежде этот пост голландец Питер ван Вальсум считал перспективу получения Западной Сахарой независимости "нереальной", за что был обвинен Фронтом ПОЛИСАРИО в субъективизме и симпатиях к Марокко. В специальном коммюнике Фронта сообщалось: "Фронт ПОЛИСАРИО будет сотрудничать с К. Россом и намерен оказывать ему необходимое содействие в целях завершения деколонизации Западной Сахары"¹⁷. Руководство Марокко также позитивно отнеслось к назначению К. Росса. По заявлению официального представителя правительства и министра информации Халида Насири, уже имеются определенные наработки, в частности, резолюция 1813 Совета Безопасности ООН, призывающая стороны сотрудничать в духе реализма, искать компромиссы в целях продвижения переговоров.

Очередные неофициальные переговоры между заинтересованными сторонами должны были состояться 10–11 февраля 2010 г. США приветствовали это намерение и призвали всех участников оказать поддержку Генеральному секретарю ООН, спецпредставителю и его посланнику К. Россу в их усилиях по выработке условий для достижения взаимоприемлемого соглашения¹⁸.

Таким образом, поиски справедливого взаимоприемлемого для всех заинтересованных сторон, а также для всего мирового сообщества решения этого затянувшегося конфликта продолжаются. Все вовлеченные стороны отдают себе отчет, что иного решения проблемы, чем мирные переговоры, нет.

¹ Более подробно см.: Мальцев Ю. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994, с. 59–75.

² Конституция Сахарской Арабской Демократической Республики. СПб., 2001.

³ Компас, ИТАР-ТАСС, № 46, 13.11.2003.

⁴ Компас, ИТАР-ТАСС, № 46, 13.11.2003.

⁵ Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности S/2003/565; Компас, ИТАР-ТАСС, № 9, 27.02.2003.

⁶ Более подробно см.: Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности S/2003/565. Приложение II и Приложение III.

⁷ Компас, ИТАР-ТАСС, № 46, 13.11.2003.

⁸ Меморандум Фронта ПОЛИСАРИО (май 2006).

⁹ Компас, ИТАР-ТАСС, № 46, 13.11.2003.

¹⁰ Мохаммед Фадель Мохаммед Али Салем. Ресурсный потенциал Западной Сахары и проблемы его использования. Автореферат дисс. к.э.н. М., 2003, с. 10–11.

¹¹ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС, 05.04.2006.

¹² Западная Сахара. Преданная независимость. М., 2007, с. 46.

¹³ Пульс планеты. А-621, ИТАР-ТАСС, 02.05.2006.

¹⁴ Пульс планеты. А-621, ИТАР-ТАСС, 28.02.2006.

¹⁵ Западная Сахара. Преданная независимость. М., 2007, с. 46.

¹⁶ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС, 04.08.2009.

¹⁷ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС, 12.11.2009.

¹⁸ <http://www.state.gov/r/pa/pres/ps/2010/02/136592.htm>

А.О.Филоник

КУВЕЙТ: КРИЗИСНЫЙ ПРОФИЛЬ НЕФТЕЭКСПОРТЕРА

Распространившийся по миру финансовый кризис, породивший рецессию в глобальной экономике, не считается с рейтингами стран, не обходит ни бедных, ни богатых, ни промышленных гигантов, ни сырьевых авторитетов. Благополучные арабские нефтеэкспортеры Персидского залива также познали его силу. Последствия его для малых государств, за последние сорок лет впервые почувствовавших, что такое финансовые неурядицы и что от серьезных провалов не застрахован никто, не прошли даром. Если раньше они могли сравнительно спокойно взирать на некие сложные моменты на своем экономическом пути и имели возможность сглаживать отдельные проблемы, то в период кризиса обрели весомый повод встрепенуться и более пристально взглянуться в происходящее, оценивая вызовы и угрозы, которые таятся в изменившихся реалиях глобальной экономики и мировых финансов.

Отмечать экономическое благополучие Кувейта стало общим местом при характеристике этой страны благодаря многим обстоятельствам. Помимо нефти, важная роль принадлежит солидному частному бизнесу, имеющему интересы в самых разных областях и умеющему ориентироваться в хитросплетениях рынка. Но год назад в деловых кругах Кувейта ощутили, что экономическая ситуация в стране начала накаляться. Первые признаки возникли с появлением проблемных компаний, которые оказались неспособными платить по своим обязательствам. Самым неожиданным стало то, что ими оказались крупные инвестиционные компании и фонды, которые вместе с банками являются становым хребтом национальной финансовой системы и представляют лицо страны на международном рынке капиталов. А ведь буквально вчера Кувейт пользовался огромным авторитетом как надежнейший партнер не только регионального, но и мирового масштаба, что подкреп-

плялось существованием филиалов и отделений его банков и финансовых компаний чуть не во всех частях света. В стране недаром бытовало мнение, что все, устраивающее эти компании, подходит и для Кувейта. Экспансионистская деятельность кувейтского капитала велась через финансовых воротил, которые имели полнокровный бизнес и, казалось, были гарантированы от любого рода случайностей, в иных случаях вызываемых операциями с «токсичными» активами, дефицитом наличности, недостаточным обеспечением сделок.

На деле же ситуация ныне предстает как имеющая весьма тревожные свойства. По свидетельствам рыночных специалистов, положение для этого сегмента бизнеса складывается сложное, хотя некоторые субъекты его и удерживают позиции. Но многие из них, и таких немало, оказались дутыми и занимались масштабными финансовыми махинациями, что отразилось весьма плачевно на состоянии национальной экономики. Вскрылись и другие детали, которые так или иначе могут дискредитировать финансовый блок из-за переоценки реального капитала компаний, спекуляций на фондовом рынке кредитными средствами или других теневых трансакций, вполне обиходных из-за недостаточности контроля или отсутствия прозрачности. В связи с этим не кажется странным эмоционально высказанное суждение одной из уважаемых бизнес-леди Кувейта, что в ее стране могут оказаться пятнащать компаний типа нью-йоркского Медоффа, с которого начались неприятности в Америке. Из них половина функционирует в инвестиционной сфере, пять – в недвижимости, оставшиеся – в нефтяном бизнесе¹. Даже если сделать скидку на излишний алармизм оценки, то и тогда картина для малого государства останется впечатляющей. Но в то же время в ней нет ничего особенно специфичного, что выделяло бы в этом плане Кувейт на фоне других стран его уровня достатка, характера отношений собственности и природы экономических механизмов.

По некоторым оценкам, в Кувейте минимум 30 официально зарегистрированных компаний могут быть отнесены к категории недобросовестных, не говоря о тех, что не имеют лицензий². Виной этому может быть возникшая в докризисный период практика, сравниваемая с работой инкубатора. Его роль выполняла материнская компания, «высиживающая» дочерние фирмы, которые не обладали достоинствами «родителя», но

получали возможность увеличивать финансовые ресурсы вне их связи с реальной экономикой.

В результате, по наблюдениям рыночных аналитиков, банковско-финансовый сегмент экономики остается пока единственным, понесшим абсолютные убытки. По существу, инвестиционный трек не только привел кризис в страну, но и сам пострадал от него в первую очередь. Представляющие его учреждения и компании потянули за собой шлейф последователей и в других сферах хозяйственной деятельности. В середине 2009 года дело дошло, как утверждают некоторые коммерсанты, до такой степени обеднения крупных компаний, что они стали с трудом изыскивать средства для оплаты аренды своих офисов³. В результате ставший за последние десятилетия привычным имидж Кувейта как безупречного с точки зрения экономической состоятельности государства потускнел, хотя ожидания, связанные с восстановлением прежнего статуса, едва ли будут утрачены в связи с текущими трудностями. Его авуары, размещенные в регионе и далеко за его пределами, поддерживают надежду на возможность преодолеть провал.

По данным доклада авторитетной в Кувейте консалтинговой компании Аш-Шаль, аудит 158 из 203 зарегистрированных на бирже компаний показал, что по результатам финансовой деятельности за первую половину 2009 г. они получили прибыль в размере 520 млн. кув.дин., что оказалось на 75% ниже уровня доходов тех же компаний за первую половину 2008 г., превысивших тогда 2 млрд. дин.

Осенью того же года 106 компаниям из числа упомянутых как будто удалось обеспечить безубыточность хозяйственной деятельности, а 52 понесли прямые потери, что спровоцировало нынешнее общее снижение активности рынка. За тот же период 2008 г. 152 из 158 компаний были абсолютно успешными, тогда как ныне только 28 компаний, несмотря на кризис, показали прибыль, а 130 других резко снизили свои показатели. При этом надо учесть, что из семи сфер деятельности, по которым распределены зарегистрированные компании, ни в одной нельзя отметить положительной динамики. А весь «успех» измеряется лишь уровнем падения экономических показателей у одних относительно других.

Если сюда подключить данные по не представившим отчетность компаниям, что явно указывает на их неблагополучие, то общие финансовые результаты могут быть еще хуже.

Во всяком случае, приводимые в таблице отраслевые данные пока не рождают оптимизма относительно изменения полярности показателей развития кувейтской экономики.

**Динамика чистой прибыли
по отраслям хозяйственной деятельности⁴**

	Чистая прибыль, млн. кув. дин.		Падение, %
Период	30.06.08	30.06.09	
Отрасль			
Банки	634	223	64
Инвест.компании	465	190	60
Страхование	35	6	82
Недвижимость	193	66	65
Промышленность	91	45	50
Услуги	387	231	40
Продовольствие	9	7	24
Некувейтские компании	289	130	55
Итого	2106	519	75

В наибольшей мере кризис поразил страховое дело, если характеризовать процесс в относительных цифрах. Но самый впечатляющий провал ожидал банковский и инвестиционный сегменты рынка, которые подошли к полугодовому финишу с огромным, по местным меркам, отрицательным сальдо в 411 и 244 млн. кув. дин. соответственно и с большим отрывом в процентах от других секторов. Суммарный дефицит превышает совокупную чистую прибыль всего хозяйства Кувейта на 135 млн. дин. и сопоставим с чистой прибылью иностранных компаний, действующих в этом государстве. В противовес провалу финансового блока наименее пострадал продовольственный (он же аграрный) сектор, снижение доходности в котором составило всего 24%, но и это немалая величина, учитывая реальные объемы национального сельскохозяйственного производства.

Тем не менее, по рассуждению ряда кувейтских аналитиков, в целом показатели второго полугодия 2009 г. могут быть лучше, чем в 2008 г., а следовательно, и весь 2009 год может

выглядеть довольно пристойно⁵. Такое заключение кажется несколько поспешным, но оно, видимо, отражает отсутствие серьезной обеспокоенности в финансовых кругах и веру экономической элиты в то, что в итоге Кувейт сумеет мобилизовать свой потенциал и защитить свои позиции.

Возможно, именно на этом фоне сложилось и соответствующее мнение, что наиболее пострадавшие компании выйдут из ситуации сами, хотя их динамика в последующие за началом кризиса месяцы показала, что надежды на это оправдываются не столь быстро. Такие ожидания находятся в определенном противоречии с тем, что происходит в мире, где ввиду кризиса предпринимаются срочные меры, чтобы либо спасти ослабевшие компании от краха, либо довести их до закрытия. Причем сходные действия наблюдаются и в самом регионе. Например, в Саудовской Аравии предприняты соответствующие меры в отношении семейных групп Саад и Аль-Кусайби, а финансовые власти Бахрейна и ОАЭ через вмешательство своих Центробанков пытаются облегчить ситуацию со своими проблемными компаниями, несмотря на очевидную сложность и лишь относительную продуктивность любых решений⁶.

Однако, по мнению достаточно серьезных аналитиков, в Кувейте наблюдается прямо противоположная ситуация, когда, по целому ряду свидетельств, государство как бы уклоняется от действий, способных минимизировать последствия кризиса и удержать наплаву финансовые институты, которые до кризиса были накануне того, чтобы реально превратить Кувейт в региональный финансовый центр⁷.

По сложившейся практике в Кувейте делами компаний занимаются три учреждения. Это Центральный банк, министерство торговли и промышленности и фондовая биржа. Кажется, что это концентрированная сила, но в реальности такая множественность ведет лишь к дроблению ответственности. По существу ни одна из инстанций не сталкивалась прежде с кризисной ситуацией подобного масштаба. Каждая из них имеет конкретные задачи на собственном векторе и не обладает ни возможностями сверх полученных по закону, ни опытом сложения усилий для вывода пострадавших субъектов хозяйственной деятельности из кризиса. Их четкое взаимодействие между собой даже в «мирное» время было большой проблемой, а в сумятице текущих событий консолидация сил по месту и времени – для них вообще сверхзадача. Вопрос осложняется и тем, что имеется

большое количество незарегистрированных компаний, выступающих на рынке на свой страх и риск, и помочь им не предусмотрена по определению, а ведь и они тоже усиливают турбулентность на национальном рыночном пространстве. Имеется еще одна, по сути, чисто бюрократическая инстанция в виде Генерального управления по инвестициям. Но оно абсолютно не рассчитано на нынешний случай, когда надо принимать срочные меры в отношении большого числа инвестиционных учреждений, попавших в самую стремнину кризиса.

Официальные власти пока не уверены, что именно они должны решать вопросы проблемных компаний. Считается, что в большей степени это дело общих собраний акционеров⁸. Этот довод обосновывается ссылкой на то, что охват населения инвестиционной лихорадкой был относительно невелик, и финансовый проигрыш вовлеченного в орбиту некоторого числа искателей барыша не должен считаться национальной трагедией. Ведь ситуация порождена экономическими рисками, и участие в них – личное дело игрока. В то же время государство не предпринимает действенных шагов для спасения проблемных компаний еще и по другой причине. Бытует мнение, что необходимое для этого глубокое вмешательство в дела частного предпринимательства будет равнозначно расточительству, которое порицается в арабской деловой традиции, а главное – будет выглядеть как разбазаривание общественных средств и обкрадывание будущих поколений, обеспечение которых рассматривается как важный национальный приоритет⁹.

Но и сами проблемные компании, а таких много, по замечаниям местных аналитиков, пока не проявляют особого стремления овладеть ситуацией. В основном они, видимо, надеются на обстоятельства в виде, например, неожиданного взлета цен на активы или заняты обсуждением возможностей реструктуризации, уклоняясь от того, чтобы своими силами нарастить капитал, привлекая новых партнеров, средства населения или изыскивая другие законные способы. В результате складывается впечатление, что бизнес-сообщество и государство боятся действий в решительном ключе, а тем более опережение и не слышат одно другого. В любом случае продуктивного диалога не получается, и это грозит переходом ситуации в фазу системного кризиса. Для всегда бывшего (или казавшегося?) благополучным Кувейта такая перспектива имеет оттенок казуса. Даже после иракского нашествия, принесше-

го действительно неисчислимые материальные потери, страна быстро восстановилась. Наверное, что-то существенно изменилось с той поры, если нынешние невзгоды на этом фоне могут считаться еще более разрушительными и неодолимыми без применения чрезвычайных мер.

В таких экстраординарных обстоятельствах промедление может привести к тому, что нужный момент будет упущен. Доклад аналитиков инвестиционной компании «Баян» указывает на то, что кувейтская экономика сотрясается от кризиса и потому, что отсутствует четкое видение ее перспектив и конкретных планов развития в критический период. Государство слабо реагирует на динамику в сфере экономики и проявляет медлительность в условиях, требующих быстрых решительных шагов. Оно не выкупило части капитала частных предприятий, не пошло на приобретение доли собственности в частных компаниях. Оживить же экономику можно только повысив спрос, увеличив госрасходы на инфраструктуру и проекты развития, чтобы привлечь внутренние инвестиции, а также снизить ставку процента по кредитам и тем самым сблизить ее с мировыми и региональными показателями.

Среди рецептов есть и предложение деполитизировать экономику¹⁰. Оно выглядит довольно странным для кувейтской действительности, все составляющие которой вроде бы были устроены достаточно функционально и имели свою нишу. Объектом политических страстией могут быть формы собственности, а не экономика как таковая. Но суть предложения на сегодня, видимо, в том, чтобы подчинить ее исключительно соображениям целесообразности и не превращать в повод для обострения политической борьбы. Предложение связано еще и с тем, что вокруг темы кризиса в стране разворачиваются полемические баталии, которые неминуемо проецируются на хозяйственную сферу, а она рядовым жителям всегда ближе, поскольку ее состояние ощущимо оказывается на их жизненном уровне.

Тем не менее за год кризиса в Кувейте не удалось, скорее всего, по причине массового неверия в драматический исход и убежденности во всесилии рынка, оперативно мобилизовать экономические механизмы для выхода из тупика. Поэтому экспертное сообщество в поисках выхода из ситуации предлагает ставить вопросы шире, обратиться к здравому смыслу и искать общественную поддержку полезным начинаниям, обещающим результат. Другими словами, предлагается более активно использовать демократический потенциал местного общества,

чтобы найти действенную линию поведения и выйти на решения, способные сплотить население и дать ему видение перспектив. При этом считается, что удастся избежать нежелательных последствий, при которых утрачивается контроль не только над экономической ситуацией, и сконцентрировать коллективный разум на созидательных аспектах, чтобы использовать его силу как инструмент преодоления конкретных экономических трудностей. Такой подход, опирающийся на соответствующее общественное мнение, может помочь избежать излишнего давления власти на разные корпоративные группы в предпринимательской среде и не допустить разрастания разногласий по поводу возможностей и способов выхода из кризиса.

В связи с этим эксперты считают вполне уместным, чтобы власть продекларировала позицию, которая позволит поднять тонус в обществе и направить энергию в нужное для страны русло. И уже тогда выступать в поддержку не одних только банков, но в интересах всей экономики, процессы в которой нуждаются в солидной корректировке.

Ведь ситуация остается нестабильной, и лучше всего это видно из динамики положения основных игроков на бирже. В последнюю неделю августа, например, все участники демонстрировали рост, причем промышленный сектор вышел на первое место и к закрытию прибавил 4,29 пункта. За ним по нисходящей, но тоже с прибылью, следовали инвестиционный сектор и блок некувейтских компаний. Минимальный успех отмечался в продовольственном секторе, едва дотянувшем до 0,09 пункта. В минусе же оказались страховые компании¹¹.

В противовес этому количество акций уменьшилось на 32%, а цена их упала на 11%, тогда как число завершенных сделок снизилось на 27% по сравнению с показателями предшествующей недели. Объемы же торгов в стоимостном выражении составили 104 млн.дин., а ранее равнялись 118 млн. То же касается объема торгов в количественном выражении – зарегистрировано понижение с 491 млн. акций до 334 млн¹². Четедования роста и падения свойственны и для других периодов. Поэтому нетрудно предполагать, что повышательный курс – отнюдь не постоянная тенденция на местной бирже, и динамика рынка устойчиво демонстрирует нестабильность.

На этом фоне попыткой исправить ситуацию буквально недавно стали заявления Центробанка в отношении пока семи крупных инвестиционных компаний, которые теперь могут рас-

считывать на получение вспомоществования, но до этого должны пройти через аудит на предмет выявления их дееспособности и гарантированного продолжения деятельности после получения средств. Процесс этот бюрократический и связан со многими межведомственными согласованиями, и трудно судить, положит ли он конец выживанию. Недаром само руководство банка отмечает, что сложная процедура отпугивает даже такие компании, не говоря уже о более мелких, которые к тому же опасаются обнародовать сведения о своем реальном положении¹³. Возможно, это замечание должно показать, что официальные органы давно расположены к диалогу с частным капиталом любого уровня, и только сложное прохождение дел удерживает компании от продуктивного взаимодействия.

Государство также предлагает теперь отсрочку по выплате долговых обязательств до того момента, когда под контролем банка может быть проведена реструктуризация компаний¹⁴. Но в любом случае на хорошем счету у банка будут серьезные компании, сохранившие хотя бы часть капитала в отличие от тех, что растеряли активы.

Параллельно с санацией финансовых структур государство подтвердило, что стремится стимулировать экономику и удержать ее от развала за счет увеличения государственных ассигнований. Это стало ответом на критику бизнесом намерения властей отложить «впрыск» денег до 2013 г., что трактовалось как недопустимое промедление с серьезными последствиями¹⁵. Государство, по некоторым оценкам, должно вскоре ассигновать не менее 15 млрд. долл. на крупные проекты развития, чтобы начать выводить страну из кризиса и нивелировать его последствия¹⁶. Хотя вполне вероятно, что одномоментное выделение таких средств в условиях колеблющегося рынка нефти может представлять проблему для страны даже при том, что в текущем 2009/10 финансовом году нефтяные доходы страны должны составить 11,6 млрд. дин.¹⁷

Тем не менее основными адресатами антикризисной финансовой политики будут объекты инфраструктуры и некоторые крупные проекты¹⁸. Их цель – увеличить подвижность экономики, подвигнуть банки на выдачу кредитов и поднять спрос на инвестиционные и иные продукты параллельно с финансовой стабилизацией.

Образными приметами Кувейта всегда были его нефтяное богатство и общественное благополучие. Однако кризис не-

ожиданно обнажил многие недостатки, которые подтвердили, что и богатые государства не гарантированы от экстремальных ситуаций. В стране как-то сразу проявили себя непростые проблемы, ранее не выступавшие на передний план. Оказалось, что система образования не такая передовая, что наступают наркотики, что кризис затронул продовольственный сегмент, что за помощью в обновлении базы энергетики приходится обращаться не на Запад, а искать ее в своем регионе, поскольку это дешевле, и т.п.

Особенно примечателен кризис энергетический, который регулярно, с 1999 г., случается каждым летом в отсутствие достаточных генерирующих мощностей. Из-за этого постоянно муссируются слухи то о закупке гигантских энергоблоков, то о сооружении новых тепловых станций, теперь говорят о привлечении специалистов из Египта в области модернизации электросетей и возобновляемых источников энергии.

Между тем спрос на электроэнергию колоссальный, и сбои в ее подаче затягивают работы в капитальном строительстве на три-четыре года, не говоря уже о более мелких потребителях¹⁹. Такое положение ухудшает условия работы девелоперов и инвесторов, лихорадит крупную отрасль и провоцирует проявление цепи негативных организационных и социальных последствий.

Серьезной проблемой остается хронически опасная экологическая обстановка в Южном округе, где находится комплекс нефтехимических предприятий. Массовые выбросы вредных газов, твердых и жидких отходов отправляют большие прилежащие пространства, т.к. очистные сооружения не справляются из-за гигантских масштабов производства. Местные власти годами ставят вопрос о переводе этих производств в отдаленные от жилья районы с заранее подготовленной производственной и природоохранной инфраструктурой или хотя бы о том, чтобы разредить плотность предприятий. Но колоссальные затраты на обустройство новых территорий откладывают решение проблемы на неопределенное время. В принципе в Кувейте поддерживается чистота экосферы, но источники угрозы ей постоянно дополняются новыми. Сейчас общественность обеспокоена активностью владельцев частных передвижных мачт мобильной связи. Они действуют без лицензий и работают с несертифицированным оборудованием, которое, по общему мнению, дает недопустимо сильное электромагнитное излучение²⁰.

Большие сложности возникают с занятостью рабочей силы и в связи с наличием в стране огромных контингентов приезжих рабочих, создавая социальную напряженность и дополнительные экономические трудности. Недавно из нескольких стран Залива, в том числе треть из Кувейта, были выдворены приезжие египтяне из-за ухудшения экономической ситуации. Местные правозащитники считают это жесткой мерой, не добавляющей популярности принимающим странам. Ведь трудовые мигранты отправляются хотя и на родину, но на самом деле «в никуда»²¹.

Оправданием таким действиям служит ссылка на некомфортность быта приезжих. В Кувейте есть намерение возвести 11 рабочих поселков для одиноких приезжих из арабских и не-арабских стран на специально выделенных территориях с соответствующей инфраструктурой. Но пока этот проект не реализован, хотя социальная обстановка, и без того напряженная в результате кризиса, имеет шансы осложниться. Такой ход событий власти постоянно имеют в виду, но не всегда, как видно из этого случая, могут принять упреждающие меры, особенно, если они затратны.

Действительно, текущий кризис стал реальным испытанием, тем более, что спровоцированные им эпизоды сливаются воедино и бьют в одну точку. Сейчас в стране возникло новое тревожное явление, связанное с увольнениями самих кувейцев из частного сектора. Последняя волна затронула дополнительно 25 тыс. человек, что по местным меркам составляет большую цифру. Еще большее количество работников переведено на сокращенную рабочую неделю или отправлено в неоплачиваемые отпуска разной длительности. Уволенные живут на помощь от специального фонда в размере 60% прежней зарплаты²². А это существенно понижает жизненный уровень представителей среднего класса, которые составляют большинство занятых в частном секторе.

Поскольку государство ранее в основном уделяло внимание положению с занятостью в общественном секторе, ситуация в частном не считалась приоритетной. Поэтому в условиях кризиса власти не вполне готовы адекватно действовать сообразно развертывающимся обстоятельствам на этом неожиданно разверзшемся участке.

Между тем в Кувейте уже давно наблюдается дисбаланс на рынке труда, кроющийся в специфике процессов развития,

в природе занятости, в структуре экономически активного населения. И раньше далеко не всем фигурантам на рынке рабочей силы, особенно молодым, бывало легко найти работу. В нынешней обстановке Общество выпускников вузов, ставшее выразителем идеи уравнения в правах расколотого надвое отряда самодеятельного населения, усиливает нажим на власть, чтобы добиться признания роли созданного по их инициативе в 2007 г. Центра борьбы с безработицей. Он должен получить статус национального проекта, чтобы эффективно противостоять негативным процессам на рынке рабочей силы²³.

И действительно, к настоящему моменту государство встревожилось положением дел на социальном фронте. Во всяком случае, на министерском уровне активно заговорили о необходимости внесения поправок в закон о частном секторе, который должен избежать недостатков, способных ослабить его социальную значимость. Параллельно отменяется принятая в 2006 г. программа автоматизации начисления зарплат, которая привела лишь к росту расходов на содержание «неисчислимой армии» проверяющих, каждый из которых получал по 700 дин.²⁴ Такие издержки легли неоправданным бременем на бюджет и ныне стали непозволительной роскошью. Ождалось, что за период 2008/09 гг. объем ВВП с учетом вызванных кризисом корректировок сократится с 5,2 до -1,2%. И хотя уже в наступившем 2010 г. его рост по прогнозу должен составить 2,4%, он все равно может уступать другим государствам ССАГПЗ, где этот показатель, как полагают специалисты Мирового банка, будет колебаться вокруг отметки в 4%²⁵.

Кризис обнажил наиболее чувствительные точки в экономическом теле Кувейта, а равно акцентировал существовавшие до него социальные и политические осложнения. Именно этот «букет» сделал сдержанными оценки международной экспертизы, которая отказывает «больному» в возможности восстановиться на докризисном уровне в кратчайшие сроки. Более жесткий приговор содержится в докладе «Кувейт в 2030 г.», подготовленном группой экспертов представителя ООН Тони Блэра. В нем утверждается, что консервация ситуации в стране приведет к сохранению социально-экономической и политической нестабильности в последующие 5–8 лет. Указывается также, что страну до конца прогнозного периода ждут серьезные вызовы в виде удвоения населения до 7 млн. чел., рост расходов в три раза за 10 лет, что заставит власти распеча-

тать финансовые резервы и ускоренно разрабатывать нефть до истощения запасов. Угроза также таится в практике финансирования системы образования и здравоохранения, на которые тратятся гигантские средства, но они не работают должным образом из-за неверной постановки дела и не могут полноценно удовлетворять потребности страны²⁶.

В Кувейте существуют заметные расхождения между парламентом и правительством. Они касаются хода экономических событий и даже обостряются на фоне экономических неурядиц. Местная пресса в течение последних трех лет пессимистически оценивала отношения между законодательной и исполнительной властью, сомневаясь в возможности конструктивного диалога между двумя ветвями. В немалой степени это касается и экономической проблематики, по которой отмечается существенная разница во взглядах и подходах между «прогрессистами» и консерваторами. Дело связано с задержкой закона о финансовой стабилизации, промедление с принятием которого публично обсуждается в самых жестких выражениях. Затягивается и принятие решений о правлении фондовой биржи, о приватизации национальных коммуникаций, антимонопольного законодательства, без чего невозможны соответствующие рыночным схемам аукционы в инфраструктурном и ином крупном строительстве. Предлагаемые варианты непрозрачны и чреваты в дальнейшем возможностью махинаций и иных отступлений от закона, что может подорвать идею партнерства частного и государственного секторов²⁷.

Либеральные силы в Кувейте, как бы малочисленны они ни были, предлагают ограничить государственный контроль над нефтью, электроэнергетикой и попутно над сферой образования, здравоохранения и жилищного строительства²⁸. По сути, на повестку дня выдвигается вопрос об экономической реформе, прелюдией к которой и должны стать такие законы.

Нынешняя кувейтская практика выявляет несовпадение в обществе взглядов и идей по поводу планов развития, путей выхода из кризиса, которые разными корпоративными группами оцениваются по собственным меркам, не имеющим общего знаменателя. Коалиции парламентариев с членами кабинета приводят к тому, что прения по повесткам дня нередко превращаются в непродуктивную полемику внутри Национальной ассамблеи²⁹. В результате не удается выстроить четкое сотрудничество между персоналиями и институтами по стратеги-

ческим направлениям. А ведь именно взаимопонимание является главным условием выработки антикризисной программы и существенным фактором сохранения качества демократического процесса.

Ситуация раздражает кувейтских избирателей, считающих, что на таком фоне вроде бы «все выступают за равный доступ к национальному богатству, но никто ничего не делает, чтобы предложить нужный механизм для получения результата»³⁰.

Застревание Кувейта в кризисной фазе намечается, возможно, и потому, что в эпоху рыночного регулирования здесь все еще не отказываются от роли госсектора как главного «центра силы» в экономике. По этому поводу в дискуссиях сломано много копий. Но госсектор остается на своих позициях: нынешний политический дискурс сдерживает устремления частного предпринимательства в ведущих отраслях, умеряя его политические и экономические амбиции³¹.

Естественно, это не означает, что в Кувейте частный сектор обречен на прозябание. Роль частных предприятий несомненно велика, и их участие в судьбах страны невозможно преуменьшить. Ведь доля ненефтяного сектора в ВВП превышает 61%, а он составлен, в том числе, и из частных предприятий производственного профиля. Но проблема не столько в них, сколько в частных финансовых институтах, которые создаются ради получения прибыли любой ценой. Практика показала, что в ходе кризиса даже восхваляемые исламские финансовые учреждения отличились не в лучшую сторону. В отличие от обычных, которые имеют фиксированные ставки и порядок работы, исламские работают без процента и свободны по многим позициям. Это ставит в невыгодное положение их партнеров, не защищенных от необходимости платить по вдруг увеличившимся обязательствам перед банком³².

Ситуация просто обязывает власти сохранить реноме и противостоять «вывертам» в экономике. Возможно, нынешний кризис заставит задуматься, как застраховаться от ухудшения положения вещей в хозяйственной и социальной сферах. В нынешней сложной обстановке, вызванной как собственно кризисом, так и расхождениями во мнениях по поводу путей преодоления его последствий, видимо, довольно трудно рассчитывать на то, что проблемы смогут безболезненно «рассосаться», не потребовав общего согласия всех общественных сил. Видимо, в этот весьма острый момент в государстве

должна заявить о себе политическая воля как важнейший фактор корректного урегулирования ситуации. И дело касается не только выбора адекватного решения текущих вопросов экономической действительности, но и обеспечения условий для восстановления стратегических позиций, гарантирующих быстрейшее возвращение Кувейту качеств сильного партнера на региональной и мировой сцене.

¹ Аль-Анба, 26.08.2009.

² Там же.

³ Ас-Сияса, 26.07.2009.

⁴ Аль-Кабас, 16.08.2009.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Аль-Анба, 05.08.2009.

⁸ Аль-Кабас, 16.08.2009.

⁹ Аль-Анба, 05.08.2009.

¹⁰ Ар-Рай, 30.08.2009.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Аль-Анба, 16.08.2009.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Аль-Кабас, 16.08.2009.

¹⁶ Аль-Анба, 26.08.2009.

¹⁷ Там же, 05.08.2009.

¹⁸ Там же, 16.08.2009.

¹⁹ Там же, 05.07.2009.

²⁰ Ас-Сияса, 26.07.2009.

²¹ Аль-Кабас, 16.08.2009.

²² Аль-Анба, 26.08.2009.

²³ Аль-Кабас, 16.08.2009.

²⁴ Там же.

²⁵ Economic Developments & Prospects 2009, The World Bank, 3 October 2009.

²⁶ Аль-Анба, 05.07.2009.

²⁷ Там же, 26.08.2009.

²⁸ Там же.

²⁹ Kuwait Times, 20.06.2009.

³⁰ Arab Times, 28.07.2009.

³¹ Аль-Кабас, 16.08.2009.

³² Ас-Сияса, 26.07.2009.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ПАКИСТАНУ

Москва

23 декабря 2009 г.

В.Я.Белокреницкий

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ПАКИСТАНЕ

Внешней политике Пакистана посвящено немало отечественных и зарубежных исследований¹. Главное внимание в них, как правило, уделяется самому ее содержанию и значению для международной обстановки, политического и экономического развития страны. Механизм принятия решений в сфере иностранных дел и сама организация внешнеполитического процесса, внутренние и внешние факторы, детерминирующие его, изучены значительно меньше, особенно в нашей литературе. Предлагаемая статья – попытка в какой-то мере восполнить этот пробел, причем основное внимание в ней уделено современным реалиям, выявлению меры влияния внутренних и внешних факторов на формирование текущей внешней политики.

Правовые аспекты, институциональная и организационная база

Внешняя политика осуществляется на основе конституции Исламской Республики Пакистан, принятой в августе 1973 г. Изначально она была сводом законов парламентского типа, за основу которого взят английский образец. Однако после военного переворота 1977 г., когда на смену гражданскому правительству «архитектора» конституции З.А. Бхутто пришел режим генерала М. Зия-уль-Хака, государственный строй не раз претерпевал существенные изменения. Режим во главе с П. Мушаррафом после выборов 2002 г. провел через парламент 17-ю поправку к конституции, предоставляющую президенту право смешать правительство и распускать парламент, а также фактически выступать от имени государства и исполнительной власти в качестве верховного лица. После отставки Мушарра-

фа с поста президента в августе 2008 г. и избрания на этот пост А.А. Зардари, мужа убитой в результате террористического акта в декабре 2007 г. Беназир Бхутто (в прошлом премьер-министра), обострилась борьба за отмену этой поправки. Однако вплоть до осени 2009 г. такой вопрос в парламенте не обсуждался.

Благодаря действующей поправке президент обладает более значительными полномочиями по сравнению с премьером, выполняя, в частности, многие важнейшие внешнеполитические функции. Как первое лицо страны, он представляет ее на важнейших международных форумах, совершает знаковые поездки за рубеж для переговоров с другими главами государств и правительств.

Облегчает распределение ролей между первыми лицами то обстоятельство, что и президент, и премьер принадлежали к одной партии – Пакистанской народной. Так как Асиф Али Зардари является главой партии, то премьер Юсуф Рaza Гилани, возглавлявший коалиционное правительство, в состав которого входят представители ряда других парламентских фракций, подчиняется ему по партийной линии, и такое положение сохранится в случае перехода от президентско-парламентской к парламентской форме правления. Однако после отмены или существенного пересмотра 17-й поправки роль президента должна уменьшиться, а премьера возрасти.

Что касается организации и институциональных форм внешнеполитического процесса, то Пакистан мало отличается в этом отношении от других государств, особенно связанных с наследием британской колониальной системы. Официальная международная политика осуществляется через бюрократический аппарат федерального уровня. В составе кабинета министров федерации (Пакистан состоит из четырех провинций, столичного округа Исламабад и территории племен федерального подчинения) действует министерство иностранных дел во главе с министром. С весны 2008 г. этот пост занимает Шах Махмуд Куреши. Вторым членом в иерархии является государственный министр по иностранным делам Малик Ахмад Хан². Оба они представители политической и социальной элиты. Ш.М. Куреши с начала 1990-х годов был членом руководства Пакистанской народной партии. Молодой госминистр присоединился к правящей партии лишь в 2008 г. после избрания его в Национальное собрание в качестве независимого кандидата.

Министр иностранных дел Пакистана не является как, например, в Индии и ряде других государств, вторым по рангу министром, но входит в число ведущих представителей кабинета (наряду со специальными советниками в ранге министров, министром обороны, финансов, торговли, информации и т.д.).

Руководство аппаратом МИДа осуществляет секретарь по иностранным делам. Он принадлежит к числу профессиональных дипломатов, прошедших все ступени дипломатической службы. Секретарь по существу является третьим лицом в области внешней политики, своего рода первым заместителем министра иностранных дел. Ему поручают ведение сложных переговоров особенно в сфере отношений с Индией, кураторство процессов, связанных с очень важной для Пакистана Ассоциацией регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК, South Asian Association for Regional Cooperation). Среди занимавших в последнее время пост секретаря по иностранным делам выделяются такие дипломаты, как Абдус Саттар, бывший посол в СССР и ряде других государств, Раджа Кхокхар и некоторые другие. При нынешнем правительстве этот пост занимает бывший посол в Китае Салман Башир.

Министерство состоит из девяти управлений. Одно из них особое, инспекционное (аудита и специальных проектов). Его возглавляет специальный секретарь. Во главе других управлений стоят заместители секретаря. Из этих обычных управлений шесть можно считать территориально-проблемными, одно управление занято политическим планированием и еще одно – административными делами.

В структуре пакистанского МИДа имеются следующие территориально-проблемные управления (divisions): Северной и Южной Америки; Европы; Азиатско-Тихоокеанского региона; Ближнего Востока и Африки; Афганистана и Организации экономического сотрудничества; Организации Объединенных наций.

Двусторонние связи установлены Пакистаном на уровне дипломатических миссий со 110 государствами, но число посольств (миссий) в Исламабаде меньше – 83. Некоторые пакистанские послы возглавляют дипломатические миссии в нескольких государствах, и соответственно не все небольшие государства поддерживают посольские службы в Пакистане.

В ведении управления Американского континента находится всего шесть посольств, но среди них, по сути, главное для внешней политики страны – в Вашингтоне. У европейского

управления 21 посольство, в том числе в России и Украине. В Азиатско-Тихоокеанское управление входит Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия – 21 посольство, в том числе в КНР, Японии и Индии. Глава дипмиссии в Индии, как и в других государствах Содружества наций (по происхождению британского) называется высоким комиссаром. Этот пост – один из самых важных в дипломатической иерархии.

На Ближнем Востоке и в Африке у Пакистана 23 посольства. Среди послов этого региона наиболее распространено «совместительство», т.е. присутствие в ряде соседних и смежных государств. При этом послы Исламабада аккредитованы почти во всех арабских странах, разумеется, в Королевстве Саудовская Аравия и Объединенных Арабских Эмиратах. С Израилем дипотношения не поддерживаются, но в 2000-х годах имели место официальные и неофициальные контакты³.

Организация экономического сотрудничества – один из важнейших пакистанских региональных проектов (особое значение он имел в 1990-е годы). Это отражено и в названии управления, которое координирует работу девяти посольств – в соседнем Афганистане, а также Иране, Турции, Азербайджане и пяти центральноазиатских странах.

Кроме двусторонних, территориальные управления занимаются международными организациями, многосторонней дипломатией. Управление АТР курирует вышеупомянутую СААРК, образованную в 1985 г. Оно же, по всей видимости, занимается приобретающей для Пакистана все большее значение Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). В 2005 г. страна получила там статус наблюдателя и настойчиво стремится стать полноправным членом.

Конституционные и идеологические, доктринальные основы внешнеполитического процесса в Пакистане выражены слабо. В Конституции 1973 г. в качестве одной из исламских заповедей содержится наказ о необходимости поддерживать братские отношения с мусульманскими государствами, крепить единство на общеисламской платформе. Официальные документы типа концепций внешней политики, национальной безопасности или обороны не принимаются. Также не декларируется вопрос о применении или неприменении ядерного оружия.

В основе принятия внешнеполитических решений лежит идеология пакистанского национализма. Она базируется на трех «китах» – исламе, антииндийских настроениях, связанных в пер-

вую очередь с проблемой Кашмира, и на вере в силу армии, в доблесть и боевой дух опирающейся на нее нации. Большое значение для общественного мнения и государственной идеологии имеют факт обладания ядерным оружием и осознание крайней важности геополитического положения страны.

Влияние внутренних сил на принятие решений по внешней политике

Самое непосредственное воздействие на формирование внешнеполитического курса оказывают организованные политические силы, в первую очередь представленные в парламенте партии. При нынешнем режиме власти в Пакистане (как, впрочем, и в условиях предшествующего полу военного устройства) в парламенте, который со временем Зия-уль-Хака называется распространенным в мусульманском мире арабским термином *маджлис-е шура* (совещательное собрание), периодически устраиваются слушания по отдельным вопросам внешней и внутренней политики. Федеральный парламент состоит из двух палат – нижней, национального собрания, и верхней, сената. В дебатах, организуемых главным образом в нижней палате парламента, принимают участие премьер и члены кабинета, в том числе министр иностранных дел.

С мая 2008 г. после распада коалиции двух наиболее популярных в стране политических организаций – Пакистанской народной партии (ПНП) и Пакистанской мусульманской лиги (ПМЛ) – в парламенте существует разделение на проправительственное большинство и значительное оппозиционное меньшинство. С осени того же года оно было закреплено назначением руководителя парламентской фракции ПМЛ на официальный пост лидера оппозиции.

Отметим, что спикером после выборов 2008 г. впервые стала женщина, представитель ПНП Фехмида Мирза. Она активно выступала против нагнетания истерии в отношениях с Индией после кризиса в них, вызванного нападением группы террористов из Пакистана на жителей крупнейшего индийского города Мумбаи (Бомбея) в ноябре 2008 г.

Правящая сегодня в Пакистане партия, как правило, более решительно, чем оппозиция, настроена на борьбу с экстремистами из числа исламистов. И президент, и премьер-министр

в разгар упомянутого кризиса пытались занять наиболее гибкую позицию по вопросу об ответственности Пакистана за злодеяние в Мумбаи, приведшее к гибели более 160 мирных жителей, в том числе иностранцев⁴.

Впрочем, и Мусульманская лига, которую возглавляет бывший премьер-министр Наваз Шариф, выступает против терроризма, хотя делает это более осторожно и не всегда последовательно. Объясняется это главным образом исторически сложившимися связями ПМЛ с легальными происламскими силами, такими как основанная видным пакистанским богословом и общественным деятелем Абул Ала Маудуди организация «Джамаат-е ислами» (ДИ, Исламское общество). ДИ бойкотировала последние выборы в парламент и не представлена в нем. Другие происламские партии получили на выборах менее 10 мест. Ведущая среди них «Джамиат-е улама-е ислам» (ДУИ, Сообщество исламских богословов) по традиции более тяготеет к ПНП, чем к ПМЛ.

Тема борьбы с терроризмом, действующим под флагом исламизма, является исключительно важной проблемой как внутренней, так и внешней политики страны на данном этапе. Подъем воинствующего исламизма наблюдается в пограничной с Афганистаном широкой полосе проживания восточных пуштунов, которые отличаются от западных пуштунов (афганцев) определенными диалектными различиями, а главное, иным историческим опытом и geopolитическими традициями.

В расположеннном по обе стороны от границы пуштунском ареале выделяется территория горских (горных) пуштунов, сохраняющих положение свободных племен, не платящих каких-либо государственных налогов и сборов. Со стороны Пакистана она оформлена в виде выше упомянутой территории племен федерального управления (ТПФУ), составной части федерации.

В зоне горских племен сильны тяга к обособлению, стремление к созданию своего государственно-политического образования («свободный Пуштунистан»). Именно там появилась в 2004 г. организация экстремистов, известная как «Техрик-е талибан Пакистан» («Движение талибов Пакистана»). Стремление к получению самостоятельности и изоляционизму и сотрудничество с «Аль-Кайдой» и контролировавшим большую часть Афганистана в 1996–2001 гг. исламским движением «Талибан» привели к серьезным последствиям внутреннего и внешнего характера.

Значительная часть ТПФУ (особенно Южный и Северный Вазиристан) оказалась под контролем экстремистов. Под их крылом, по данным американской разведки, укрылись лидеры «Аль-Каиды», безнейтрализации которых, как полагают в США, невозможно решение проблемы международного терроризма. В 2007–2008 гг. беспилотные самолеты американских BBC совершили с афганской территории регулярные ракетные атаки на позиции «Аль-Каиды» и пакистанских талибов, нанеся существенный урон террористической сети.

Происходившее при этом нарушение американцами воздушного пространства Пакистана болезненно воспринималось правительством и общественно-политическими кругами страны. Президент Зардари не раз обращался к Вашингтону с просьбой прекратить атаки либо передать беспилотники пакистанцам и использовать их совместно. С теми же требованиями выступали и неправительственные политические круги. Надежды в Пакистане на то, что со сменой администрации в Вашингтоне проблема будет разрешена, оправдались не в полной мере. При президенте Б. Обаме атаки продолжились, но с меньшей интенсивностью.

Зона расселения пуштунских племен, правда, уже не свободных, а подавших в начале XX в. под начало местных князей-пуштунов Свата, Дира и Читрала, захватывает северные области Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП; княжества были ликвидированы и присоединены к провинции в 1970 г.). В этих местах, особенно в долине Свата, обосновалось исламистское движение за установление законов шариата, и связанное с ним местное отделение пакистанских талибов. В феврале 2009 г. положение на северо-западе Пакистана оказалось столь запущенным и угрожающим спокойствию местного населения, что общественное мнение в стране склонилось к политике уступок. Согласие центрального правительства на мирное соглашение с талибами поддержали почти все политические силы. Причем президент, который имел право принять это решение самостоятельно, вынес его на обсуждение обеих палат парламента и подписал указ, только заручившись практически всеобщей поддержкой законодателей⁵.

Однако надежды на умеренность талибов и сторонников шариата не оправдались. Ревнители старины продолжили кампанию дискриминации женщин и борьбы с женским образованием, а экстремисты, собравшись с силами, заняли в конце ап-

реля соседний со Сватом округ Бунер, расположенный всего в 150 км от Исламабада.

В начале мая 2009 г. пакистанская армия перешла в наступление против талибов. Спустя несколько дней после начала боевых действий парламент на специальном заседании единодушно одобрил решения президента и правительства. Активные боевые действия быстро принесли ощутимые плоды. Экстремисты понесли существенные потери и, уклоняясь от прямых столкновений с войсками и полувоенными формированиями, оставили позиции в СЗПП. Заметно уменьшились их активность, контроль и влияние и на территории свободных племен. Армия развернула и в ТПФУ массированные боевые действия, используя авиацию и тяжелую технику⁶.

Уже за первый месяц интенсивных боев пакистанская армия и пограничные формирования сумели нанести крупные потери боевикам, освободив от них округа Бунер и Сват. По утверждениям военных, в ходе боев было убито свыше 1 тыс. экстремистов. С середины июля центр тяжести операций был перенесен в ТПФУ, в округа Баджаур, Южный и Северный Вазирстан. Ракетами американских беспилотников, наведенных на цели агентами из числа местных жителей, в начале августа были ликвидированы предводитель пакистанских талибов Бейтулла Масуд и ряд других видных боевиков. Некоторые другие лидеры были арестованы в ходе специальных операций пакистанскими органами безопасности. Заметные ответные действия (акты террористов смертников) талибы смогли провести лишь в конце сентября.

Успехи пакистанского государства и армии в борьбе с международным терроризмом стали возможными благодаря внутренней поддержке общества, господствующего в стране общественного мнения, осуждающего это зло. Они были высоко оценены за рубежом – в США, Афганистане, Индии и других странах. Особое удовлетворение в Узбекистане вызвало известие о гибели в горах Пакистана лидера узбекских экстремистов Юлдашева.

Что касается общественного мнения, то оно формируется посредством целого ряда инструментов, например, устной и уличной пропаганды и агитации, кинофильмов, проповедей в мечетях и т.п. Наибольшее воздействие, по-видимому, оказывают средства массовой информации, прежде всего телевидение. Число телевизоров в Пакистане быстро увеличилось

за последние годы с 9 до 22 млн., в основном благодаря дешевым приемникам китайского производства⁷. Практически все жители крупных городов имеют возможность смотреть телевизионные передачи. При этом пять государственных телеканалов делят эфир с 15 частными. Среди людей образованных и работающих в сфере профессиональных услуг весьма популярны частные телеканалы, такие как Гео Ньюс, Доон Ньюс, Аадж и др., входящие в давно возникшие концерны средств массовой информации.

На втором месте по степени влияния на общественные настроения находится радио. Радиоприемники, в том числе транзисторные, слушают не только в городах, но и в деревнях, расположенных в малодоступных, глухих местностях. Быстро выросла за последние несколько лет роль Интернета, численность пользователей сети превышает 20 млн. К этому надо добавить взрывной рост использования мобильных телефонов (до 88 млн. штук).

Только третье место среди СМИ занимают органы печатной информации. Грамотностью в Пакистане охвачено лишь 50–60% взрослых жителей. Особенно низка она среди женщин (20–30%). Вместе с тем уровень пакистанской журналистики считается высоким. Существует влиятельная пресса на английском языке (втором официальном после языка урду). Среди ежедневных газет выделяется издающаяся в Карачи «Доон», основанная еще до образования Пакистана. К числу ведущих англоязычных газет относятся ныне столичные «Ньюс» и «Дейли Таймс». Среди газет на урду наиболее популярны «Джанг» («Борьба») и «Нава-и вакт» («Новое время»). Имеется пресса на синдхи и других региональных языках, но их воздействие на настроения интеллигенции и общественное мнение в целом не так велико.

Инструментами воздействия на общественные настроения пользуются, помимо политических партий и организаций, различные социальные слои, институциональные корпорации и профессиональные группы. Особо стоит выделить сословие мусульманских богословов. Они располагают разветвленной системой религиозно-политических организаций, в том числе парламентскими партиями, крупнейшие из которых названы выше. Помимо этого, в их распоряжении многочисленные храмы-мечети (*масджиды*) и учебные заведения-медресе – начальные школы (*мактабы*) и духовные семинарии (*дар-уль-*

улумы). Вместе с тем сословие клириков раздроблено на секты и школы, оно объединяется только перед лицом общей угрозы или вокруг единой цели. Последний раз объединение основных религиозно-политических сил, в том числе шиитских, произошло при президенте Мушаррафе в 2002 г. Их парламентский блок получил название «Муттакида маджлис-е амал» («Объединенный фронт действий»).

Наиболее мощной институциональной корпорацией в Пакистане является армия и вооруженные силы в целом. Роль военных в политической жизни страны освещена в целом ряде зарубежных и отечественных работ⁸. Некоторые исследователи, в том числе пакистанские, полагают, что армия имеет исключительный вес в государственно-политической системе, превращая ее в военно-авторитарную или даже военно- тоталитарную⁹. Военные, как отмечалось выше, не раз устанавливали безраздельный или частичный контроль над управлением страной и их воздействие на принятие внутри- и внешнеполитических решений нельзя не признать крайне существенным или даже решающим.

За время существования военных режимов в Пакистане сложились сильные экономические корпорации, подчиненные офицерскому корпусу, как находящемуся на действительной службе, так и отставному. При этом речь идет не о военной индустрии, а о промышленных и коммерческих предприятиях, декларирующих своей целью заботу о благополучии военно-служащих. Наибольшее число компаний контролируют «Военный фонд» («Фауджи фаундейшн») и Армейский благотворительный фонд. Их дополняют фонды, принадлежащие BBC («Шахин») и BMC («Бахриа»)¹⁰.

Общегражданская бюрократия находится в менее привилегированном положении, хотя первоначально она имела унаследованный с колониальных времен статус «железного каркаса» государства. Сильный удар по ее позициям нанесла административная реформа, осуществленная в начале 70-х годов правительством З.А. Бхутто. Чиновники не имеют обособленной инфраструктуры и системы подготовки своих кадров. По выходе в отставку они в целом менее обеспечены материально, лишены ряда льгот и привилегий, которые дает служба в вооруженных силах. Соответственно, гражданская бюрократия отличается меньшей сплоченностью и способностью оказывать согласованное воздействие на политический процесс.

Профессиональные дипломаты, разумеется, влияют прямо или косвенно на принятие решений во внешнеполитической области. Отчасти они действуют исходя из своих корпоративных интересов, но чаще всего, как и положено профи, ориентируются на политическое руководство, проводя в жизнь его установки и решения.

Пакистан не представляет собой исключение с той точки зрения, что среди его дипломатических работников имеется определенная категория лиц из разведывательных органов. При этом главная разведывательная служба Пакистана входит в качестве составной части в состав ВС. Это – Объединенная военная разведка (OBP, InterService Intelligence, т.е. общая для всех трех видов войск разведка, часто ее название неточно переводят как межведомственная). Созданная в 1948 г., она в дальнейшем, особенно в 80-е годы, приобрела характер не только военной, но и общенациональной службы, во многом в связи с доминирующим местом армии в управленческой системе. Директор ОВР со времен президентства генерала Зия-уль-Хака «докладывает» информацию в первую очередь высшему политическому руководству. При этом также сохраняется его подчинение начальнику штаба армии, который обычно является старшим по званию (полным генералом). Подчиненность армейскому командованию подчеркивается и тем, что генерал-лейтенант, возглавляющий специальную службу ОВР по связям с общественностью (InterService Public Relations Directorate), занимает одновременно пост главного представителя (споконсмена) сухопутных сил. Помимо ОВР, в Пакистане имеется Военная (собственно армейская) разведка, разведки ВВС и ВМС, и ряд гражданских учреждений, в первую очередь Разведывательное бюро и Федеральное агентство расследований, которые часто также возглавляются отставными военными.

Разведывательное сообщество Пакистана, хотя и не представляет профессиональной корпорации, наподобие американской, тем не менее имеет некоторые общие цели и может при определенных условиях оказывать скоординированное влияние на принятие политических решений, в том числе внешнеполитических, связанных с национальной безопасностью, сохранностью ядерного оружия и т.п. Значительной может быть его роль в том, что касается регионального измерения внешнеполитического курса, т.е. отношений с соседями, в первую очередь с Индией, в которой распространено мнение

о прямом или косвенном (через своих отставных офицеров) участии ОВР в подготовке террористов и поддержке исламистских организаций типа «Джамаат-уд-дава» (пропагандистско-благотворительного «Общества призыва»), «Лашкар-е тоиба» («Ополчения чистых», военизированной организации, связанной с первой), «Джаиш-е Мухаммад» («Армии Мухаммада») и др.¹¹

Определенное воздействие на внешнеполитический процесс могут оказывать и другие институционально-профессиональные корпорации, прежде всего судебная и адвокатская. Роль судебных органов в Пакистане достаточно авторитетна, но их влияние на внешнюю политику носит опосредованный характер. То же можно сказать о профессиональных журналистах, обозревателях ведущих изданий, а также о магнатах бизнеса и землевладельческой аристократии.

По мнению ряда исследователей и наблюдателей политического процесса, в стране к концу XX в. сложилась устойчивая правящая группа, известная под английским названием «истеблишмент» (фундамент власти). Группа имеет неформальный характер и состоит из 400–500 лиц, связанных кланово-семейными и социально-институциональными узами. Не все политические лидеры входят в эту группу, где ведущее место занимают «старейшины» – отставные генералы, послы, чиновники, главы крупных землевладельческих и предпринимательских кланов¹². «Истеблишмент» выступает в качестве хранителя государственных традиций, пытается обеспечить стабильность в обществе и независимость внешнеполитического курса.

Заключение

Внешнеполитический процесс в современном Пакистане имеет много общих черт с аналогичными в других государствах. С точки зрения правовых и институциональных форм он особенно близок к организации системы внешнеполитических связей в странах с демократическим устройством, унаследовавших определенные черты британского парламентаризма. Характерным отличием при этом можно считать гипертрофированную роль армии, военной корпорации, в принятии решений в области как внутренней, так и внешней политики.

Структурные слабости, характеризующие сегодня состояние пакистанского государства, определяют повышенную роль иностранных факторов в определении и осуществлении внешнеполитического курса. Исследование конкретного механизма воздействия извне на пакистанский внешнеполитический процесс требует серьезных дополнительных источников информации и усилий. Что касается внутренних факторов, то они в большей степени открыты для анализа и в целом были рассмотрены выше. Общий вывод, помимо уже отмеченного сверхвлияния военных и силовых структур, сводится к констатации зависимости внешнеполитических решений от сложившихся в Пакистане традиций и идеологических установок.

Соотношение между внутренними и внешними детерминантами в дальнейшем будет зависеть от успеха в преодолении страной острой кризисной ситуации. Понятно, что чем слабее государство изнутри, тем сильнее оно подвержено внешнему воздействию и, соответственно, существенней зависимость политических игроков на решающей для вопроса о власти внутренней «площадке» от их позиций на внешнем поле. Острый кризис в Пакистане тесно связан с ситуацией в Афганистане, и справиться с ним помогло бы позитивное развитие положения там, а также динамика и направленность перемен в регионе и мире в целом. Но при всех условиях сохранится тесная взаимосвязь между внутренними и внешними факторами, определяющими внешнеполитический процесс в Пакистане, которую поддерживают глобальная информационная среда, кроссгосударственные политические, экономические и гуманитарные контакты.

¹ См., например: Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана. Основные этапы формирования. М., 1984; Мукимджанова Р.М. Пакистан и империалистические державы. М., 1984; Burke S.M. Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policies. Minneapolis, 1974; Malik H. Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics. N.Y., 1994.

² Сайт пакистанского МИДа –www.mofa.gov.pk

³ Тронов А.М. Лукоянов А.К. Израиль и Пакистан: перспективы сотрудничества и влияния на стабильность регионов//www.iimes.ru/2006-02-03; Israel: Finding a Muslim Ally in Musharraf, Feb.01, 2005//www.stratfor.biz; Zaafir M.S. Secret links with Israel 10 years old: Kasuri//www.jang.com.pk/06-09-2005

⁴ Белокреницкий В.Я. Резня в Мумбаи и обострение борьбы за власть в Пакистане//www.fondsk.ru/07/12/2008; Mumbai terror attacks: India serves demarhe on Pakistan//www.thehindu.com/2008/12/02; Mahmood S. Domestic implications of a conflict//www.thenews.com.pk/26.12.2008

⁵ Truce in Pakistan May Mean Leeway for Taliban//www.nytimes.com/2009/03/06/world/asia/06swat.html

⁶ 1000 Taliban killed in military offensive: malik//www.dailytimes.com.pk/2009/05/18; Taliban ‘confirms Mehsud’s death’//http:news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/820/18/08/2009.

⁷ www.thomascrampton.com/media/salman-iqbal-on-ary-and-tv-in-pakistan; CIA World Fact Book, Pakistan.

⁸ Среди отечественных работ стоит выделить следующие статьи: Москаленко В.Н. Политическая роль пакистанской армии//Армия и власть на Ближнем Востоке. М.,2002, с. 323–355; Плешов О.В. Армия у власти//Азия и Африка сегодня. 2000, № 6, с. 32–34.

⁹ Siddiq A. Military Inc. Inside Pakistan’s Military Economy. Karachi, 2007, с. 2–6.

¹⁰ Ibid, с. 219–242.

¹¹ Летом 2008 г. правительством была предпринята неудачная попытка передать ОВР в ведение министерства внутренних дел.

¹² Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Karachi, 2005, с. 69–70.

С.Н.Каменев

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ ПАКИСТАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Экономическое положение Пакистана вплоть до начала 2010 г. продолжало оставаться крайне неблагоприятным, несмотря на утверждения руководства страны о начавшемся уже в 2009 г. выходе из финансово-экономического кризиса. О сложном положении в национальном хозяйстве Пакистана свидетельствуют как неутешительные итоги завершившегося в конце июня 2008/09 финансового года, так и предварительные оценки положения в экономике страны во второй половине 2009 г. Так, темпы роста ВВП в 2008/09 финансовом году едва достигли 2%¹ (по мнению ряда международных экспертов, они были даже еще меньше). Несмотря на утверждения как премьер-министра Пакистана Гилани, так и президента страны Зардари, что этот показатель составит в 2009/10 г. 3,3%, даже некоторые пакистанские экономисты в этом сомневались. Свои оценки руководство страны основывает на обзоре экономического положения государства в июле-декабре 2009 г., подготовленном Госбанком Пакистана и опубликованном в январе 2010 г.² Однако эксперты Мирового банка полагают, что рост ВВП будет вновь на уровне 2%.

Таблица

90-е годы, усредненный параметр	2000/ 01	2001/ 02	2002/ 03	2003/ 04	2004/ 05	2005/ 06	2006/ 07	2007/ 08	2008/ 09
4,6%	2,0%	3,1%	4,7%	7,5%	9,0%	5,8%	6,8%	5,8%	2,1%

* Составлено по: Pakistan Economic Survey 2007–2008. Islamabad, 2008, Statistical Appendix, с. 2–3; Business Recorder, 13.01.2010.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, после бескровного военного переворота в Пакистане 12 октября 1999 г. и прихода к власти в стране генерала Мушаррафа темпы экономического роста стали постепенно повышаться. Конечно, было бы неверным увязывать напрямую один фактор с другим. И тем не менее от пиковых выбросов роста/падения ВВП в национальном хозяйстве в 90-е годы страна перешла к относительно устойчивому росту, даже несмотря на внутриполитическую нестабильность, где главной причиной, к сожалению, являются террористические акты. Но даже теракты не повлияли, например, на деятельность иностранных инвесторов и не привели тогда к оттоку иностранного капитала из Пакистана.

В то же время после смены власти в стране в 2008 г., избрания 6 сентября 2008 г. президентом Пакистана Асифа Али Зардари экономическая ситуация стала постепенно ухудшаться, что сказалось на темпах экономического роста, которые, как видно из таблицы 1, стали постепенно падать.

Следует отметить, что даже эксперты МВФ и Мирового банка еще осенью 2008 г. прочили Пакистану рост ВВП в 2008/09 финансовом году в размере 3,0% – 3,5%, не говоря уже о том, что специалисты Плановой комиссии страны вообще предполагали увеличение ВВП не менее чем на 5,5%³.

Как заявил в своем интервью в конце 2009 г. заместитель управляющего директора МВФ Такатоши Като, «правительство страны приложило немалые усилия к тому, чтобы стабилизировать ситуацию в экономике, однако положение там продолжает оставаться крайне неустойчивым»⁴.

Тем не менее доход на душу населения, по официальным данным, сократился незначительно – с 1085 долл. в 2007/08 г. до 1045 долл. в 2008/09 финансовом году.

Основными причинами такой ситуации остаются не снижающийся уровень терроризма в стране, а также экономический кризис. Как показали расчеты специалистов пакистанского Института политических исследований, в результате негативного воздействия только этих двух факторов стране в 2008 г. был нанесен ущерб в размере 4,8 млрд. долл. и 2,6 млрд. долл. соответственно⁵. Забегая несколько вперед относительно перспектив выхода Пакистана из финансово-экономического кризиса, заметим, что широкомасштабный опрос общественного мнения, проведенный в ноябре 2009 г. влиятельной пакистан-

ской газетой «Dawn», показал, что 78% респондентов однозначно полагают, что в ближайшие 2 года стране не удастся преодолеть указанный кризис⁶.

По мнению официальных лиц государства, именно терроризм и гигантские затраты на борьбу с ним оказали наиболее негативное воздействие на экономическое развитие страны, и здесь целесообразно привести выдержки из текста основного официального экономического документа – «Обзора экономики Пакистана» за 2008/09 г. «В последние годы существенно замедлилось поступательное движение вперед экономики Пакистана. И одним из главных факторов этого стало активное участие страны в антитеррористической борьбе. После событий 11 сентября Пакистан стал прифронтовым государством. Были разрушены нормальные международные торговые отношения, резко замедлился экономический рост, заметно сократились возможности импорта, снизилась собираемость налогов, сократился приток иностранных инвестиций, замедлился процесс приватизации в стране. В конечном итоге, даже при самой скромной оценке затраты на антитеррористическую деятельность составили, начиная с 2002 г., 35 млрд. долл.»⁷

А в самом конце 2009 г. министр финансов Пакистана Шаукат Тарин, выступая на пресс-конференции в Вашингтоне, заявил, что борьба с терроризмом обходится Пакистану ежегодно в 8,5 млрд. долл.⁸ Мы не будем анализировать такого рода заявления, поскольку очевидно, что указанные цифры приводятся «по максимуму» хотя бы потому, что реально «прочитать» такого рода расходы практически невозможно, а главная цель подобных деклараций заключается в элементарном стремлении получить максимальную помощь как от США, так и от иных потенциальных кредиторов.

Среди других причин сложного положения в экономике страны следует назвать продовольственный кризис, отток иностранных инвестиций из Пакистана (по официальным данным, как минимум 480 млн. долл. в 2008/09 г.), высокий уровень инфляции (по официальным данным, 22%, по неофициальным, почти 30%), падение производства в промышленности (-3,3% и слабые перспективы улучшения ситуации в этой отрасли в 2009/10 г.), крайне незначительный рост сельского хозяйства (2,1%), возрастающий внешнеторговый дефицит (по предварительным оценкам, экспорт страны со-

ставит в 2009/10 г. 18,3 млрд. долл., в то время как импорт превысит 32 млрд.), рост уровня бедности (по оценкам Плановой комиссии Пакистана, сейчас за чертой бедности проживают 36% населения, составляющего приблизительно 175 млн. человек), постоянно растущий внешний долг страны (по состоянию на 1 января 2010 г. он превысил 55 млрд. долл.), некоторые другие причины.

Указанные факторы в последние годы оказали общее негативное воздействие на состояние ведущих отраслей экономики. Отраслевая структура экономики остается неизменной – сельское хозяйство обеспечивает 21% ВВП, промышленность (включая энергетику, строительство и горнодобывающую промышленность) – 26% и сфера услуг (кредитно-денежная система, оптовая и розничная торговля, транспорт и телекоммуникации, администрация и оборона, недвижимость, социальная сфера) – 53%.

Говоря о ситуации в указанных выше сферах экономики, отметим, что наметилось определенное улучшение положения в сельском хозяйстве. Если в 2007/08 г. в нем произошла в буквальном смысле слова катастрофа – рост был лишь 1,1% при среднегодовом приросте населения в размере почти 2%, то в следующем, 2008/09 г. увеличение сельскохозяйственного производства составило уже 4,7%. С одной стороны, это стало следствием сравнительно благоприятных погодных условий, позволивших собрать неплохой урожай основных сельскохозяйственных культур, в первую очередь пшеницы (25 млн. тонн по сравнению с 21 млн. в предыдущем году). Для лучшего понимания ситуации в сельском хозяйстве отметим, что пакистанская статистика относит к основным культурам пшеницу, рис, сахарный тростник, кукурузу и хлопок. Рост урожая этих агрокультур составил в 2008/09 г. 7,7% по сравнению с падением на 6,4% в 2007/08 г.⁹ Однако нельзя не отметить общеизвестный факт, а именно: после крайне низких темпов роста любых отраслей или каких-то отдельных макроэкономических показателей даже незначительное увеличение производства в такого рода областях однозначно ведет к заметному росту в абсолютных единицах, который (рост) затем постепенно нивелируется.

Намного худшая ситуация наблюдается в промышленности страны. Министр финансов Пакистана Шаукат Тарин, представляя в СМИ «Pakistan Economic Survey 2008–09», с горечью

констатировал падение индустриального производства на 3,3% по сравнению с его ростом в 2007/08 г. на 6,4%¹⁰. Вновь, как и в предыдущем году, наблюдался рост мелкой и средней промышленности (на 7,5%), в то время как производство в крупной индустрии сократилось на 7,7% (рост в 2007/08 г. именно в этой сфере составил, по уточненным данным, 4%)¹¹. Как свидетельствуют последние статистические данные, в период с июля по ноябрь в этой сфере наблюдался пусть и крайне незначительный, но все же рост в размере 0,65%. Конечно, если арифметически экстраполировать эту цифру на весь 2009/10 финансовый год, то общий рост крупного промышленного производства составит примерно 1,4%¹².

По нашему мнению, причины такого сложного положения в промышленной сфере те же, которые определили и общее тяжелое положение страны – острая политическая ситуация в Пакистане и как результат – застой в деятельности национальных промышленников, их естественное нежелание вкладывать на нынешнем этапе какие-либо серьезные инвестиции в индустриальное производство, отсутствие стремления к активности со стороны иностранных производителей, отток иностранных инвестиций в условиях нынешней сложной политической ситуации и ряд других причин.

Среди них следует отметить, во-первых, уже упоминавшийся выше разгул терроризма в целом в Пакистане. Было бы неверным полагать, что власти Пакистана, в первую очередь силовые структуры, не борются с террористами внутри страны. Однако пока что в этом поединке перевес на стороне боевиков, особенно в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). По официальным данным руководителей пакистанских силовых структур, только в этой провинции в 2008 г. произошло 475 террористических актов – террористических взрывов, подрывов террористов-самоубийц, действий снайперов и т.п. Опрос населения Пакистана расположенным здесь же отделением службы Геллопа показал, что лишь 9% пакистанцев верят, что в 2009 г. и 2010 г. ситуация в этой сфере в стране может как-то стабилизироваться¹³.

Как ни парадоксально, зафиксирована также и весьма сложная ситуация в сфере услуг, где практически всегда наблюдались рост и относительная стабильность в отличие от широких амплитудных колебаний в реальном секторе экономики. Не углубляясь в детали, мы лишь констатируем ре-

альные факты и назовем главную причину негативного положения в указанной области – непосредственное влияние мирового финансово-экономического кризиса. Общий рост в указанной сфере составил в 2008/09 г. лишь 3,6% (при планировавшихся наметках в размере 6,1%), а увеличение добавленной стоимости в оптовой и розничной торговле не превысило и 3% по сравнению, например, с 5,3% в предыдущем, 2007/08 г.

А вот деятельность кредитно-денежной системы, как и следовало ожидать, потерпела полное фиаско – здесь наблюдалось падение на 1,2%. И никакие, принимавшиеся ранее как правительством страны в целом, так и Госбанком Пакистана, в частности, меры по удержанию этой системы в равновесии каких-либо позитивных результатов не принесли: ряд небольших банков элементарно лопнул, курс рупии по отношению к доллару продолжал медленное, но верное падение и составлял по состоянию на конец января 2010 г. почти 85 рупий. Для сравнения отметим, что если во время военного режима Перvez Мушаррафа курс рупии колебался практически на одном уровне – примерно 60 рупий за 1 доллар США, то с конца 2007 г. началось постепенное падение пакистанской рупии: в январе 2008 г. курс упал до отметки в 62,5 рупии за 1 долл., в мае того же года – 68 рупий, а в сентябре 2008 г. курс рупии к доллару США скатился до отметки в 77 рупий. В 2009 г. наблюдалась аналогичная картина, завершившаяся в декабре прошлого года показателем в 84 рупии за 1 доллар¹⁴.

Но наиболее неприятным последствием (в первую очередь для средних, а тем более бедных слоев населения) был и остается высокий уровень инфляции: по официальным данным, в 2008/09 финансовом году она составила 21% (в 2007/08 г. – около 11%); если разделить этот показатель на продовольственные и непродовольственные товары, то окажется, что рост цен на продовольствие составил почти 27%, а на другую категорию товаров – 19%. Отметим при этом, что в предыдущем финансовом году эти показатели были существенно ниже – соответственно 15% и 7%. Пока в первой половине 2009/10 финансового года (июль-декабрь 2009 г.) инфляция, как декларируют официальные экономические ведомства страны, составляла 10%. Но впереди еще вторая половина, январь-июнь 2010 г., в рамках которой ситуация может реально измениться и отнюдь не в позитивную сторону¹⁵.

И еще один фактор постоянно оказывает негативное влияние на состояние экономики страны. Это уровень бедности и нищеты. Несмотря на реализацию в течение последних десятилетий правительственной Программы по борьбе с бедностью, обстановка здесь практически не меняется. Как отмечалось выше, по расчетам экспертов Плановой комиссии Пакистана, в стране с населением численностью примерно в 175 млн. человек 35% проживают ниже черты бедности. Однако по данным официального «Обзора экономики Пакистана», за последние годы этот параметр не превышает 22%. Одновременно в соответствии с выборочным обследованием семей по различному уровню доходов, проведенному специалистами пакистанского «Центра исследований и безопасности», процент населения страны, проживающего чуть выше и ниже черты бедности, достигает 70% (!)¹⁶. Чтобы было понятно, что для Пакистана означает черта бедности, отметим здесь же, что это – ежедневный доход в размере не более 2 долларов США (160 пакистанских рупий в среднем во второй половине 2009 г.). Также приведем данные о ценах на основные продукты питания (т.к. в распределении потребительских расходов низших слоев населения страны в настоящее время примерно 70–80% затрат составляют именно расходы на покупку продовольственных товаров), поскольку это дает общую картину бедности в Пакистане.

Итак, цены по состоянию на середину 2009 г.: пшеничная мука – 30 рупий за 1 кг (далее, если не оговорено особо, цена приводится за 1 кг), рис сорта «басмати» – 110 рупий, различные сорта бобовых – 55–125 рупий, говядина – 170 рупий, баранина – 320 рупий, курица бройлерная – 106 рупий, яйца (дюжина) – 54 рупии, сахар – 48 рупий, растительное масло (1 литр) – 140 рупий, картофель – 23 рупии, лук репчатый – 35 рупий, помидоры – 40 рупий¹⁷. Естественно, что мы технически не имеем возможности привести полностью весь ценовой ряд на продовольственные товары, но общая картина в целом ясна.

Конечно, бедные слои населения не имеют возможности покупать на регулярной основе то или иное мясо или курицу, или даже рис. В основе рациона их питания лежит пшеничная мука, точнее разного рода лепешки, широко используется дешевое растительное масло, картофель, репчатый лук, специи и др. Учитывая природные климатические условия, пакистанскому жителю не приходится тратить значительные средства на промышленные потребительские товары, в первую очередь одежду –

дневная температура января, например, в столицах провинций (кроме Кветты) редко падает ниже +15 +20 градусов.

Незначительное общее экономическое благополучие в последние годы было достигнуто практически лишь за счет внешней помощи (например, ее объем превысил в 2008/09 г. 10 млрд. долл.), а также поступлений от пакистанцев из-за рубежа.

Говоря о последней категории доходов, следует подчеркнуть, что они играют важную роль в обеспечении существования малообеспеченных и даже средних слоев пакистанского общества. Общая сумма такого рода поступлений составила в 2008/09 г., например, 7,7 млрд. долл. (по неофициальным данным, превысила 9 млрд. долл., учитывая нелегальные способы переправки денег в Пакистан), в то время как в предыдущем году она равнялась 6,5 млрд. долл.

Основная часть средств в указанном финансовом году поступила, как и ранее, из США – 1,725 млрд. долл., 1,663 млрд. – из ОАЭ, 1,535 млрд. – из Саудовской Аравии, 1,195 млрд. предоставили Бахрейн, Кувейт, Катар, Оман вместе взятые, 586 млн. долл. получены из Великобритании, 245 млн. долл. – из стран ЕС¹⁸.

Ожидается, что поступления от пакистанцев из-за рубежа составят в 2009/10 г. приблизительно 9 млрд. долл.

Что касается иностранной помощи, то, как отмечено выше, ее размеры только в 2008/09 г. превысили 10 млрд. долл. По предварительным данным, эта сумма достигнет 13 млрд. долл. в 2009/10 г. Здесь ведущую роль играют МВФ, Мировой банк, Азиатский банк развития и США.

По словам Директора Мирового банка по странам Юсуфа Крукеса, Пакистан получил в 2006–2009 гг. в рамках выполнения Программы стратегической помощи 4,63 млрд. долл. Он же сообщил, что в рамках Программы партнерства Пакистан получит в 2010–2013 гг. уже большую помощь – в размере 6,5 млрд. долл.¹⁹ Следует также упомянуть факт предоставления помощи Исламабаду целевым назначением на конкретные проекты. Например, летом 2009 г. были подписаны два соглашения о выделении банком помощи Пакистану на сумму в 135 млн. долл. для борьбы с полиомиелитом и бедностью в стране; или 50 млн. долл. на проведение ирригационных работ в Синде²⁰.

Существенную помощь оказывает и МВФ. Здесь следует сказать в первую очередь о принятом и целенаправленно

выполняемом решении об оказании в 2009–2010 гг. помощи Пакистану в размере 7,6 млрд. долл. Эта помощь предоставляется поэтапно, транш за траншем, каждый из которых в среднем представляет собой сумму в 1,2 млрд. долл. Очередной, четвертый по счету транш, был предоставлен в самом конце минувшего года; следующая «порция» намечалась на апрель 2010 г. Более того, летом прошлого года, ссылаясь на углубление финансово-экономического кризиса, Исламабад поставил перед руководством Фонда вопрос о дальнейшем выделении ему новой кредитной линии общим объемом 4 млрд. долл.²¹

Также немалую помощь Пакистану оказывает и Азиатский банк развития. В 2009 г. была принята 4-летняя программа оказания помощи Пакистану в размере 1,5 млрд. долл. с целью восстановления его экономики в рамках борьбы с финансово-экономическим кризисом, серьезно сказавшимся на национальном хозяйстве страны. Уже в июне 2009 г. АзБР выделил Исламабаду в рамках реализации этой программы 500 млн. долл.²²

Не менее весомой является целевая помощь банка в сфере энергетики, где Пакистан испытывает серьезные трудности, связанные в первую очередь с острой нехваткой электроэнергии. Летом 2009 г. между руководством АзБР и Исламабадом была достигнута общая договоренность об оказании долгосрочной экономической помощи в размере 5,6 млрд. долл., из которых 2,166 млрд. долл. предназначены именно на решение проблем в этой области²³.

И, конечно, значительную экономическую помощь оказываю Пакистану США. Здесь на первом плане находится утвержденный Сенатом законопроект Керри-Лугара о ежегодном выделении Пакистану помощи в размере 1,5 млрд. долл. в течение 5 лет, начиная с 2010 г. Однако при этом Исламабад должен выполнить целый ряд требований Вашингтона, связанных с необходимостью эффективной реализации предоставляемой помощи. Среди них – регулярные отчеты соответствующим управляющим американским экономическим агентствам о расходовании выделяемых средств, обязательная поддержка пакистанским государством инфраструктурных проектов, особое внимание должно быть уделено Зоне племен федерального административного управления (FATA), эффективный транспарентный контроль над пакистанской армией и спецслужбами, поскольку некоторых высоких руководителей в этих структурах американ-

ская сторона подозревает в связях с талибами, увеличение размеров средств на борьбу с терроризмом, расширение системы светского образования в стране, максимальная помощь беженцам из Свата, а также других районов Пакистана и др.

Помимо этого Вашингтон учреждает специальные фонды, а также выделяет Пакистану одноразовую помощь на те или иные цели. Так, в мае 2009 г. США учредили Специальный фонд помощи Пакистану в борьбе с терроризмом, откуда ежегодно выделяются 400 млн. долл. (практически это военная помощь, включающая обучение и специальную подготовку подразделений по борьбе с терроризмом). В середине 2009 г. США к 310 млн. долл. помощи беженцам добавили еще 200 млн. долл., в мае 2009 г. Вашингтон выделил 900 млн. долл. для обеспечения безопасности дипломатических миссий (в первую очередь США), в начале мая 2009 г. Хилари Клинтон призвала американских сенаторов выделить экономическую помощь в размере 500 млн. долл.²⁴

Подобный список может быть продолжен, тем более, что туда входит большое число других государств – Великобритания, Китай, Япония, Саудовская Аравия, ОАЭ и др. Но здесь главное уяснить, что резкое повышение размеров предоставляемой Исламабаду помощи обусловлено практически одним единственным фактором – тем, что Пакистан является своего рода прифронтовым государством и ведет активную борьбу с талибами, как бы его не обвиняли в слабой деятельности в этом направлении.

И в заключение нельзя не упомянуть еще об одной организации, оказывающей социально-экономическую помощь Пакистану. По крайней мере, обещающей оказать значительную помощь такого рода Исламабаду. Это – «Друзья демократического Пакистана», организация, созданная 26 сентября 2008 г. в рамках 62-го заседания Генеральной Ассамблеи ООН, куда входят Австралия, Канада, Китай, Германия, Великобритания, США, Турция, Япония, Саудовская Аравия, ОАЭ, Италия, представители ООН и ЕС.

Прошло уже несколько заседаний этой организации и, в частности, на третьем ее заседании 17 апреля в Токио Пакистану была обещана экономическая помощь от США и Японии в размере по 1 млрд. долл. соответственно от каждой страны, а также 700 млн. долл. от Саудовской Аравии. Кроме того, в предварительном порядке Пакистан представил целый спи-

сок проектов на сумму в 30 млрд. долл., которые он хотел бы реализовать в течение предстоящих 10 лет.

На следующем заседании в Стамбуле в конце августа 2009 г. пакистанская сторона заручилась обязательством государств, входящих в эту организацию, рассмотреть на первом этапе ряд проектов общей стоимостью 5,2 млрд. долл., что несколько конкретизировало деятельность этого объединения. Здесь же Исламабад представил для рассмотрения свою 5-летнюю стратегию получения помощи со стороны этой организации.

Уже через месяц, в конце сентября прошлого года состоялось аналогичное заседание в Нью-Йорке, в ходе которого основное внимание было уделено развитию социальной сферы, а именно, был определен перечень конкретных проектов в этой области, и ряд государств выразил непосредственную готовность в них участвовать – Италия готова предоставить 100 млн. долл. на указанные цели, Великобритания выделила 74 млн. долл. на восстановление районов, граничащих с Афганистаном, намечены и другие цели. Мы не будем далее развивать эту тему, поскольку она достаточно подробно разработана нашими коллегами²⁵. Хотелось бы остановиться лишь на двух позициях.

Первое. Министр финансов Пакистана Шаукат Тарин, выступая 30 декабря 2009 г. перед представителями средств массовой информации, подчеркнул, что после многочисленных переговоров с государствами, входящими в организацию «Друзья демократического Пакистана» как на двусторонней, так и многосторонней основе, на практике вопрос об оказании помощи почти не сдвигается с мертвой точки. За время существования этой организации Пакистан получил 632 млн. долл. вместо обещанных 5,2 млрд. долл. Первая указанная сумма включала 320 млн. долл. от Исламского банка развития, 200 млн. предоставила Саудовская Аравия, 50 млн. – Азиатский банк развития, 44 млн. – США, 10 млн. – Турция и 8 млн. долл. – Германия²⁶.

Второе. Уже не раз у экспертов, занимающихся изучением Пакистана, возникает резонный вопрос: А почему бы России не вступить в эту организацию в качестве наблюдателя? Сейчас весьма подходящий для этого момента с политической, да и с экономической точки зрения. К власти в Пакистане пришли новый президент и новое правительство, Исламабад давно стремится улучшить двусторонние отношения как на политиче-

ском уровне, так и развивать их в экономической сфере, а также начать вести переговоры о возможном военно-техническом сотрудничестве, пусть и в ограниченном варианте, приемлемом для России. Москва же демонстративно уходит от реальных действий по расширению наших связей, отделяясь полупустыми разговорами (малозначимый визит премьер-министра М. Фрадкова в Пакистан в апреле 2007 г., когда были подписаны лишь 3 несущественных документа, – лишнее тому подтверждение). Приглашение российскому президенту посетить Пакистан, сделанное еще в феврале 2003 г. во время визита в Москву президента Перvez Мушаррафа, так и осталось нереализованным, хотя после этого В. Путин неоднократно посетил Индию.

На наш взгляд, бессмысленно России смотреть с опаской на Дели, опасаясь ее гнева в случае расширения связей с Пакистаном. Индия давно уже не считает необходимым осуществлять сотрудничество во многих сферах только с Россией или преимущественно с Россией. Достаточно упомянуть недавнее соглашение с США о сотрудничестве в области атомной энергетики, сказать о массированных закупках электроники в военных целях у Израиля и т.п. А игнорировать России государство с населением около 175 млн. человек, расположенное в geopolитически и географически важном месте земного шара (хотя бы учитывая соседство Пакистана с Афганистаном, Индией и Китаем), просто неразумно.

И в заключение следует немного сказать о перспективах экономического развития страны, хотя в рамках нынешнего финансово-экономического кризиса говорить на эту тему весьма сложно. Поэтому мы здесь ограничимся лишь статистикой, не комментируя представленные данные. Темпы экономического роста составят в 2009/10 г., по мнению уже упоминавшегося министра финансов Шауката Тарина, 3,4% (планировалось первоначально 3,3%, а в середине финансового года эта цифра снизилась до 3%), увеличение сельскохозяйственного производства ожидается в размере 2,5% (по плану 2%), промышленности – 5,5% (по пересмотренному в сторону сокращения плану – 3%). И, наконец, внешнеторговая деятельность: экспорт составит скорее всего 17,2 млрд. долл. (планировалось 19,07 млрд. долл.), в то время как импорт – 33,9 млрд. долл. (по плану – 36,56 млрд. долл.). Каковы будут эти показатели в реальной действительности, можно узнать предварительно

в конце июня 2010 г., а наверняка – в лучшем случае после публикации годового отчета Госбанка за весь указанный год уже в начале 2011 г.²⁷

¹ Pakistan Economic Survey 2008–2009. Islamabad, 2009, p. i.

² Business Recorder, 13.01.2010.

³ Business Recorder, 11.06.2008; 20.01.2009.

⁴ PakTribune, 29.12.2009.

⁵ Sharif M. Rising Cost of Terrorism, the Energy Crisis // Business & Finance Review, 2.11.2009.

⁶ Dawn, 16.11.2009.

⁷ Pakistan Economic Survey 2008–2009. Islamabad, 2009, p. ii.

⁸ Business Recorder, 30.12.2009.

⁹ Pakistan Times, 25.12.2009; Жмуйда И.В., Морозова М.Ю.

Продовольственный кризис в Пакистане: причины и последствия – www.iimes.ru. 24.06.2008.

¹⁰ Business Recorder, 12.06.2009.

¹¹ Ibid.

¹² Dawn, 30.01.2010.

¹³ Terror Stalked the Streets of Pakistan in 2008. – www.pager@crss.pk. 7.01.2009.

¹⁴ The News, 20.01.2008; 13.05.2008; Business Recorder, 20.09.2008; 1.12.2009; 1.02.2010.

¹⁵ The News, 29.01.2010; Sharif M. Surge in Food Inflation and its Implications // Business & Finance Review, 14.09.2009; Business Recorder, 10.07.2009.

¹⁶ Mian Aqeeluddin. Evaluation of Social Safety Nets // Business & Finance Review, 25.01.2010.

¹⁷ Составлено по: Pakistan Economic Survey 2008–2009. Islamabad, 2009, с. 115.

¹⁸ Business Recorder, 12.06.2009.

¹⁹ Business Recorder, 27.01.2010.

²⁰ Business Recorder, 4.07.2009; 2.07.2009.

²¹ Business Recorder, 30.12.2009.

²² Business Recorder, 27.06.2009.

²³ Pakistan Times, 27.05.2009.

²⁴ Dawn, 4.06.2009; 28.05.2009; 1.05.2009; Pakistan Times, 23.05.2009.

²⁵ См., например: Сотников В.И. К итогам Конференции «Друзей Демократического Пакистана» и доноров помощи Пакистану в Токио, Япония. – www.iimes.ru. 21 апреля 2009 г.; Замараева Н.А.

Стамбульская конференция «Друзей Пакистана» – www.iimes.ru.
2 сентября 2009 г.; Замараева Н.А. Нью-Йоркская конференция
«Друзей Пакистана» – www.iimes.ru. 12 октября 2009 г.; The News,
19.08.2009.

²⁶ Business Recorder, 30.12 2009; 29.01.2010.

²⁷ Business Recorder, 29.01.2010.

И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ В ПАКИСТАНЕ**

Для наркобизнеса в самом Пакистане сейчас наступили не лучшие времена, особенно если вспомнить 80-е годы, когда страна появилась на мировом рынке как один из крупнейших производителей и торговцев наркотиками. Это было связано с изменением геополитического положения на Ближнем Востоке в связи с революцией в Иране и войной в Афганистане, что привело к нарушению традиционной системы по транспортировке, переработке в районах, где выращивались мак и конопля в Иране и Афганистане. Специалисты считают, что в это же время началось широкое сотрудничество пакистанских произ-

* Знакомство населения Пакистана с наркотиками относится к далекому прошлому. Первое упоминание о конопле (чарасе) и индийской конопле (бханге) относится к ведическим временам. В те времена наркотики употреблялись во время религиозных церемоний и празднеств, главным образом среди высших Варн, брахманов и кшатриев.

В период мусульманского правления на Индийском субконтиненте наркотики стали употребляться более широко, при этом верхушка правящих кругов предпочитала опийные, а низшие слои – конопляные интоксикаторы. Наибольшее распространение употребление наркотических средств и одурманивающих напитков получило среди уличных факиров, пирров, лиц, связанных с проведением религиозных обрядов, а также врачей («хакимов» и «ваидов»), пользовавшихся системой восточной медицины. Т. е. таким образом, население Пакистана было издавна знакомо с наркотическими средствами, однако, употребляла их лишь небольшая прослойка населения.

В период правления Великих Моголов (XVI в.) и английского владычества опиум вывозился в Персию, Среднюю Азию, а позже в Китай, страны Дальнего Востока и Европу уже как товар, приносящий огромные доходы.

водителей с международной наркомафией. Прибывшие под видом туристов «специалисты» из Германии и Франции помогли наркодельцам создать в СЗПП и Карачи сеть прекрасно оборудованных лабораторий по производству чистого морфина, число которых достигало ста. Предпринимавшиеся властями попытки по «физическому» уничтожению лабораторий успеха не имели: либо подобные лаборатории воссоздавались в недоступных районах Пакистана, либо перекочевывали на территорию соседнего Афганистана. Ныне практически все они располагаются вдоль границы с СНГ и Пакистаном и в нем, включая в Карачи. Поскольку выращивание мака давало возможность бедному населению получать реальные деньги, а контроль за посевами со стороны властей был неэффективным, к тому же географическое положение страны позволяло вывозить наркотики на мировые рынки, а прибыли наркоторговцев были колоссальными, борьба с этим злом была крайне сложной. К середине 80-х годов в стране производилось более 800 т опиума в год.

Героиновый бум заставил правящие круги Пакистана, которые в это время начали проводить политику исламизации, принять в 1979 г. Закон (худуд), запрещающий производство, продажу и употребление наркотиков как противоречащих исламским канонам. Однако в стране было распространено мнение, что президент Зия-уль-Хак и его окружение, введя этот закон, больше заботились об укреплении власти, чем о чистоте нравов и здоровье населения. И все-таки принятый закон заставил производителей наркотиков быстро избавиться от запасов опиума в стране, что и привело к широкому вывозу его на мировой рынок.

Рост наркомании на Западе заставил обратить внимание международных организаций на необходимость ликвидации этого источника зла, и с 1976 г. они начали предоставлять Пакистану помочь для уничтожения посевов мака и его переработки. До 2000 г. на эти цели им было получено 218 миллионов долларов. Эти средства частично были утаены чиновниками, а частично направлены в сельские районы для замены посевов мака на альтернативные культуры (пшеницу, рапс и др.). Так, в 2000 г. Западом и Японией было выделено только для округа Дир 145,3 млн. рупий на замену мака на пшеницу и развитие инфраструктуры.¹

Пакистан подписал все основные международные документы, касающиеся наркотиков. Так, им была подписана Кон-

венция ООН по наркотическим веществам от 1961 г. и по психотропным средствам от 1971 г.

Пакистан подписал также Конвенцию против незаконной торговли наркотическими веществами и психотропными средствами в 1988 г. Власти страны выражали поддержку мировому сообществу в принятии и других мер, касающихся наркотиков. Делегация Пакистана активно участвовала и в принятии «Политической Декларации» на сессии ООН по проблеме наркотиков, состоявшейся 8–10 июня 1988 г.

Еще 80 лет назад был подписан международный договор о контроле за наркотиками, а в 1999 г. был создан Международный совет по контролю за наркотиками, который в своем докладе в 1999 г. подчеркивал, что «главные цели всех конвенций ООН состоят в ограничении использования наркотических средств только в медицинских и научных целях... для облегчения болей и страданий и в этом смысле производство наркотиков возможно».²

Власти Пакистана всегда принимали активное участие в различных международных организациях по проблеме наркотиков. После получения независимости страна присоединилась (еще в 1954 г.) к международному протоколу по опиуму (1953 г.), который позволял в дозированных количествах выращивать мак и коноплю. За 20 лет (1955–1975 гг.) легальное производство ежегодно составляло 7,19 метрических тонн. В последующие годы в связи с увеличившимся спросом на мировом рынке и в регионе производство выросло более чем в 100 раз, достигнув в 1979 г. 800 тонн, а в последующие годы производство опиума значительно варьировалось: со 125 тонн в 1980–81 г. до 40 тонн в 1984–85 г. и 130 тонн в следующем году. В 1991–92 г. производство выросло до 181 т, а затем упало благодаря усилиям властей до 110 тонн в 1994–95 г. и 28 тонн в 1995–96 г. В конце 90-х годов в стране производилось от 16 до 17 т опиума. Размеры посевов и сборы конопли (канабис) все это время были практически стабильными, а в 2000–01 г. производство опиума сократилось до 6 метрических тонн.³

В стране была разработана стратегия по контролю за наркотиками, включавшая сокращение площадей под маком, канабисом и др., борьбу с контрабандой, ликвидацию лабораторий, уменьшение числа лиц, употребляющих наркотики. Но если площади под наркокультурами сократились, то с контрабандой наркотиков и ростом наркомании справиться не удавалось.

Еще за год до прихода к власти П. Мушаррафа в стране был разработан пятилетний «Мастер-план по контролю за злоупотреблением наркотиков (1998–2003 гг.)», который представлял собой главный документ, определявший размеры площадей под маком, сборы от которых могли не только покрывать местные медицинские потребности, но и официально экспортirоваться по лицензиям, принося доход казне, как это делается в Индии и Австралии. «Мастер-план» предусматривал вложения 2832 млн. рупий со стороны центрального и провинциальных правительств и международных организаций.⁴

Нынешние власти Пакистана активно вступают в контакты с другими странами в общей борьбе с наркотиками и их производством. Ими подписаны соглашения о контроле за перевозкой наркотиков с 9 странами, с семью – меморандумы о взаимопонимании и с 28 странами – договоры об экстрадиции наркокурьеров. Летом 2004 г. в Исламабаде состоялось заседание пакистано-индийской двусторонней группы по борьбе с контрабандой наркотиков. Стороны обсудили ситуацию на пакистано-индийской границе, меры по борьбе с наркотрафиком, возможность обмена оперативными данными. Начала работу и Совместная комиссия с Афганистаном по борьбе с контрабандой наркотиков из этой страны, где всего за год их производство возросло в 18 раз и достигло в 2002 г. 3400 т.⁵

Достаточно успешным является сотрудничество с Россией. Первоначально проект Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков был согласован в июле 1994 г. во время официального визита в Москву министра иностранных дел Пакистана С.А. Ахмад Али. Подписание соглашения, равно как и договора о сотрудничестве между Россией и Пакистаном, предполагалось осуществить во время официального визита в Россию премьер-министра Б. Бхутто. Однако сроки этого визита так и не были определены. В феврале 1997 г. после очередных парламентских выборов кресло Б. Бхутто занял Наваз Шариф, а на пост министра иностранных дел в его правительстве был назначен Гохар Айуб-хан (сын Мухаммада Айуб-хана – президента Пакистана в 1959–1968 гг.). Г. Айуб-хан посетил Москву с официальным визитом в июле 1997 г., по итогам переговоров было подписано несколько документов, в том числе и Соглашение от 8 июля 1997 г. о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими.

Россия и Пакистан договорились о сотрудничестве в соответствии с законодательствами обоих государств, Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г., Конвенцией о психотропных веществах 1971 г. и Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Стороны обязались оказывать друг другу содействие в предотвращении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Компетентным органам поручалось проводить по взаимной договоренности консультации, а также обмениваться подробной информацией о лицах, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, о соответствующих случаях изъятий. Они также договорились содействовать обмену информацией в этих областях и осуществлять обмен специалистами. Как было запротоколировано в заключительной части документа, «настоящее Соглашение заключается на десять лет, вступает в силу со дня подписания и будет действовать до истечения шести месяцев со дня уведомления одной из Сторон о своем намерении прекратить его действие».

За прошедшее десятилетие ни одна из сторон не заявила о намерении прекратить действие соглашения. После прихода к власти в Пакистане в октябре 1999 г. генерала Перvez'a Mu-sharrafa все соглашения, достигнутые ранее между Россией и Пакистаном, сохранили свою юридическую силу, однако формально срок действия данного соглашения завершился летом 2007 г. Особое значение вопросу о немедленном продлении соглашения на новый десятилетний срок придала кризисная ситуация в Афганистане.

Согласно данным, приводимым в декларации, принятой на международной конференции «О путях доставки наркотиков из Афганистана» (Москва, 26–28 июня 2006 г.), общий годовой объем производства опиатов в Афганистане по-прежнему составляет более 400 т в героиновом эквиваленте. В том же документе отмечена настоятельная необходимость укрепления сотрудничества между Афганистаном и его соседями в целях создания современной и эффективной системы управления границами.

Согласно результатам исследований, проводившихся ООН, другими международными организациями и компетентными национальными органами, незаконный оборот опиатов, прежде всего героина, приводит к распространению наркома-

нии в странах, расположенных вдоль маршрутов транзита наркотиков. Это относится в первую очередь к странам Центральной, Южной и Западной Азии, а также Восточной и Центральной Европы. И если через Россию проходит северный маршрут афганского наркотрафика, то Пакистан пересекает его южное направление.⁶

В 2000 г. П. Мушарраф объявил, что производство наркотиков прекращено, назвав это большой победой. Международные организации также отнесли Пакистан к государствам, не производящим наркотические вещества. Однако страна по-прежнему осталась перевалочным пунктом для афганских наркотиков. Вообще же режим П. Мушаррафа значительно усилил борьбу с контрабандой и захватом перевозчиков гашиша и героина на территории страны. Так, в 2001 г. в Белуджистане были задержаны 904 перевозчика, конфисковано 6191,8 кг героина, 3319,2 кг опиума и 26825,4 кг гашиша. На приграничных территориях был 51 случай захвата и конфискации 2144,4 кг героина, 2384,0 кг опиума и 8975,3 кг гашиша, что составило 34,6; 71,8 и 33,5% всего количества наркотических веществ в Белуджистане, соответственно. Аресты наркокурьеров продолжаются ежегодно. Так, только за один 2008–09 финансовый год Антинаркотические силы Пакистана арестовали 1018 контрабандистов, из которых более 150 оказались иностранцами и 867 местными жителями (в 2008 г. было поймано 808 чел., из которых 124 были иностранцами). Правительство Пакистана предпринимает определенные шаги для борьбы с наркоманами особенно среди молодежи и создало 27 специальных полицейских постов в различных городах страны.⁷

Власти особенно активно начали вести борьбу с выращиванием наркотиков с 1999 г., добившись (о чем уже упоминалось) положительных результатов. В 2000 г. было запрещено использовать наркотики даже в медицинских целях. Было поймано несколько местных и международных банд, занимавшихся наркотрафиком, причем к искоренению производства наркотиков и их потребления было привлечено более 100 неправительственных организаций. Для усиления этой борьбы значительно было усилено законодательство, суды рассмотрели сотни дел, наказав перевозчиков и торговцев приговорами от пожизненного заключения до смертной казни. Особенно активной их работа была в Панджабе, где число хронических наркоманов превышает 45% от общего количества в стране.

Тревогу властей вызывает наркомания не только потому, что ею захвачены молодое поколение и женщины, но еще и потому, что ее сопровождает рост преступности, коррупции, «черного» рынка, больных СПИДом (их число перевалило за 70 тысяч). Власти делают попытки сократить число наркоманов, помещая их в больницы и реабилитационные центры, которых явно не хватает. Ведь они могут обслужить не более 10% общего количества больных.

Очевидно, что рост наркозависимых в Пакистане связан как с дешевизной и доступностью наркотиков, так и прежде всего с экономическими и социальными проблемами, нерешенность которых сейчас и неверие в их ликвидацию в будущем толкают людей к этой своеобразной форме социального протesta, к желанию забыться от тягот повседневной жизни.

Помимо общенациональных мер по борьбе с наркоманией, включающих усиление религиозного давления на наркоманов через проповеди мулл, использование книг, электронных средств и учебников, рассказывающих о вреде наркотиков, в стране разработаны 19 схем, 14 из которых уже действуют и на выполнение которых выделено 7,5 млн. рупий.

Учитывая остроту проблемы наркомании, различные организации проводили специальные обследования в различных районах страны, в сельской и городской местности, среди разных слоев и прослоек населения, возрастных групп и пришли к весьма неутешительным выводам. 71,5% из числа употребляющих наркотики составляют молодые люди до 35 лет, причем большая часть в возрастной группе 26–30 лет. 60% людей, потребляющих наркотики, грамотные. Примерно столько же занятых потребляет наркотики, в том числе: 14,1% – торговцы, 10,9% – сельские рабочие и 11,4% – студенты.

Обследование, проведенное руководством Антинаркотических сил, показало, что 68,6% наркоманов впервые познакомились с «зельем» через друзей, 15% – через случайных знакомых и торговцев и 9% – в семье. Что касается состава наркотиков, то 51,2% используют героин, 29,5% – гашиш, остальные – транквилизаторы, другие опийные вещества, а также алкоголь.⁸

В последние годы в пакистанских СМИ публикуются только оценочные данные о некотором сокращении числа наркоманов. Они сосредоточивают внимание на транспорти-

ровке афганских наркотиков через территорию Пакистана. В настоящее время существуют три канала наркотрафика: авиационный путь (базы НАТО), северный и южный. Согласно данным А.А. Куртова, сотрудника Института стратегических исследований, в то время как перевозка наркотиков в Китай и Иран осложнена крайне суровыми мерами, действующими в этих странах, вплоть до смертной казни, южные маршруты через Пакистан остаются основными и через них значительная часть афганских наркотиков попадает на Балканы и затем в Европу. Все более значительным становится и северный маршрут, когда наркотики из Джелалабада направляются в Пешавар (через СЗПП, где контроль за ними крайне ограничен), а из него различными видами транспорта (включая голубей) вывозятся через перевалы сначала в Таджикистан (его Нагорно-Бадахшанскую автономную область) и далее в Центральную Азию и Российскую Федерацию, где до 90% всех наркозависимых людей употребляют афганские наркотики.⁹

Производство опиатов после отстранения талибов от власти и ввода международного контингента войск в Афганистан в 2001 г. выросло в 44 раза, что дает возможность значительно увеличить их поставку в Россию, в том числе через Пакистан и республики Центральной Азии. Более того, согласно данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, рост производства наркотиков после 2001 г. сопровождался ростом поставок препурсоров – веществ, необходимых для изготовления наркотиков, с химических заводов Пакистана, стран Евросоюза и Центральной Азии. Экспертные оценки запасов афганских наркотиков составляют почти 3 тыс. т, и производятся они более чем в 400 нарколабораториях. Складирование и оптовая реализация их происходит на афганских и пакистанских наркотропиках. Отсюда наркотики через организованные преступные группировки, состоящие из турецких, иранских, пакистанских, афганских и других лиц, распространяются по всему миру.

И если в самом Пакистане (по неочевидным оценкам!) происходит сокращение лиц, употребляющих наркотики, то он остается перевалочным маршрутом южного, а теперь и северного направления. Очевидно, что сверхдоходы от реализации опиатов будут и в будущем стимулировать их производство, и борьба с ними вряд ли даст быстрые результаты.

¹ Dawn, 26.06.2002; The News, 26.06.2002.

² The News, 28.06.2002; Dawn, 26.06.2002.

³ Dawn, 13.04.2000; N-Y Times, 04.04.1995.

⁴ Dawn, 15.06.2004; The Nation, 16.01.2003.

⁵ Dawn, 15.06.2004; The Nation, 16.01.2003.

⁶ The News, 08.11.2002; Dawn, 26.02.2003.

⁷ The Nation, 27.04.2009; Dawn, 06.04.2004.

⁸ Dawn, 26.06.2002; 26.02.2003; 25.02.2003.

⁹ The Nation, 04.11.2009; Куртов А. Наркобизнес в Центральной Азии: история болезни и пути лечения, с. 13; Dawn, 15.09.2009.

Н.А.Замараева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПАКИСТАНЕ (2008–2009 гг.)

Бурные политические процессы, проходящие в Пакистане в последние годы, объясняются объективными и субъективными факторами. В первую очередь это возврат страны к гражданской форме правления в 2008 г.; активизация многопартийной системы с традиционной жесткой борьбой двух крупнейших политических партий – правящей Пакистанской народной партии (ПНП) и основной оппозиционной силы – Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа/ПМЛ (Н); «уход армии из политики» с сохранением за ней конституционных прав и обязанностей – защиты суверенитета, независимости, границ; конституционные реформы и т.д. Столь кардинальные изменения системы административного управления проходили на фоне ожесточенной борьбы против террористических группировок на территории страны, экономического кризиса, обострения проблем с питьевой водой, нехваткой электроэнергии и т.д.

Многие политологи задаются вопросом – действительно ли Пакистан обречен на постоянную смену политических режимов – от военных к гражданским и наоборот, и почему пакистанская армия, находящаяся у власти большую часть времени в новейшей истории, так и не сумела инкорпорироваться в современную политическую жизнь страны в первой декаде XXI века? И какие факторы способствуют выработке формулы единства трех ветвей власти – исполнительной, законодательной, судебной – и армии в Пакистане, отсутствие такого единства сдерживает поступательное развитие государства.

И еще одна черта отмечается многими политологами: при разнообразии спектра политических партий страна остается де-факто двухпартийной. Борьба двух семей (Бхутто-Зардари (ПНП), с одной стороны, и Наваза Шарифа – ПМЛ (Н), с другой) в значительной степени определяла судьбу страны.

В рассматриваемый период каждая из двух партий в той или иной степени фактически вела многоуровневую борьбу – против второй партии, сепаратистских настроений в провинциях; нищеты, бедности, неграмотности; а также против засилья военных в административных структурах и т.д.

Устойчивая «двуихпартийная система» фактически не допускала в процесс демократических преобразований новые партийные объединения, например, бывшую правящую (2003–2007 гг.) Пакистанскую мусульманскую лигу (Кайд-и Азам)/ПМЛ (К), сформированную при поддержке военных властей.

Борьба ПНП и ПМЛ (Н) препятствовала процессу демократических преобразований, и, как следствие, государственная система испытывала трудности управления страной. Ожесточенные межпартийные стычки не ограничивались словесными баталиями, а часто выливались в многотысячные марши протesta, организованные по всей стране. Судебные иски против лидеров или членов других партий стали нормой межпартийной борьбы в Пакистане.

Толчок всем социальным переменам в стране дали всеобщие парламентские выборы, назначенные первоначально на 8 января 2008 г. Согласно Конституции Пакистана 1973 г., члены Национальной ассамблеи (НА) (нижней палаты парламента) избираются сроком на пять лет. Предыдущий состав НА, распущенный 15 ноября 2007 г., отработал при генерале-президенте П. Мушаррафе полный срок, отведенный главным законом страны, что в целом не характерно для парламентской жизни Пакистана.

Осенью 2007 г. в страну стали возвращаться из «вынужденной» десятилетней политической эмиграции оппозиционные лидеры ПНП и ПМЛ (Н) – Беназир Бхутто и Наваз Шариф, соответственно.

Приезд в Пакистан Беназир Бхутто стал возможен благодаря подписенному генералом-президентом П. Мушаррафом в сентябре 2007 г. Указу о национальном примирении (National Reconciliation Ordinance – NRO), согласно которому были отменены «все судебные дела по обвинению в коррупции и отмывании денег семьи Бхутто-Зардари». Автор специально подчеркивает данный факт, так как в дальнейшем (2009–2010 гг.) Указ продолжал действовать в отношении Асифа Али Зардари, президента Пакистана, и его положения, в свою очередь, стали одной из причин острых разногласий с ПМЛ (Н) и очередного парламентского кризиса.

Указ о национальном примирении – определенный компромисс генерала-президента П. Мушаррафа навстречу требованиям экс-премьера Б. Бхутто. С целью дальнейшего укрепления во власти весной 2007 г. он блестяще разработал формулу перехода от военно-гражданской к гражданской форме правления. Ему отводилась роль гражданского президента, а народной любимице Б. Бхутто, олицетворявшей «демократические принципы» Пакистана, – пост премьер-министра. Все было подконтрольно и идеально выверено – лица, время, законодательство.

Два непредсказуемых события разрушили планируемую политическую идиллию – введение режима Чрезвычайного положения в Пакистане (3 ноября – 15 декабря 2008 г.) и гибель Б. Бхутто в результате террористического акта 27 декабря 2008 г.

День гибели Б. Бхутто стал в определенной степени поворотным для политической истории Пакистана. Разрозненная до 27 декабря 2007 г. оппозиция начала сплачиваться, несмотря на бесконечные разногласия. ПНП и ПМЛ (Н) были воодушевлены единой целью – противостоять президенту П. Мушаррафу, которого они косвенно обвиняли в гибели Б. Бхутто, и президентской партии, бывшей правящей ПМЛ(К).

С другой стороны, смерть Б. Бхутто «расчистила» дорогу к власти ее давнему политическому оппоненту экс-премьеру Навазу Шарифу; он сумел значительно расширить социальную базу антимушаррафовских сил в целом в стране. «Только свободные, честные и прозрачные выборы под нейтральным руководством правительства национального согласия могут спасти Пакистан, который сегодня представляет собой несостоявшееся государство», — заявляла партия Пакистанская мусульманская лига (Наваза Шарифа)¹.

Парламентские выборы были перенесены с 8 января на 18 февраля 2008 г. в связи с трагическими событиями. Избирательная комиссия в своем решении опиралась на норму основного закона страны. В соответствии со статьей 254 Конституции Пакистана «в случае, если какое-либо действие должно быть совершено в течение определенного периода времени, но при этом указанное действие не совершено в течение этого периода, невыполнение какого-либо действия не должно признаваться незаконным или несвершившимся по причине того, что это действие не было выполнено в течение определенного периода времени».

Президент П. Мушарраф, ушедший в отставку с поста начальника штаба сухопутных войск в конце ноября 2007 г., пытался использовать сложившуюся непростую ситуацию и сохранить власть: он делает вторую попытку примирения с ПНП, в данном случае с Асифом Али Зардари. С его «негласной поддержки» за несколько дней до проведения выборов, 15 февраля 2008 г. Асиф Али Зардари подал петицию в Высший суд провинции Синд. Рассмотрев иск, суд на основании Указа о национальном примирении «принял решение прекратить производство всех местных и зарубежных судебных дел» по обвинению в коррупции и отмывании денег» семьи Бхутто-Зардари.

Многие аналитики полагали, что руководивший страной в тот период президент П. Мушарраф все еще стремился спедовать формуле разделения властей, решив на место покойной Беназир Бхутто «поставить премьер-министром ее супруга, Асифа Али Зардари». Но судьба распорядилась иначе.

Сам факт проведения парламентских выборов в Исламской Республике Пакистан можно рассматривать как победу президента П. Мушаррафа. Выборы состоялись, несмотря на угрозы, во-первых, бойкота со стороны ряда политических партий, во-вторых, террористических актов, захлестнувших страну.

18 февраля 2008 г. открылись избирательные участки. В стране в девятый раз за шестидесятилетнюю историю проводились всеобщие парламентские выборы, в которых приняло участие беспрецедентное количество населения – 82 миллиона голосующих. Гражданам страны предстояло выбрать 272 депутата по числу мест в нижней палате парламента – Национальной ассамблее (НА), высшем законодательном органе Пакистана, а также 577 депутатов в национальные ассамблеи четырех провинций. Правительство предпринимало все меры безопасности для проведения избирательной кампании: 80 тысяч солдат охраняли места для голосования.

Средства массовой информации отмечали небывалый подъем, оптимизм, настроенность на кардинальные перемены в новых политических кругах.

Период с 18 февраля 2008 г. (даты проведения всеобщих парламентских выборов) по декабрь 2009 г. для Пакистанской народной партии (ПНП) был крайне непростым. Впервые без признанного лидера Беназир Бхутто, впервые два сопредседателя партии (Асиф Али Зардари и его сын Белавал Зардари-Бхутто), масштабные военные действия на внутренних терри-

ториях страны против боевиков, потоки миллионов местных беженцев, направляющихся в центральные и южные районы страны, гуманитарный кризис, мощная международная гуманитарная и финансовая помощь и т.д.

Но и много привычных черт из ее сорокалетней истории – традиционен приход к власти ПНП после правления военных/военно-гражданских администраций в стране; традиционны и попытки ограничения местной власти провинций, конституционная реформа и т.д.

В области внешней политики – попытки урегулирования пакистано-индийских отношений после трагических событий в Мумбае в 2008 г., переговоры о Кашмире, расширении торгового сотрудничества, о проблеме воды и других пакистано-индийских вопросах, дальнейшее развитие дружеских отношений с Китаем, странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, США, международными организациями, такими как ООН, Евросоюз и т.д. «Пакистан как ключевой союзник Вашингтона в войне против международного терроризма», – этот пункт занимал особое место во внешней политике Исламабада, и во многом его решение опосредованно или напрямую оказывало влияние на многие вопросы внутриполитической жизни страны.

Но вернемся к основной теме статьи – внутриполитической борьбе. Противостояние ПНП и ПМЛ (Н) носит системный характер на протяжении последних сорока лет. Их разногласия углубляются, причем резко, в периоды демократических преобразований, когда пакистанская армия вновь "ходит из политики". В данном случае лидеры противоборствующих ПНП и ПМЛ (Н) вернулись в страну (семья Бхутто-Зардари из Лондонской эмиграции, семья Наваза Шарифа – из Саудовской Аравии).

В целом то непродолжительное время, которое ПНП находится у власти в первой декаде XXI в., можно разделить на два этапа.

Первый этап переходный – «отмежевание» новой, гражданской власти от «остатков» военно-гражданского правления в лице президента П. Мушаррафа. «Выдавливание» президента П. Мушаррафа из большой политики было болезненным для всех сторон – для ПНП, самого Первеза Мушаррафа, армии и т.д.

Второй этап – утверждение демократических принципов правления правительства премьер-министра Юсуфа Рaza Гилани; но указанный период также включает в себя несколько сюжетов: укрепление во власти нового главы государства – президента

Асифа Али Зардари (принял присягу на верность конституции 8 сентября 2008 г.); и, как следствие, обострение отношений с ПМЛ (Н), что, в конечном итоге, привело к политическому кризису весной 2009 г.; проведение широкой конституционной реформы в стране; и на этом фоне обострение антитеррористической кампании против боевиков в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) (с апреля 2010 г. – новое название Хайбер-Пахтунхва) и агентствах Территорий племен федерального административного управления (ТПАУ/ FATA) и т.д.

Правящая администрация направляла усилия на решение основных проблем внутренней, социально-политической жизни государства; эти же вопросы диктовали и стратегию внешнеполитического курса Исламабада.

Сквозной темой для правящей Пакистанской народной партии была ее непрестанная борьба по любому из федеральных или провинциальных вопросов с ее давним политическим оппонентом ПМЛ (Н).

Победа Пакистанской народной партии была бесспорной: 87 мест в федеральной Национальной ассамблее позволили ей вновь стать правящей. Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа получила 66 мест в национальной ассамблее, и замыкала тройку лидеров партия – ПМЛ (К). За ними следовали Национальная народная партия (ННП), партия Джамиатуль-улема-и ислам, независимые кандидаты и женщины.

Провал на выборах ПМЛ (К) привел к развалу бывшей правящей политической коалиции. Многие члены стали покидать партию, что также в дальнейшем сказалось на внутриполитической ситуации в стране.

Следующей неожиданной новостью, которую принесли выборы, стала победа Национальной народной партии в Северо-Западной пограничной провинции, где, собственно, и разворачивался в 2009 году основной театр военных действий против исламских экстремистов. Многие обозреватели восприняли победу ННП как победу над исламистскими партиями. Смена лидеров в СЗПП косвенно повлияла на активизацию экстремистских сил в провинции, и как следствие, инициировала политический кризис весной 2009 г.

Согласно Конституции 1973 г., партия, набравшая большее количество голосов, является лидирующей и имеет право назначать своего кандидата на второй высший государственный пост в стране – премьер-министра; им стал бывший соратник

Б. Бхутто Юсуф Рaza Гилани, который сразу же приступил к формированию кабинета министров, «членами которого могут стать депутаты НА, члены сената (верхней палаты парламента), а также персоналии, не являющиеся членами парламента».

Согласно Конституции 1973 г. Исламской Республики Пакистан, состав правительства должен быть сформирован в течение 30 дней после проведения всеобщих выборов. Для правящей ПНП важно было найти компромисс с ПМЛ (Н) и она шла на многие уступки. В качестве основных требований для вхождения в состав коалиционного правительства Наваз Шариф выдвинул ряд требований: восстановление Конституции 1973 г.; отмена 17-й поправки (возврат к парламентской форме правления), восстановление в должности судей Верховного суда, смещенных президентом П. Мушаррафом; выполнение положений Хартии Демократии и т.д. Партии в срочном порядке подписали соглашение, так называемую Декларацию Марри (место подписания).

В дальнейшем выполнение федеральными властями каждого пункта упомянутой Декларации Марри было сопряжено с правительственными кризисами, массовыми акциями протеста, ультиматумами, обещаниями, компромиссами и вновьвойной партий...

Подтверждение на участие в коалиционном правительстве еще в январе 2008 г. из 15 национальных партий высказали такие, как праворелигиозная Джамаат-и ислами (Jamaat-i-Islami), ПМЛ (К), Джамаат-уль-улема ислами (JUI-F), блок партий Объединенное национальное движение (MQM) и Национальная народная партия.

С 15 ноября 2007 г., дня роспуска прежнего состава НА, согласно Конституции, в стране функционировало переходное правительство во главе с М. Сумро, члены которого были назначены еще генералом-президентом П. Мушаррафом². Уже в конце марта 2008 г. ведущие политические партии настаивали на его роспуске.

В рекордно короткие сроки, спустя 27 дней после проведения всеобщих парламентских выборов, партии, набравшие наибольшее количество голосов, договорились о формировании будущего коалиционного правительства и подали петицию президенту о созыве сессии. 17 марта 2008 г. в Пакистане открылась 13-я сессия Национальной ассамблеи. Избранные члены нижней палаты парламента приняли присягу, согласно III разделу Конституции 1973 г.

24 марта 2008 г. 264 депутата Национальной ассамблеи Пакистана отдали свои голоса в поддержку кандидатуры Юсуфа Рaza Гилани на пост премьер-министра. Его соперник Чоудхри Первез Елахи набрал только 42 голоса, три члена НА отказались от голосования³. Новый кабинет называли «правительством ПНП», в пятый раз в истории страны пришедшей к власти и спустя почти 12 лет после вторичной отставки правительства Беназир Бхутто в ноябре 1996 г. 31 марта 2008 г. 24 члена нового коалиционного правительства дали присягу на верность конституции и президенту Исламской Республики Пакистан.

Состав коалиционного правительства Ю.Р. Гилани – отражение принципиально новой политической элиты пакистанского общества, подтверждающей ее мощные структурные изменения. И именно «рвавшаяся» во власть бывшая оппозиция, отстраненная от управления страной в предшествующие десять лет, приступила к формированию внутренней и внешней политики государства, что повлекло за собой серию парламентских кризисов, просчеты и ошибки при решении внутриполитических проблем и т.д.

Несмотря на лидирующие позиции ПНП в Национальной ассамблее, в целом парламент Пакистана (Сенат – верхняя палата и Национальная ассамблея – нижняя палата) с точки зрения партийной принадлежности весной 2008 г. представлял собой два оппозиционных лагеря. Большинство состава Сената было членами бывшей правящей ПМЛ (К); и, несмотря на переход нескольких сенаторов в стан партий-победителей, в целом они оставались верными президенту П. Мушаррафу. Новый состав НА в подавляющем большинстве был оппозиционно настроен по отношению к последнему.

Период политического единения между ПНП и ПМЛ (Н) длился недолго. Коалиционное правительство Пакистана, в состав которого входили представители столь разных политических направлений, было обречено на провал. И спустя полтора месяца после его формирования, 12 мая 2008 г. девять министров – членов ПМЛ (Н) объявили о выходе из его состава⁴.

Официальной причиной, по словам лидера ПМЛ (Н) Наваза Шарифа, является «нежелание сотрудничать с ПНП». Формальной же причиной было требование Наваза Шарифа срочной отмены 17-й поправки к Конституции, иными словами – ограничение полномочий действующего президента П. Мушаррафа⁵. Окончательный раскол между партиями произошел в сентябре 2008 г.

Но еще в августе 2008 г. под угрозой импичмента, колоссальным давлением кабинета министров, политических партий, пришедших к власти, П. Мушарраф в обращении к нации объявил об отставке с поста президента Исламской Республики Пакистан, заявив, что все его призывы к примирению, обращенные к политическим оппонентам, не были услышаны. С уходом П. Мушаррафа завершилась девятилетняя глава истории страны под названием «Генерал-президент П. Мушарраф», ознаменовав собой окончание очередного военного/военно-гражданского этапа развития страны. Четыре раза за шестидесятиоднолетнюю историю государства военные приходили к власти.

В период с 18 августа по 8 сентября 2008 г. Председатель Сената М. Сумро временно исполнял обязанности президента Исламской Республики Пакистан. Но именно в этот столь короткий отрезок времени вновь обострилась политическая борьба между ПНП и ПМЛ (Н). Причиной стал вопрос о кандидатуре на пост президента. Первоначально между партиями была достигнута договоренность о совместной выработке кандидатуры; но уже 20 августа 2008 г. ПНП только при поддержке движения MQM, базирующегося в основном в провинции Синд, в Карачи, предложила на пост президента А.А. Зардари. Не потерпев предательства со стороны ПНП, 25 августа 2008 г. Миан Мухаммад Наваз Шариф объявил об окончательном выходе возглавляемой им ПМЛ (Н) из правящей коалиции.

Основные расхождения партий сводились в рассматриваемый период к невыполнению ПНП обещаний, во-первых, восстановить в должности судей, уволенных еще генералом-президентом П. Мушаррафом за отказ признать Временный конституционный Указ о введении чрезвычайного положения 3 ноября 2007 г.; во-вторых, провести конституционные реформы, т.е. отмену 17-й поправки к Конституции 1973 г. Именно нерешенность этих вопросов станет причиной обострения борьбы между ПНП и ПМЛ (Н), и, как следствие, серии политических кризисов 2009 г.

Несмотря на все громкие петиции ПМЛ (Н), 9 сентября 2008 г. Асиф Али Зардари принес присягу на верность Конституции Исламской Республики Пакистан в качестве избранного президента, сосредоточив в своих руках огромную власть – согласно Конституции 1973 г., он имел право распускать парламент, назначать новые парламентские выборы, смещать премьер-министра и т.д.

Сентябрь 2008 г. вернул ПНП и ее лидеру А.А. Зардари лидирующие позиции в стране. Но, как показали дальнейшие события, одновременная концентрация исполнительной и законодательной ветвей власти в руках одной партии не давала гарантий от жесткой критики со стороны ее политического оппонента – ПМЛ (Н). В целом политическая жизнь осени 2008 г. прошла относительно спокойно в Пакистане. Все ожидали определенных высказываний, директив вновь избранного президента Асифа Али Зардари. А он, в свою очередь, уходил от публичных выступлений и, по сути, кроме заверений в приверженности к идеалам демократии, никаких заявлений не делал. Межпартийная борьба осени 2008 г., казалось, стихла – не было громких обвинений ни со стороны ПМЛ (Н), ни со стороны ПНП.

Но все же 2008 г. для политической жизни Пакистана был переломным. На смену остаткам военного режима пришла гражданская администрация, избранная демократическим путем. 2008 г. для ПНП и ПМЛ (Н) был периодом восстановления, укрепления своего влияния во всех четырех провинциях страны и в местных органах власти.

ПНП, получив нового лидера в лице Асифа Али Зардари, не искушенного в политической борьбе политика, часто лавировала или шла на компромиссы по вопросам социального развития государства, в то же время ПМЛ (Н), напротив, разговаривала часто языком ультиматумов с тем, чтобы добиться поставленной цели.

С окончанием 2008 г. наступил новый этап как в социальной жизни Пакистана, так, соответственно, и у ведущих политических партий. Во-первых, это касалось включения Исламабада в орбиту стратегического партнерства новой администрацией демократов США и руководством НАТО – в борьбу против международного терроризма; во-вторых, возникли новые элементы политического противостояния ПНП и ПМЛ (Н).

Два незначительных, на первых взглядах, события в Пакистане практически произошли одновременно весной 2009 г. Первое – это разрешение федеральным правительством введения законов шариата на части административных территорий долины Сват Северо-Западной пограничной провинции. И второе – восстановление в должности главного судьи Верховного суда Ифтихара Чоудхри. Эти события, по сути, и определили развитие как внутриполитической, так и внешнеполитической жизни страны.

Период обманчивого затишья января – февраля 2009 г. обернулся мощной кампанией протesta юристов, организованной ПМЛ (Н). Наваз Шариф ультимативно заявлял, что организует шествия служителей Фемиды во всех четырех провинциях страны и возглавит шествие тысяч людей на Исламабад в случае, если правящая ПНП не выполнит своего обещания, данного несколько раз, о восстановлении судей ВС, уволенных генералом-президентом П. Мушаррафом 3 ноября 2007 г. Казалось бы, пакистанское общество забыло об Ифтихаре Чаудхри. Но опальный судья или, вернее, вопрос о восстановлении в должности главного судьи ВС уже в 2008 г. получил новый виток развития, вышел за рамки только личностной борьбы; он приобрел политический характер и рассматривался политическими оппонентами как «вопрос борьбы за демократические преобразования в Пакистане».

Протесты были столь решительными, что назначенный на 16 марта 2009 г. марш юристов (демонстранты должны были идти из всех провинций в столицу Исламабад) только в последний момент потерял актуальность — 14 марта 2009 г. премьер-министр Пакистана Юсуф Гилани выступил с заявлением о восстановлении полномочий бывшего главного судьи ВС Ифтихара Чаудхри с 21 марта 2009 г.

Борьба за судью ВС была одним из стратегических шагов Наваза Шарифа. Во-первых, он качественно расширял социальную базу сочувствующих, борясь за идеалы юридического сообщества; во-вторых, имея в соратниках такого «мощного партнера», как судья Чаудхри, можно и дальше с большим успехом «пробивать» путь к власти; в-третьих, экс-премьер получал «ореол борца за демократию». Прецедент со смешением с поста главного судьи Ифтихара Чаудхри был исключительно выгоден Навазу Шарифу с точки зрения прецедента конституционного права.

И если первый с восстановлением своих судейских полномочий имел возможность заявить в дальнейшем о нелегитимности введения чрезвычайного положения в ноябре 2007 г., то второй, имея в качестве сторонника главного судью Верховного суда, мог поднять вопрос о неконституционности военного переворота 1999 г. (в результате которого премьер-министр Наваз Шариф был отстранен от власти, брошен в тюрьму, приговорен к пожизненному заключению, помилован и отправлен в изгнание в период правления генерала П. Мушаррафа).

Многие политологи рассматривали победу Ифтихара Чоудхри как победу Закона над военными. И, как показало время, не без оснований. ВС в своей профессиональной деятельности стал придерживаться курса на пересмотр отдельных судебных дел, которые были заведены в период правления генерала-президента П. Мушаррафа, что в свою очередь внесло дополнительное смятение в политическую жизнь страны. Восстановление судьи, как считают многие политологи, было одним из ярких событий межпартийной борьбы весной 2009 г., так как в дальнейшем вся внутриполитическая жизнь в целом была подчинена военным операциям против боевиков в СЗПП (май – август) и в Южном Вазиристане (октябрь – декабрь), обеспечению и организации палаточных лагерей для трех миллионов беженцев и т.д.

Практически по всем вопросам, связанным с боевиками, ПНП и ПМЛ (Н) выступали с единой позиции; в вопросах внутриполитической жизни Пакистана ПМЛ (Н) практически всегда занимает противоположную от правящей ПНП позицию: о начале военной операции в Свате; безотлагательной отмены 17-й поправки Конституции, пограничного вопроса с Афганистаном и т.д.

Осенью 2009 г. Наваз Шариф вновь вступает в политическую схватку с ПНП, и вновь с требованием. 48 часов – такой ультиматум поставила ПМЛ (Н) правящей ПНП, обвиняя президента Асифа Али Зардари в разжигании «клеветнической кампании» против экс-премьера Наваза Шарифа. В противном случае последняя давала обязательства «придать огласке все нарушения, сделанные ПНП относительно вопросов арендной платы, Каракинского металлургического завода, скандала с нехваткой сахара и высокой ценой на него» и т.д.

ПМЛ (Н) никогда не мирилась со второй ролью в государстве, ожесточенно продвигаясь к федеральной власти. В 2008–2009 гг. партия вынуждена была стоять в стороне от распределения крупнейших инфраструктурных проектов, «золотого дождя» международной донорской помощи, решения государственных задач и т.д. Но богатейший опыт Наваза Шарифа в борьбе за власть, широкие связи в политической элите, в кругах которой он вращается с середины 80-х, будучи еще главным военным администратором генерала М. Зия-уль-Хака, позволяли ему:

- организовывать по всей стране мощные марши протesta в июне 2008 г.;
- расширять, во-первых, социальную базу своей партии, во-вторых, привлекать нужных сторонников в свои ряды. На-

пример, заручиться поддержкой армии, в частности генерала Первеза Ашфага Кияни, начальника штаба сухопутных войск. В слушании дела о нарушении Конституции экс-генералом-президентом П. Мушаррафом о введении им чрезвычайного положения 3 ноября 2007 г. ПМЛ (Н) заявляла о полной непричастности главнокомандующего пакистанской армией Кияни, подчеркнув, что последний, который, впрочем, получил свой высший военный чин в период режима ЧП, «лишь выполнял приказы». Здесь также следует упомянуть о широких контактах ПМЛ (Н) с партией Движение мухаджиров, ведущей политической силой на юге Пакистана, в провинции Синд, которая считается родиной правящей партии и т.д.

Наваз Шариф вернулся в страну из вынужденной иммиграции лишь в октябре 2007 г., и за этот период сумел добиться мощного влияния в политических кругах страны. А ведь он был лишен права заниматься политической деятельностью в течение десяти лет в 2000 г. и давал слово в обмен на жизнь и депортацию. За последние два-три года его партия вновь заявила о себе в национальном масштабе, заставив считаться с собой и Вашингтон. Расшатывание политической ситуации в стране, расширение социальной базы своих сторонников как в Пакистане, так и в США, заставляют задуматься о целях, которыеставил Наваз Шариф. В качестве тактической цели – демонстрация негативных сторон ПНП, несостоительности внутриполитического курса правящей партии, ее отхода от демократических принципов развития; в качестве стратегической цели – приход к власти.

Сценарий его действий безукоризнен. Политические ультиматумы Наваза Шарифа – звенья одной цепи. Не изменяя себе, лидер ПМЛ (Н) в декабре 2009 г. в сотрудничестве с ВС разворачивает новую кампанию по дискриминации ПНП. В декабре того же года ВС принял историческое решение о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции и «отмывании денег», которые были отменены экс-президентом-генералом П. Мушаррафом еще в 2007 г. на основании Указа о национальном примирении. Объявленная экс-президентом «амнистия» в отношении должностных лиц была признана не соответствующей Конституции.

Признание нелегитимным Указа, который предоставил иммунитет политическим деятелям высшего ранга, открывало до-

рогу к возможному судебному преследованию сотен высокопоставленных политических деятелей и представителей гражданской администрации, в то время как сам Асиф Али Зардари защищен президентским иммунитетом, согласно статье 248 (2) Конституции Пакистана. Пресс-секретарь главы государства Фахатулла Бабар поспешил заявить, что «не заведено или принято к доследованию ни одного судебного дела ни в одном суде» страны. Решение ВС от 16 декабря 2009 г. практически парализовало административный аппарат Пакистана, так как подавляющее большинство членов кабинета министров и административных работников принадлежат к правящей Пакистанской народной партии.

Многие аналитики сходятся во мнении, что ведущие политические партии Пакистана, восстановившись после правления военных, вновь вступили в жесткую схватку за власть, отодвигая на второй план и борьбу с терроризмом, которая впервые в истории страны приняла форму военных столкновений армии с боевиками на территории Пакистана, и острейшие вопросы экономического развития (рост ВВП составил всего 2,5%), и гуманистический, энергетический, продовольственный кризисы и т.д.

Оппозиция в лице второй по влиянию партии в стране ПМЛ (Н), получив мощную поддержку юридического сообщества, сразу же потребовала отставки действующего кабинета министров и президента страны. «Черным законом» назвала она Указ о национальном примирении, подчеркнув, что упомянутый закон «касается взаимоотношений двух лиц» (Первеза Мушарафа и Беназир Бхутто – авт).

ПНП старалась избегать резких заявлений в адрес ПМЛ (Н), лавировала. Но на декабрьское 2009 г. решение ВС действующее руководство отреагировало незамедлительно. «Партия пакистанского народа будет уважать решение суда», – констатировала на следующий день после оглашения вердикта ВС газета «Доон». «Зардари готов к любым вызовам, так как он хочет спасти Пакистан от превращения его во второй Афганистан». «Министры, члены ПНП не подадут в отставку, – заявила советник по прессе президента Фараназ Исфахани, – любой гражданин считается невиновным, пока его вина не доказана вступившим в законную силу приговором суда, и нет обоснования для отставки министров»⁶.

Министр информации и радиовещания Камар Заман Кайра заявила о необходимости установления «прозрачной системы

отчетности» всех политических деятелей, а также поставила под сомнение законность пребывания Наваза Шарифа в стране, подчеркнув, что «его возвращение в Пакистан стало возможным только благодаря договоренностям между Беназир Бхутто и генералом в отставке Перvezом Мушаррафом в тени Указа о национальном примирении»⁷.

Ряд политических партий Пакистана выступил с осуждением требований об отставке президента Зардари. В частности, Национальная народная партия заявила, что «будет оказывать всяческое сопротивление любой попытке, направленной на незаконное смешение президента Асифа Али Зардари, и требованию отставки парламентариев, которым ВС Пакистана предъявит иск по обвинению в коррупции»⁸. Многие аналитики высказывали мнение, что «несмотря на оказываемое давление на кабинет министров, нет никаких признаков того, что правительство подаст в отставку».

Но Наваз Шариф не отступал и в начале января 2010 г. инициировал вторую волну ультиматумов с угрозой организовать национальный марш с требованием отмены 17-й поправки к Конституции, в соответствии с которой вся исполнительная власть была передана президенту ИРП⁹. Новый этап противостояния правящей партии и оппозиции удалось урегулировать путем долгих переговоров и компромиссов не без помощи США¹⁰. Одним из компромиссов стали появившиеся еще в декабре 2009 г. в прессе сообщения о возможном включении членов ПМЛ (Н) в состав кабинета министров федерального правительства¹¹.

Политические партии провинциального масштаба не высказывали своей позиции в период противостояния ПНП и ПМЛ (Н). Лишь после их примирения Национальные ассамблеи трех провинций – Синда, СЗПП, Белуджистана – приняли резолюции, выражющие поддержку президенту А. Зардари¹².

Начиная с момента прихода к власти в 2008 г. и ПНП, и ПМЛ (Н) подвергаются достаточно резкой критике в местных масс медиа. Зардари – «за ориентацию на Запад в решении многих жизненно важных вопросов»; за «постоянное отсутствие в стране»; нехватку времени «заниматься внутренними делами, отказ от публичных выступлений или поездок по стране, в частности, посещений зоны боевых действий» и т.д.¹³

Критиковала местная пресса и семью Наваза Шарифа, в частности, его брата – главного министра крупнейшей про-

винции Панджаб, за «невозможность завершить формирование кабинета министров на коалиционной основе в течение двух лет, за отсутствие в провинции министров образования и здравоохранения», а следовательно, и разработанных социальных программ, а также за дефицит бюджета и т.д.¹⁴ Сам Миан Мухаммад Наваз Шариф не раз получал напоминание, что его возвращение в Пакистан стало возможно только благодаря попустительству экс-президента Первеза Мушаррафа и т.д.

Борьба двух крупнейших политических партий будет продолжаться, непримиримость их позиций вошла в хрестоматию новейшей истории Пакистана. Впереди – смена правящих элит, череду которых могут остановить только военные.

¹ Dawn, 18.01.2008.

² Dawn, 16.01.2008.

³ Pakistan Times, 25.03.2008.

⁴ BBC, 12.05.2008; Pakistan Times, 13.05.2008.

⁵ Pakistan Times, 13.05.2008.

⁶ Dawn, 19.12.2009.

⁷ Dawn, 04.01.2010.

⁸ Dawn, 29.12.2009.

⁹ Dawn, 02.01.2010.

¹⁰ Dawn, 15.11.2009.

¹¹ Dawn, 07.12.2009.

¹² Dawn, 12.01.2010.

¹³ The Nation, 11.01.2010.

¹⁴ Dawn, 12.01.10.

ПАКИСТАНСКИЙ БЕЛУДЖИСТАН: ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Абсолютное большинство населения пакистанской провинции Белуджистан проживает в сельской местности, где сохраняет свои глубокие корни племенная структура общества. Помимо семнадцати основных белуджско-брагуйских племен, каждое из которых возглавляет обладающий абсолютной властью вождь (сардар), в провинции насчитывается также около 400 разрозненных племенных общин. Наиболее крупные племена – бугти и мари, общая численность которых достигает 100 тыс. человек. Как правило, политический вес и влияние того или иного белуджского лидера определяются в первую очередь не его личными качествами руководителя или организатора, не его политическим опытом, а численностью и силой того племени или клана, наследственным руководителем которого он является.

По мнению британской журналистки Эммы Дункан, сардара постепенно лишаются своей политической власти, поскольку их оттесняют «нувориши» с большим капиталом, поступающим разными, часто нелегальными каналами (например, контрабанда через границу с Афганистаном, производство и торговля наркотиками). «Люди, получившие большие деньги, захотели достичь политической власти – это, в свою очередь, требует поддержки как со стороны гражданской администрации, так и со стороны племенной верхушки. Первую можно купить, вторая передается по наследству, но и ее можно завоевать через купленную администрацию...»¹. В итоге она делает правомерный вывод о том, что племенная структура власти под влиянием внутренних и внешних факторов теряет свою силу: «Как и лендлорды, племенные вожди пока еще пользуются властью; как и лендлордами, ими пользуются и их используют люди, управляющие государством; но поскольку они уже теря-

ют свой контроль на местах, они становятся менее значимы для правительства»².

Разобщенная племенная структура белуджского общества преднамеренно оберегалась британскими колонизаторами, которые основную ставку в период своего правления делали на сардаров. Все эти факторы негативно отразились на экономическом развитии Белуджистана и после приобретения Пакистаном политической независимости, несмотря на постепенное увеличение правительственные ассигнований на подъем экономики провинции. Полемика по вопросу об экономической автономии сконцентрирована на двух основных проблемах: во-первых, требование белуджей о значительном увеличении платы за добычу полезных ископаемых (главным образом природного газа); во-вторых, их недовольство засилием небелуджских частных организаций и корпораций центрального правительства в добывающей промышленности Белуджистана.

Одновременно, вследствие высоких темпов роста населения в стране Белуджистан с его обширными редкозаселенными землями может стать ареалом переселения большого потока пакистанцев, особенно при условии развития водных ресурсов. В отличие от Панджаба и Синда, где расположены главные ареалы орошаемого земледелия, в Белуджистане, равно как и в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) главной отраслью сельского хозяйства по-прежнему остается отгонно-пастбищное скотоводство. Поэтому традиционно острой проблемой природопользования в западных провинциях Пакистана является не столько земельный голод, сколько основательный дефицит водных ресурсов. При этом проблема нехватки воды не только сохраняется, но и обостряется с каждым годом.

Именно Белуджистан в максимальной степени пострадал от длительного присутствия афганских беженцев, большую часть которых представляли пуштунские племена, традиционно занимающиеся отгонным скотоводством. Поскольку беженцы не испытывали особого недостатка в продовольствии (они регулярно получали весомую гуманитарную помощь со стороны ООН, других международных организаций, равно как и различных иностранных спонсоров) и никогда не имели особого стремления к переходу от скотоводства к оседлому земледелию, их продолжительное присутствие в Пакистане отрицательно сказалось в первую очередь на обострении проблемы водопользования. Известны, например, не предававшиеся ши-

рокой огласке случаи вооруженной борьбы за источники питьевой воды между местными жителями и беженцами. Некоторые из стычек кончались летальными исходами для сражавшихся, однако местное правосудие не сочло нужным выявить и наказать виновных³.

Возвращаясь к проблеме полезных ископаемых, следует вспомнить о разгоревшемся конфликте вокруг газового месторождения Суи (треть разведанных запасов газа Пакистана и свыше 80% его нынешнего потребления). До 1980 г. положение на газовом комплексе и вокруг него было спокойным и полностью контролировалось администрацией. Затем ситуация начала ухудшаться из-за вмешательства племенных вождей, несмотря на то, что под их давлением местным жителям (то есть белуджам) были предоставлены рабочие места. Интересно, что повышенный интерес белуджских сардаров к природным богатствам этого района появился именно в тот момент, когда иностранные инвесторы начали разрабатывать маршруты трансафганского газопровода. Видимо, с местными племенными вождями провели разъяснительную работу о высокой ценности природного газа для развития национальной энергетики и промышленности, или же они сами постигли выгоду от владения этим стратегическим сырьем.

Правительство начало вести переговоры с сардаром Аттаулла-хан Менгалом и навабом Акбаром Бугти в 1999 г. – они продолжались два года. Лишь в декабре 2001 г. было достигнуто соглашение с Бугти, согласно которому завод выделил рабочие места с ежемесячным окладом в 22 тыс. рупий для 168 белуджей. Впоследствии завод обещал нанять еще 344 чел., что обошлось бы компании в 70 млн. рупий ежегодно. Более того, наваб Акбар Бугти получал 2 млн. рупий в месяц – за это он обещал объявить Суи Специальной охраняемой зоной и обеспечить бесперебойные поставки газа по всей стране⁴. Скорее всего, достигнутая договоренность объяснялась тем обстоятельством, что США, оказавшись не в состоянии контролировать бесперебойность и безопасность поставок туркменского газа в Южную Азию, отказались от строительства трансафганского газопровода.

Индия, со своей стороны, отдала предпочтение иранскому варианту, по которому газопровод должен быть проложен от месторождения Южный Парс (запасы оцениваются в 12 трлн. кубометров). Первоначально прокладка предполагалась по шель-

фовой зоне Аравийского моря (вариант, поддерживаемый РАО «Газпром»), однако главная заинтересованная сторона – Индия – из-за экономической рентабельности избрала сухопутный маршрут через Белуджистан. В январе 2005 г. газовый комплекс в Суи подвергся террористической атаке со стороны местных диверсантов, обстрелявших его из минометов. Поставки газа по всей стране были частично приостановлены на 8 дней, что принесло ущерб национальной экономике в 440 млн. Рупий⁵.

В будущем, если через территорию Белуджистана будут проложены стратегические газопроводы из Ирана или Туркменистана, могут возникнуть и другие, более «дорогостоящие» (по сравнению с природными катаклизмами) проблемы, которые превратят эту пакистанскую провинцию во взрывоопасный регион. По самому тяжелому сценарию, подобная финансовая битва за газ, поставляемый на индийский и пакистанский рынки, вполне может привести к слиянию белуджского национализма с экстремизмом и международным терроризмом, а сам регион способен превратиться в новый очаг внутриполитической и geopolитической дестабилизации. Видимо, основные направления социально-экономического развития Белуджистана, как и в прежние годы, будут определяться не столько ресурсным потенциалом провинции и национальными интересами Пакистана, сколько внешними факторами.

В настоящее время главным инвестором в транспортную инфраструктуру Белуджистана является Китай, который выделил Пакистану 200 млн. долл. на строительство глубоководного порта в Гвадаре, в то время как пакистансское правительство планирует связать этот новый порт на Макранском побережье новыми магистралями с Карачи, Кветтой и Лахором с последующим выходом на Каракорумское шоссе⁶. Следует, однако, не забывать, что еще в Специальном плане развития Белуджистана, разработанном экспертами ВБ в 1980 г., особо отмечалась специфика природно-климатических условий этого региона, которая «затруднит строительство транспортной системы и сделает его дорогостоящим»⁷. В любом случае, договариваясь между собой о разделении сфер влияния на территории пакистанского Белуджистана, ни США, ни Китай, ни Иран уже не могут не учитывать и мнения сардаров (официально представляющих интересы коренного населения провинции). В противном случае может повториться ситуация по аналогии с афган-

скими талибами, когда ни один из зарубежных инвесторов уже не захочет вкладывать финансы и вести транспортные коридоры через «неспокойный Афганистан».

Но в то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что внешняя экономическая помощь может усилить напряженность в отношениях между федеральным правительством и пакистанскими белуджами. Так, многие белуджи полагают, что большинство проектов развития, как, например, порта Гвадар, нацелено на привлечение внешней рабочей силы. Это, по их мнению, не только лишит возможностей трудоустройства коренных жителей, но и изменит демографический состав провинции. При подобных обстоятельствах вполне естественным является рост сепаратистских настроений.

Согласно последним официальным данным, в этническом составе 54,7% населения представлено белуджами и брагуями, а 29% – пуштунами. Однако уже в этих цифрах кроется довольно глубокое противоречие, поскольку пуштунские лидеры эти данные отрицают, настаивая на 40-процентной доле своих одноплеменников в общей численности населения провинции. Белуджи же утверждают, что официально зарегистрированное пуштунское население включает большую долю афганских беженцев, живущих по подложным документам и получивших статус постоянных жителей⁸.

По подсчетам Ю.В. Ганковского, уже в середине 70-х годов в провинции белуджи составляли большинство населения только в округах Каччи, Харан, Макран, Сиби и Чагай. В округах Кветта-Пишин, Лоралай, Зхоб, находящихся в северо-восточной части провинции, большинство населения составляют пуштуны, в округе Лас-Бела – синдхи. Кроме них в провинции проживают панджабцы (в округах Кветта-Пишин, Лоралай, Каччи и Сиби), «мухаджиры» – переселенцы из Индии и их потомки (главным образом в округе Кветта-Пишин), а также парсы (в округе Макран)⁹.

Белуджи, проживающие на территории Пакистана, делятся на две группы: макрани – на юго-западе, получившие свое название от исторической провинции Макран, протянувшейся вдоль побережья Аравийского моря, и сулеймани (от Сулеймановых гор) – на северо-востоке. Между ними лежит округ Калат (до октября 1955 г. – княжество Калат), населенный небольшой дравидоязычной народностью – брагуями. Белуджи-макрани (как и белуджи Ирана и Афганистана) говорят на западных

диалектах языка балучи, который входит в северо-западную подгруппу иранской группы языков. Белуджи-сулеймани говорят на восточных диалектах этого языка.

Большинство белуджей являются суннитами, придерживающимися ханифитской школы. К шиитам Белуджистана относятся хазарейцы, переселившиеся в Британскую Индию (а также в Иран) из Центрального Афганистана в 1880–1890-е гг. Хазарейцы, считающие себя потомками Чингиз-хана, проживают в восточной части округа Кветта-Пишин, славятся пристрастием к военной службе, привитым им еще британцами, гордятся высокими спортивными достижениями. В последние годы наметилась тенденция резко возросшей тяги молодых хазарейцев к высшему образованию (как в стране, так и за рубежом), равно как и активное участие молодежи в различных общественно-политических организациях на окружном уровне. Так, например, своим активным участием в различных экологических программах в Кветте выделяются такие молодежные организации, как *Nasal Noa*, *Hazara Progressive Forum*, *Milo Shaheed Trust* и *Ittehad Jawanan Hazara*¹⁰. После исламской революции 1979 г. Иран стал активно развивать культурные связи с пакистанскими хазарейцами, расширив трансляцию радиопередач на дари, организуя ежегодные паломничества шиитов на различные религиозные мероприятия (например, на годовщину смерти Хомейни), приглашая хазарейцев на обучение, делая при этом основную ставку на молодежь¹¹.

Похоже, что примеру Ирана последовали и США, которые, придавая особое значение культурно-просветительской работе с молодежью, применили избирательный подход. Основное внимание было отведено молодому поколению макрани, которые еще в середине 80-х годов попали в основные спонсорские проекты по обучению студентов в США или Европе. «Белуджские националисты расценили это как попытку внести сепаратизм и отделить Макран от Белуджистана, что укрепило бы позиции США в стратегически важном регионе», – считает известный политолог Хамза Алави¹².

Начиная с 80-х годов значительно обострилась напряженность в отношениях между белуджами и пуштунскими переселенцами из СЗПП. Пуштунские племена, во главе которых стоят влиятельные землевладельцы, расселяются, как правило, на наиболее плодородных землях Белуджистана, расположенных в северных, пограничных с СЗПП районах. Естественно,

что расселение выходцев из соседней провинции на наиболее плодородных землях становится причиной их соперничества с местным населением за ограниченные земельные и водные ресурсы, что не может не вызвать обострения этнических по форме и социальных по существу конфликтов. Пуштунская племенная система с ее эгалитарным характером больше подходит для развития частного предпринимательства, чем иерархическая белуджская система¹³, поэтому многие пуштуны стали процветающими ростовщиками, коммерсантами и землевладельцами. Верхушка пуштунов все активнее добивается выделения северо-восточных округов Белуджистана в отдельную провинцию или автономный округ, в то время как белуджские националисты выступают за лингвистическую демаркацию пакистанских провинциальных границ. Определенные разногласия существуют в отношении смешанных этнических районов – Зхоб, Лоралаи, Кветта, восточный Чагаи, где проживает примерно равное количество пуштунов и белуджей.

Для белуджей проблема постоянно растущего пуштунского населения уже давно стала традиционно нервозной. В свое время генерал М. Зия-уль-Хак собирался провести административную реформу, но не успел. Беназир Бхутто, со своей стороны, обещала рассмотреть вопрос об этносоциальных конфликтах в Белуджистане, но также не успела. Генерал П. Мушарраф был явно склонен к защите интересов Панджаба, а нынешний президент Асиф Али Зардари пока только обещает провести административную реформу – изменить структуру округов и перекроить границы внутри провинции.

Вместе с тем необходимо отметить, что в последние годы появились свидетельства о консолидации пуштунских и белуджских сепаратистов под флагом исламской солидарности ради вооруженной борьбы с общим врагом (будь то федеральный центр или войска НАТО в Афганистане). К доказательствам этого можно отнести свободную миграцию боевиков через пакистано-афганскую границу, равно как и совместное обучение в лагерях мобильного базирования боевиков Талибана и членов Армии освобождения Белуджистана (АОБ). Пуштунско-белуджские противоречия отходят как бы на второй план, меняя нюансы, но не свою этносоциальную основу.

Придавая повышенное значение этнодемографическому положению в собственной провинции, довольно часто белуджские националисты акцентируют внимание и на растущей чис-

ленности белуджей в соседнем Синде, главным образом в округах Джакокобад, Ларкана, Даду и Гавабшах. Хотя в настоящее время ни в одном из округов белуджи не составляют большинства жителей (в округах Верхнего Синда – от 10 до 30% населения), однако численность их возрастает здесь очень быстро и уже превысила 1 млн. человек. По мнению известного политического деятеля Синда (белуджа по национальности) Мира Али Ахмед Тальпуря, уже в 1980 г. в Синде проживало 1,4 млн. белуджей, говорящих на своем родном языке, и около 2 млн. белуджей по этническому происхождению, которые уже забыли язык¹⁴.

Многие белуджи переселились в Синд несколько столетий назад, некоторые, например, династия Тальпуров, заняла прочные позиции не только на провинциальном, но и на государственном уровне. Влившись в жизнь синдхов, переселенцы сохраняют этнические традиции белуджей, однако не столь активно поддерживают националистическую борьбу, как, например, более поздние переселенцы в промышленных районах Карачи. По мнению Хамза Алави, до 1947 г. большинство рабочих в Карачи составляли белуджи, переселившиеся сюда с Макранского побережья. Но после раздела Британской Индии в таких промышленных центрах Синда, как Карачи, Хайдарабад и Суккур, стала стремительно возрастать доля «мухаджиров»¹⁵. В настоящее время белуджи составляют примерно 4% населения Карачи. Следует отметить, что среди них много отходников – выходцев из Иранского Белуджистана, а также белуджской молодежи, приезжающей в Карачи из Ирана на учебу, причем не только в светские, но и в религиозные школы.

Проживание столь большого количества белуджей в Синде привело к определенному сближению между синдхскими и белуджскими лидерами. Во время столкновений между «мухаджирами» и синдхами, которые произошли в Карачи в 1995 г., белуджская диаспора оказалась на стороне коренного населения. (Для сравнения: во время вооруженных столкновений между белуджскими националистами и правительственными войсками в 1973–1976 гг. два сына Тальпуря сражались в рядах Белуджского народного освободительного Фронта – БНОФ). По мнению Мира Али Ахмед Тальпуря, «если случится худшее из худшего и Пакистан распадется, белуджи и синдхи будут вместе. Они любят друг друга и вполне могут создать федеративное государство Синда и Белуджистана. Но мы, конечно, хотим, чтобы Пакистан сохранился»¹⁶.

Одной из наиболее важных проблем является широкое расселение белуджей, поскольку их историческая родина оказалась разделенной между Пакистаном, Ираном и Афганистаном.

Иран является единственным государством, не заинтересованным в распространении этнического и религиозного сепаратизма непосредственно в пакистанском Белуджистане. Основным направлением его внешней политики стала экономическая помощь под флагом исламской солидарности путем развития приграничной торговли и поддержки бедных районов вдоль границы иранской провинции Систан с Белуджистаном. Главная цель подобной политики Тегерана – сохранить социальную и политическую стабильность в пакистанской провинции и не допустить развития движения за создание Великого Белуджистана. Выступая за расширение приграничной торговли с Пакистаном, Иран, естественно, является и инициатором развития транспортной инфраструктуры в пакистанском Белуджистане. Так, в декабре 2005 года в Захедане состоялась встреча совместной ирано-пакистанской комиссии, в ходе которой обсуждались вопросы расширения торгового оборота при использовании железной дороги Захедан – Кветта. Подобные заседания совместной комиссии по железным дорогам должны стать регулярными и проводиться раз в полгода¹⁷.

Теоретически пакистанские белуджи-националисты могли бы опираться на поддержку со стороны белуджей, проживающих в Афганистане, однако последние сами нуждались в материальной помощи. Параллельно высказывалось мнение, что представители пуштунского движения «Талибан» «вовсе нечувствуют белуджскому движению»¹⁸. Факты дальнейшей истории внутриполитического развития Белуджистана свидетельствовали, однако, об обратном. Так, на страницах пакистанских газет появилась информация о том, что вынужденная уйти в подполье Армия освобождения Белуджистана (АОБ) вступила в контакт с представителями движения «Талибан». В ноябре 2007 г. пакистанские газеты сообщили о ликвидации Навабзады Балач Марри, возглавлявшего АОБ, – по некоторым данным, он был убит вместе со своими охранниками на афганской территории в бою с силами безопасности. По другим сведениям, его отряд был атакован авиацией НАТО в одном из районов афганской провинции Гильменд. В связи с этим сообщением в Кветте вспыхнули беспорядки, полиция и силы безопасности были приведены в боевую готовность, закрыты все учебные заведения¹⁹.

Еще в 1970–80-е годы многие белуджи в поисках работы эмигрировали в страны Персидского залива и Восточную Африку. Существуют свидетельства, что в настоящее время в Белуджистане живет примерно столько же белуджей, сколько и за его пределами. В националистической пропаганде расселенность белуджей обосновывается экономической отсталостью их белуджистанской родины. Если белуджские земли будут объединены и белуджи составят большинство, Белуджистан, по их мнению, будет иметь правительство, которое впервые будет подчинено интересам самих белуджей. Такое правительство быстро создаст основы промышленного развития, с обеспечением белуджей прекрасными условиями работы, и подобные перспективы вернут на родину эмигрантов из Синда, Панджаба и из района Персидского залива. Националисты заявляют, что эмигрировавшие в течение последних десятилетий белуджи вернутся, так как они, во-первых, недавно покинули свои семьи, во-вторых, как правило, не имеют возможностей для социального роста в тех районах, куда они переехали. Именно эта большая по значению, но маленькая по численности прослойка квалифицированных рабочих могла бы внести максимальный вклад в развитие независимого Белуджистана, но потеряла бы больше, если бы отказалась от своих нынешних ставок.

При военном режиме генерала П. Мушаррафа белуджские националисты постепенно были отстранены от власти не только на федеральном, но и на провинциальном уровне. После того как в октябре 2002 г. в результате выборов в законодательное собрание провинции к власти в Белуджистане пришло коалиционное правительство Пакистанской мусульманской лиги им. Каид-и-Азама (ПМЛ(К)) и альянса религиозных партий Муттакида Маджлис-е Амаль (ММА), вожди крупнейших племен выступили против масштабных проектов правительства по развитию Белуджистана, утверждая, что они не возражают против развития как такового, но не согласны с ущемлением гражданских прав белуджского народа. В основе их недовольства лежит несправедливость распределения долей в доходах от добычи газа в провинции, дискриминация белуджей при осуществлении на территории Белуджистана мегапроектов, а также отсутствие должного представительства во властных структурах провинции. По словам самих белуджских сардаров, их отношения с представителями федеральной власти резко

ухудшились из-за «намерений П. Мушаррафа разрабатывать крупнейшее в стране газовое месторождение, проложить через территорию провинции газопровод из Ирана и построить стратегический глубоководный морской порт для расширения торговли с Китаем»²⁰. Несмотря на то, что Пакистан является важным союзником США в борьбе против терроризма, федеральная власть передислоцировала часть армейских контингентов с территории СЗПП (где были сосредоточены основные отряды «Аль-Каиды» и «Талибана») в Белуджистан – «для сведения старых счетов и ради собственного стремления по освоению ценных газоносных месторождений провинции»²¹.

После того, как в августе 2006 г. в ходе армейской операции был убит вождь племени бугти наваб Хан Акбар Бугти, движение националистических сил пошло на спад – три тысячи повстанцев, поддерживаемые в основном племенами бугти и марри, растворились среди шестимиллионного населения Белуджистана, их влияние на политическую жизнь провинции значительно ослабло. Вследствие отсутствия консолидированной белуджской оппозиции при сохранении традиционного соперничества между племенами движение белуджей стало фактически управляемым властями. Тем более, что в рамках подобного межплеменного соперничества, как и в прежние годы, наблюдалось стремление сардаров отдельных племен опереться на помощь и поддержку Центра. В первую очередь на подобный компромисс шли влиятельные представители имущей белуджской верхушки, тесно связанные деловыми интересами с крупным пакистанским бизнесом и получающие свои доходы главным образом из источников, лежащих за пределами Белуджистана. Представители крупных племен предпочитали либо вступать в альянс с общепакистанскими партиями, либо бойкотировать выборы.

Сказанное подтверждают итоги выборов в законодательное собрание провинции, состоявшихся в феврале 2008 г., когда большинство националистических партий бойкотировало выборы, а около 4 тыс. представителей оппозиции, выступавших за большую автономию провинции, просто «исчезли» с политической арены накануне выборов (с помощью армейских зачисток). Вождь племени марри 80-летний Наваб Хайр Бахш Марри демонстративно проигнорировал выборы, обвинив в «бессовестности» как ПМЛ (К) и лично президента Мушаррафа, так и ПНП во главе с Азифом Зардари. (Один из сыновей

Наваба Марри вел повстанческую войну и был убит в 2007 г., другой был арестован по обвинению в терроризме в Лондоне). При общей низкой явке избирателей (в округе Дера Бугти она составила 40%, а в Макране – лишь 2,8%) победу одержали пропрезидентская ПМЛ(К) и ПНП.

Единственная относительно крупная политическая организация, объединяющая представителей различных племен, – Армия освобождения Белуджистана (АОБ), называемая представителями федеральной власти «темной террористической группой, финансируемой Индией»²². Ориентировочно она была возрождена в 2004 г. племенем марри из Белуджского народного освободительного фронта (БНОФ) – организации, которая вела вооруженную борьбу против федеральных властей еще в 1973–1976 гг. Вскоре к ней присоединились члены племени бугти и менгал. В целом же сведения о численном составе и структуре АОБ весьма противоречивы: по некоторым данным, эта организация объединила в одну военизированную структуру БНОФ и Белуджский освободительный фронт (БОФ), по другим – БОФ действует исключительно в южных районах Белуджистана, однако координирует свою работу с АОБ. В то же время в феврале 2005 г. (то есть за полтора года до своей смерти) Наваб Бугти сообщил, что АОБ, БОФ и БНОФ – это «различные группы или организации», а потому «что бы они ни делали, они делают самостоятельно, не спрашивая при этом никого»²³.

Тактика борьбы АОБ против федеральной власти предусматривала осуществление диверсий на газодобывающих предприятиях, вооруженные нападения на военные подразделения, минирование путей сообщения, убийства китайских специалистов в Гвадаре. В апреле 2006 г. МВД Пакистана объявило АОБ вне закона (хотя до этого Исламабад в течение длительного времени вообще не признавал ее существования). Перед специальными антитеррористическими судами по обвинению в принадлежности к АОБ или в соучастии в ее деятельности предстали некоторые функционеры партии, а в июле 2006 г. были заморожены банковские счета 42 членов АОБ, из которых 25 являлись членами семьи Наваба Бугти²⁴.

После того, как АОБ оказалась на нелегальном положении, ее структура по сути распалась на разрозненные группировки, все чаще прибегающие к экстремистским формам борьбы с федеральной властью.

Много вопросов вызывают источники финансовой поддержки АОБ, а также поставки оружия. Правительство Пакистана непреклонно настаивает на политической и материальной поддержке со стороны Индии. В настоящее время, по мнению экспертов, главными источниками финансовой поддержки белуджских националистов являются, во-первых, наркоторговля (бартер «наркотики в обмен на оружие») и, во-вторых, довольно мощная и преуспевающая белуджская диаспора, проживающая в странах Персидского залива²⁵.

Помимо АОБ, в настоящее время на территории пакистанского Белуджистана (как, впрочем, и за его пределами) действуют три сепаратистские группировки – Объединенный фронт освобождения Белуджистана (ОФОБ или Baluchistan Liberation United Front, BLUF), молодежный фронт и группировка суннитских повстанцев "Джундалла", за которой прослеживается рука США. Эта группировка взяла на себя ответственность за взрыв на территории иранского Систана и Белуджистана в г. Сарбазе 18 октября 2009 г., когда жертвами теракта стали 15 военнослужащих Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Члены молодежного фронта, являющиеся частью диаспоры и живущие в Кабуле, Кандагаре, Дубае, Лондоне, Брюсселе и Женеве, все чаще прибегают к терактам в Белуджистане, однако не пользуются поддержкой со стороны местной политической элиты (которая опасается внешнего, прежде всего индийского, влияния на белуджскую молодежь)²⁶. Все перечисленные группировки имеют довольно сильные связи среди белуджской диаспоры, проживающей в Карачи – главном торгово-экономическом и финансовом центре Пакистана²⁷.

Достоверных сведений о том, действуют ли эти группировки разрозненно, или же как взаимосвязанные звенья одной цепи, нет. Однако доподлинно известно, что важным источником финансирования белуджского национализма являются денежные переводы от рабочих из стран Персидского залива. Появились сообщения, что финансовую помощь повстанцам оказывают Саудовская Аравия и ОАЭ – прежде всего членам ОФОБ и молодежного фронта.

США, со своей стороны, оказывая негласную поддержку группировке «Джундалла», беспрепятственно проникающей на территорию Ирана, высказывают резко негативную реакцию по поводу практически открытой пакистано-афганской границы (что способствует беспрепятственному перемещению как бое-

виков-талибов, так и оружия). Так, НАТО располагает неопровергимыми сведениями о системе снабжения «Талибана» в Белуджистане, начиная с тренировочных лагерей вблизи Кветты и кончая огромными арсеналами, пунктами переброски новых вооружений и местами встреч руководства «Талибана» в столице провинции²⁸. «Талибан» использует сотни местных медресе, находящихся в ведении «Джамиат-уль-улама-и-Пакистан» (ДУП), для размещения боевиков и их подготовки перед отправлением на фронт. В некоторых лагерях мобильного базирования, расположенных на территории Белуджистана, осуществляются диверсионная подготовка и обучение не только боевиков «Талибана» (забрасываемых на афганскую территорию), но и местных сепаратистских структур.

О том, насколько важным является Белуджистан для США, свидетельствует доклад "Белуджский национализм и политика энергоресурсов: меняющийся контекст сепаратизма в Пакистане", подготовленный Институтом стратегических исследований Пентагона²⁹. Согласно докладу, Китай в регионе должен быть обязательно изолирован, поэтому единственный приемлемый для США сценарий – это взять Гвадар под свой контроль. Порт может быть использован как для блокады газопровода Иран–Пакистан–Индия, так и для снабжения американских войск в Афганистане через провинции Гильменд и Кандагар. Положение осложняется тем обстоятельством, что «Талибан», закрепившись на территории СЗПП, все активнее распространяется по Белуджистану (с заселенными пуштунами северных районов в южном направлении). В Исламабаде не могут не понимать, что американские спецслужбы, планомерно подкупая лидеров белуджского движения (под прикрытием борьбы с «Талибаном»), намерены использовать это движение для "балканизации" и распада страны. Вполне вероятно, что из всех заинтересованных сторон именно белуджи сохраняют за собой право решающего голоса при определении дальнейшей судьбы Белуджистана (а следовательно, и Пакистана).

Современный Белуджистан напоминает мину замедленного действия, поскольку пока у центральной власти и армии имеется достаточно сил для сдерживания сепаратизма в этой провинции, но их главное внимание сосредоточено на афганских боевиках-талибах и нестабильности в СЗПП. Однако федеральное правительство по-прежнему не прислушивается к требованиям коренных жителей Белуджистана, которые хотят

автономии и справедливого распределения доходов от эксплуатации природных ресурсов. «Сегодня белуджские боевики, возможно, решили приостановить антиправительственные выступления, – писала карачинская газета «*Dawn*» в августе 2008 г. – Но сохранить мир будет трудно, пока не будут приняты широкие меры по выполнению обещаний, даваемых белуджам разными правительствами»³⁰. Поскольку Асиф Али Зардари, как, впрочем, и все его предшественники, не стремится к выполнению данных обещаний, достигнутое равновесие выглядит крайне неустойчивым.

¹ Emma Duncan. *Breaking the Curfew. A Political Journey through Pakistan*. London. Michnel Joseph, Penguin Group. 1989, с. 161.

² Emma Duncan. *Breaking the Curfew*, с. 164.

³ Dawn, Karachi, 21.10.2001.

⁴ The News, Islamabad, 29.01.2005.

⁵ The News, Islamabad, 29.01.2005.

⁶ Подробнее см.: The News, Islamabad, 25.08.2004.

⁷ Special Development Plan for Baluchistan, с. 5.

⁸ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan. Asia Report No 117 – 14 September 2006. – International Crisis Group. Islamabad/Brussels, 14 September 2006, с. 2.

⁹ Ганковский Ю.В. Этносоциальная характеристика брагуйско-белуджского населения Пакистана (середина 70-х годов) // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 13. М.,Н., 1983, с. 164.

¹⁰ Mansoor Akbar Kundi. The Hazars. Profile of the Community // Dawn, 15.12.1995.

¹¹ Dawn, 15.12.1995.

¹² Hamza Alavi. Politics of Ethnicity in Pakistan // Link. New Delhi, 28.02.1988, с. 17.

¹³ Selig S. Harrison. In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. – Carnegie Endowment for International Peace. N.Y., Wash., 1981, с. 38.

¹⁴ Selig S. Harrison. In Afghanistan's Shadow, с. 177.

¹⁵ Hamza Alavi. Politics of Ethnicity in Pakistan // Link. New Delhi, 28.02.1988, с. 21.

¹⁶ Selig S. Harrison. In Afghanistan's Shadow, с. 179.

¹⁷ <http://news.iran.ru/news/2005-26-12>.

¹⁸ Pakistan. The Worcening conflict in Baluchistan..., с. 26.

¹⁹ www.izvestia.ru/news/news/155130/2007/22-11.

²⁰ Carlotta Gall. Pakistani Tribal War May Disrupt Fight Against Al Qaeda // The New York Times, 24.04.2006.

²¹ Там же.

²² Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan..., c. 12.

²³ Newsline, Karachi, February 2005.

²⁴ Dawn, Karachi, 21.07.2006.

²⁵ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan..., c. 26.

²⁶ Yusufzai R. The Baluch insurgency is no bluff // The News, Islamabad, 3.11.2009.

²⁷ Восстанию в Белуджистане не видно конца. –

<http://www.svobodanews.ru/content/Article/2006/21/04>.

²⁸ Рашид А. Командование НАТО требует, чтобы Пакистан отказался от предоставления убежища Талибану // Eurasianet. –

<http://eurasianet.org/index/2006-10-10>.

²⁹ Белуджистан как последний трофей – www.warandpeace.ru/2009-23-05.

³⁰ More for the Baluch // Dawn, 24.08.2008.

И.Н.Серенко

РЕФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И УСИЛЕНИЕ ИСЛАМИСТСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПАКИСТАНЕ

Одной из важнейших проблем современного мира остается борьба с международным терроризмом, покушающимся на государственные и общественные устои сложившегося миропорядка и претендующим на мировой диктат. Формирование нового толерантного поколения, способного справиться с этой «чумой XXI века», выступает в качестве основного императива наших дней. Первоочередная роль здесь отводится всей системе образовательных институтов, включающей в себя как традиционные, так и современные компоненты.

Наиболее эффективно эти вопросы могут решаться при условии постоянного совершенствования учебно-воспитательного процесса с упором на воспитание молодого поколения в духе терпимости и ненасилия на основе планетарной этики, способной вывести человечество на путь межцивилизационного понимания и взаимодействия. Недооценка образования или смещение образовательного баланса в сторону традионализма и политизации может привести к прямо противоположным, негативным последствиям – распространению идеологии насилия и экстремистских взглядов.

Примером тому может служить Исламская Республика Пакистан – государство, оказавшееся в центре глобальной борьбы с международным терроризмом. В последнее время здесь наблюдается процесс усиления исламистской активности на фоне дальнейшей радикализации пакистанского общества в целом.

Об этом свидетельствуют, например, военные операции пакистанских войск против боевиков исламистской сети «Талибан» – «Аль Каида» в Южном Вазиристане, сопровождаемые резким усилением террористической активности в раз-

личных городских ареалах страны.¹ Можно говорить о постепенном расширении географии исламистского влияния в Пакистане: помимо Северо-Западной провинции (СЗПП) и Территорий племен федерального управления (ТПФУ), ему теперь подвержен и Панджаб, где сконцентрировано около 60% населения страны. Наибольшая активность исламистов отмечается в южных районах данной провинции, известных как Территории сирайки, где проживает 27 млн. чел.²

Можно согласиться с оценкой последних событий ведущим пакистанским аналитиком А. Сиддике, которая считает, что «боевики хотят дестабилизировать страну и добиваются смещения правительства. ...«Аль Каида» и «Талибан» распространяли свое влияние уже и на Панджаб, в связи с чем правительству и вооруженным силам пора осознать исходящую из этого угрозу».³

Укрепление позиций исламистов и их идеологии не в последнюю очередь связано с провалом реформы религиозного образования в Пакистане (2001–2009). Она была направлена на осуществление государственного контроля за учебно-финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их постепенную интеграцию в общий поток школ с целью ликвидации идеологической базы и материальной инфраструктуры религиозного экстремизма и радикализма.

В стране в соответствии с Указом тогдашнего президента П. Мушаррафа от 18 августа 2001 г. было учреждено специальное Федеральное ведомство религиозного образования, которое должно было отвечать за обновление учебных планов и программ теологических школ, создание образцовых государственных медресе нового типа. Стоит сказать, что в рамках реформы было открыто всего лишь три таких медресе (в Исламабаде, Карачи и Суккуре).

Помимо этого, в 2002 г. был принят Закон о добровольной регистрации и регулировании деятельности религиозных учебных заведений Пакистана. Регламентировался государственный контроль за обучением в них иностранцев, которые прибывают на учебу в основном из Афганистана, Саудовской Аравии, Йемена, Ливии, Туниса и Марокко. В течение 5 лет планировалось интегрировать в систему школ до 8 тыс. медресе. На проведение реформы религиозного образования было выделено 5,8 млрд. рупий.⁴

Курс пакистанского руководства на модернизацию образовательной системы нашел широкую поддержку у мирового сообщества, в первую очередь у США и их западных союзников, которые предоставили Пакистану на эти цели значительную финансовую и материально-техническую помощь. Так, в 2002–2005 гг. американская помощь Пакистану составила 100 млн. долл. Она предназначалась исключительно для реформирования национальной системы образования, включая теологические институты.⁵

После июльских терактов в Лондоне, где прослеживался пакистанский след, государственная регистрация теологических школ (во многом под давлением западных стран) стала уже обязательной.⁶ Пакистанское руководство внесло поправку № 22 от 21 августа 2005 г. в действующий еще с колониальных времен Закон о регистрации общественных организаций (1860), на основе которого и функционировали религиозные учебные заведения Пакистана. В соответствии с ней все семинарии, не прошедшие государственной аудиторской проверки (в срок до 31 декабря 2005 г.), подлежали закрытию, а студенты-иностранныцы – депортации на родину.

Однако заявленные пакистанским руководством меры по модернизации религиозной системы образования не были подкреплены жесткой и последовательной политикой по ее практическому претворению в жизнь. Столкнувшись с упорным сопротивлением образовательным нововведениям государства со стороны религиозных консерваторов, правящие круги ограничились набором полумер, уступок и компромиссов, опасаясь нежелательной конфронтации с происламскими силами. Это позволило последним, объединившись, значительно укрепить свои позиции и отстоять в конечном итоге автономность теологических учебных заведений.

Количественное распределение медресе в различных регионах страны, по официальным данным Федерального министерства образования (2007), представляло собой следующую картину: большинство медресе находилось в Панджабе – 5459, в СЗПП их количество было также значительным – 2843, в Синде – 1935, на Северных территориях страны (северные районы бывшего княжества Джамму и Кашмир, подконтрольные Пакистану с 1947 г.) – 1193, в Белуджистане – 769, в Азад Кашмире (юго-западные территории бывшего княжества Джамму и Кашмир, также подконтрольные Пакистану с 1947 г.) – 586,

на Территориях племен федерального управления – 135, в Исламабаде – 77 теологических учебных заведений.⁷

Справедливости ради стоит признать, что традиционные мусульманские учебные заведения стали альтернативой современной официальной общеобразовательной системе, не справляющейся самостоятельно с предоставлением образовательных услуг населению. Компенсируя в определенной мере отсутствие доступа к ней малоимущей части пакистанского общества, медресе одновременно выполняют и своего рода роль центров по социальной защите обездоленных детей и подростков, которые получают здесь помимо знаний (преимущественно теологических), еще и бесплатное питание, кров и одежду. Как показали результаты недавнего социологического опроса учащихся пакистанских медресе (2009), именно причины социально-экономического порядка заставляют их учиться в теологических семинариях (89,58% опрошенных студентов). Осознанно сделали свой выбор в пользу обучения в медресе, мотивируя его религиозными или политическими соображениями, только 10,42% респондентов.⁸

Подводя итоги государственной реформы религиозного образования (2001–2009), Федеральное ведомство было вынуждено признать, что только 507 из 15148 медресе, функционирующих в стране, коснулась реформа. При этом современные компьютерные технологии были внедрены лишь в 30 медресе. В них на контрактной основе (2007–2010) продолжают работать 950 преподавателей. На проведение данной реформы было израсходовано 333 млн. рупий. Остальные средства (5 млрд. 426 млн. рупий) так и не были использованы из-за отказа большинства медресе принимать участие в модернизации. В целом количество студентов, обучающихся в различных медресе страны, превысило 2 млн. чел. Это составляет 5% от общего числа учащихся общеобразовательной школы (34 млн. учеников). При этом преподавательский состав медресе достигает 55 тыс. чел.⁹

Между тем, как явствует из пресс-релиза Всепакистанской Ассоциации теологических семинарий (от 27 октября 2009 г.), количество учащихся в зарегистрированных под ее началом медресе увеличилось в 2009 г. на 40% по сравнению с предыдущим годом. Ассоциацией приводятся свои, более подробные статистические данные по всем пяти Духовным управлениям религиозного образования, которые и составляют эту объедини-

ненную теологическую структуру различных богословских школ страны:

- «Деобанди» – насчитывает 12 тыс. медресе, количество студентов увеличилось с 1,9 млн. до 2,5 млн. чел.;
- «Барелви» – 6 тыс. медресе, количественный рост составил 40 тыс. студентов (с 80 тыс. до 120 тыс. чел.);
- «Ахл-и Хадис» – 466 медресе, прирост контингента учащихся составил 12 тыс. чел. (с 43 тыс. до 55 тыс. студентов);
- «Джамаат-и ислами» – 632 медресе, количество учащихся возросло с 64 тыс. до 90 тыс. студентов;
- шиитские учебные заведения насчитывают 507 медресе, где обучается более 7 тыс. учащихся.

В пресс-релизе Ассоциации сообщается также и о постепенном внедрении в учебные планы медресе некоторых современных предметов и специальностей: банковское дело, журналистика, компьютерные технологии, английский язык и т.д. Говорится о растущей популярности медресе среди населения и невозможности принять на учебу всех желающих из-за нехватки в них мест.

В целом Всепакистанская Ассоциация теологических семинарий объединяет под своим началом более 20 тыс. медресе, зарегистрированных по-прежнему в соответствии с Законом об общественных организациях (1860), без учета внесенной в него поправки. Но, по ее оценкам, в стране все еще продолжают самостоятельно функционировать и более 5 тыс. незарегистрированных семинарий.¹⁰

Официальные данные Федерального министерства по делам религий значительно разнятся по своим количественным показателям с приведенной выше статистикой. Сообщается, что к 30 июня 2009 г. только 9866 медресе получили государственную регистрацию. Большая их часть располагается в Панджабе (5355), за которым следует Синд (2852), СЗПП (1242), Белуджистан (297) и Исламабад (120).¹¹

Приведенная выше статистика и сравнительный анализ отчетов трех ведомств (2 государственных и одно теологическое) о состоянии религиозного образования в стране позволяют сделать вывод о том, что система религиозного образования сохраняет здесь статус «государства в государстве». Само же пакистанское государство не в состоянии контролировать ситуацию в данной области, и предпринятая им реформа полностью провалилась.

Попытка пакистанского руководства переложить бремя модернизации религиозных учебных заведений на силовые структуры, в частности, на Министерство внутренних дел страны в соответствии с принятой недавно очередной Национальной политикой в области образования (от 9 сентября 2009 г.), наводит на мысль об отсутствии у государства четкой и взвешенной образовательной стратегии, о его растерянности и слабости перед лицом растущей радикализации пакистанского общества и таящейся в ней угрозы безопасности и целостности страны.

Анализ последних событий в Пакистане выявляет взаимосвязь между высокой концентрацией религиозных учебных заведений экстремистской направленности и усилением исламистской активности. Примером тому может служить Панджаб, особенно его южные районы, где наблюдается постепенный отход от парадигмы умеренного ислама в сторону радикального.

За первую половину 2009 г. в Панджабе было совершено 104 теракта (из них 18 – в Лахоре и 9 – в Исламабаде), в результате которых погибло 155 чел. Из них 122 чел. стали жертвами террористов-смертников, которые совершили 9 терактов (3 – в Исламабаде, 2 – в Лахоре, 2 – в Равалпинди и по одному – в Дерагазихане и Чоквале). Ранения разной тяжести получили 595 чел. Кроме того, по меньшей мере 23 потенциальных террориста-смертника были арестованы местной полицией, что предотвратило большое число жертв среди населения.¹²

Не вдаваясь глубоко в исторический экскурс, стоит все же напомнить, что среди местного населения постепенное распространение, начиная с VIII века, получил мистико-аскетический ислам – суфизм. Этого направления в форме народного ислама с присущими ему синcretическими верованиями и ритуалами придерживается, по некоторым оценкам, до 75% населения страны.¹³ Его догматы представляет богословская школа «Барелви».

В последнее время народный ислам стал активно вытесняться пуританским, ортодоксальным исламом салафитов, выступающих за создание мусульманского государства на принципах раннего ислама. Его проповедуют богословские школы «Деобанди» и «Ахл-и Хадис». Радикальными представителями этого направления ислама, добивающимися создания мусульманского государства под лозунгами джихада, являются различные исламистские организации – такие, как «Лашкар-и

Тайаба», «Джайеш-и Мухаммад», «Харкат-ул Муджахидин», «Хизвит Техрир», «Сипайи – Сахаба Пакистан» и военизированная группировка «Лашкар-и Джангви», имеющие свои центры в Панджабе.

В целом из 35 округов Панджаба по меньшей мере 26 (в первую очередь Бахавалпур, Рахимъярхан, Музаффаргар, Фейсалабад, Джанг, Гуджранвала, Сиалкот, Лахор, Окара, Мултан, Вехари, Сахивал, Равалпинди, Атток, Чаквала, Саргодха, Мианвали и Баккар) подверглись значительной радикализации, в том числе и через сеть подконтрольных исламистским группировкам медресе.¹⁴ Заметно активизировались экстремисты и в одном из южных округов Панджаба – Дерагазихане, родине небезызвестных руководителей столичного учебно-религиозного комплекса Красной мечети – Абдул Азиза и Абдул Рашида, которые при непосредственной поддержке исламистской сети «Талибан» – «Аль-Каида» первыми сумели организовать массовые антиправительственные выступления радикально настроенных преподавателей и студентов медресе с требованием о введении шариатского правления в Пакистане (2007).

Количество медресе в округе Дерагазихан за последние 8 лет увеличилось с 200 до 600 (2001–2009). Из 241 зарегистрированных медресе, по официальным данным, 120 принадлежат Управлению религиозного образования «Деобанди», 112 – «Барелви» и 9 – «Ахл-и Хадис». Большая часть незарегистрированных медресе (110) также принадлежат богословским школам «Деобанди» и «Ахл-и Хадис».¹⁵ В округе зародилась новая тенденция по созданию мега-медресе модернистского типа, представляющих собой масштабные учебно-религиозные кампусы, способные по своей инфраструктуре выдержать конкуренцию с частными учебными заведениями общеобразовательного цикла (например, с мега-медресе Джамия Исламия Рехманния, расположенным в одноименном административном центре Дерагазихан).

В целом, по последним данным (2009), около 59% медресе подконтрольны различным происламским политическим партиям и группировкам. В зависимости от богословского толка степень политизации религиозных школ выглядит следующим образом: «Деобанди» – 82% медресе функционируют под контролем той или иной политической партии или объединения, «Барелви» – 27%, «Ахл-и Хадис» – 70%, шиитские учебные заведения – 48%. При этом такие религиозно-политические пар-

тии, как «Джамаат-и Ислами» и «Джамаат-и Улема Ислами», имеющие свою собственную сеть медресе, контролируют 65% всех религиозных учебных заведений страны.¹⁶

Результаты выборочного социологического опроса, проведенного в марте 2009 г. учеными Исламабадского Института мира среди руководителей медресе различного богословского толка, показали, что 57% респондентов расценивают войну с терроризмом как направленную исключительно против ислама и мусульман. Кроме того, 77% высказались против участия Пакистана в международной кампании по борьбе с терроризмом. При этом представители богословской школы «Деобанди» выразили мнение, что Пакистан не должен бороться с терроризмом «под давлением Запада». В ходе опроса было также выявлено причастие отдельных медресе к джихадистской деятельности (18%).¹⁷

Высокая степень политизации религиозных учебных заведений страны способствует дальнейшей радикализации пакистанского общества в целом и Южного Панджаба, в частности. Здесь может повториться ситуация, подобная Южному Вазиристану. Последствия этого будут носить для страны еще более разрушительный характер. Даже в случае благополучного завершения для Исламабада военных операций в Вазиристане, потоки боевиков из движения «Талибан» попытаются раствориться именно в Южном Панджабе, где они имеют поддержку среди исламистов в лице нового для Пакистана бренда – «Панджабских талибов», состоящих из упомянутых выше панджабских партий и группировок экстремистского толка. Консолидация этих двух исламистских сил может привести к возникновению нового очага сопротивления Исламабаду. С учетом того, что пакистанская армия укомплектована в основном панджабцами, которые вряд ли будут воевать против своих, одержать победу Исламабаду в этом поединке будет гораздо сложнее.

Нанесение точечных ударов и проведение широкомасштабных военных операций, возможно, и помогут пакистанскому руководству заглушить на какое-то время пожар исламистской активности в стране, но для его окончательной ликвидации потребуются более долгосрочные меры. Они связаны с необходимостью выкорчевывания идеологических корней террора и насилия, в первую очередь через деполитизацию религиозных учебных заведений как составной части наци-

нальной системы образования путем обновления содержания учебно-воспитательной компоненты.

Таким образом, несмотря на то, что предпринятая государством реформа религиозного образования (2001–2009) и потерпела поражение, она все же стимулировала осуществление отдельных внутрисистемных преобразований в области религиозного образования для его адаптации к реалиям современной действительности. Остается надеяться, что исламские фундаменталисты, осознав необходимость трансформации и модернизации традиционной мусульманской системы образования, дистанцируются от экстремистского крыла улемов и перейдут к практическим шагам по ее реализации в полном объеме на основе принципов толерантности и умеренности ислама.

Важным условием эффективного реформирования религиозного образования как составной части целостного процесса модернизации всей национальной системы просвещения является консолидация и конструктивное сотрудничество религиозных, государственных, академических и общественных структур Пакистана.

¹ Анализу военных действий пакистанской армии в Южном Вазиристане и росту террористической активности в Пакистане в целом посвящены многочисленные публикации отечественных и зарубежных аналитиков и пакистановедов. См., например: Кирсанов Е.Е. Пакистан: закат «Аль-Каиды»? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/16-10-09b.htm>); Замараева Н.А. Пакистан: военная операция в Южном Вазиристане (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-10-09b.htm>); Сотников В.И. Усиление террористической деятельности в Пакистане и возможные результаты новой военной операции пакистанской армии против боевиков «Талибана» в Южном Вазиристане (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-10-09a.htm>); Американские аналитики о борьбе правительства Пакистана против «Талибана» (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/21-10-09.htm>); Серенко И.Н. Пакистан: Международный исламский университет под прицелом исламистов (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/28-10-09a.htm>); Kanchan Lakshman. Speeding into the Void (South Asia Intelligence Review 8.15) /[http://www.cgi-bin/readmsg.id./](http://www.cgi-bin/readmsg.id/) и т.д.

² Dawn, Karachi, 17.02.2009.

³ Dawn, Karachi, 16.10.2009.

⁴ Education Sector Reforms. Action Plan (2001–2002 – 2005–2006).

Government of Pakistan. Ministry of Education. – Islamabad, 2004, c. 10.

⁵ Более подробно см.: Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006, с. 117–123; Пакистанская молодежь как ресурсный потенциал международного исламизма // Ближний Восток и современность. Вып. 36. М., 2008, с. 249–255.

⁶ Стоит напомнить, что в результате нескольких взрывов на транспорте британской столицы, прогремевших 7 июля 2005 года, погибло 56 человек, включая 4 террористов-смертников, двое из которых прошли курс обучения в медресе Пакистана.

⁷ Dawn, Karachi, 07.04.2007.

⁸ Dawn, Karachi, 25.09.2009.

⁹ Dawn, Karachi, 16.06.2009.

¹⁰ Dawn, Karachi, 28.10.2009.

¹¹ Dawn, Karachi, 09.09.2009.

¹² Kanchan Lakshman. Heartland Trauma (South Asia Intelligence Review 7.52) /[http://www.cgi-bin/readmsg.id./](http://www.cgi-bin/readmsg.id/).

¹³ Dawn, Karachi, 24.05.2009.

¹⁴ Kanchan Lakshman. Heartland Trauma. Op. cit.

¹⁵ Dawn, Karachi, 26.05.2009.

¹⁶ Qandeel Siddique. Weapons of mass instruction? A preliminary exploration of the link between madrassas in Pakistan and militancy. Norwegian Defence Research Establishment (FFI), 2009, c. 12.

¹⁷ Idid., c. 18.

**ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА ПАКИСТАНА,
ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКОЕ
ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

**1. Ядерное противостояние
между Индией и Пакистаном**

Ядерное противостояние между Индией и Пакистаном продолжает оказывать влияние на ядерную ситуацию в Южной Азии и на общее положение дел в области нераспространения ядерного оружия, а также на политику великих держав (Китая, России, США) в этом регионе. Динамика межгосударственных отношений между Индией и Пакистаном, их ядерного соперничества и их конфликтного потенциала колеблется между периодическими обострениями и стремлениями к урегулированию спорных вопросов. При этом вопрос о Кашмире остается главным раздражителем в двусторонних отношениях. В последнее время новым элементом этой динамики стала террористическая угроза со стороны радикальных исламистов, наиболее ярко проявившаяся в таких крупномасштабных акциях, как террористическая атака на индийский парламент в декабре 2001 г. и теракт в Мумбаи в ноябре 2008 г. Подобные деяния способны резко обострить индийско-пакистанское противостояние, в том числе и ядерное, вне зависимости от того, какие правительства находятся у власти в обеих странах в этот момент.

Обоюдная гонка ядерных вооружений продолжается в условиях действия индийско-американского соглашения по сотрудничеству в области мирной атомной энергии, а также снятия ограничений Группой ядерных поставщиков (ГЯП) на поставки Индии ядерной технологии и оборудования. Индия имеет возможность продолжать наращивание своего ядерного потенциала.

Для Пакистана же существует опасность вновь превратиться в источник распространения ядерного оружия при отсутствии надежного контроля за ним и возможности попадания ядерных активов Пакистана в руки исламистов. По имеющейся информации, международная террористическая сеть «Аль-Каида» проявляет интерес к пакистанскому ядерному оружию. Официальное расследование в Пакистане показало, что ее лидер Усама бен Ладен неоднократно встречался с пакистанскими физиками-ядерщиками, работавшими в Комиссии по атомной энергии Пакистана (КАЭП), и имевшими доступ к впечатляющим ядерным разработкам. Эти встречи происходили в то время, когда лидер «Аль-Каиды» базировался на территории Афганистана, то есть до падения там режима «Талибан». Однако остается неизвестным, получила ли «Аль-Каида» какую-либо информацию, касающуюся создания ядерного оружия или «грязной бомбы», нашла ли доступ к опасным ядерным материалам и технологиям.

В последнее время однако в зарубежных СМИ опять появились сообщения, что международная террористическая сеть «Аль-Каида» вновь заявляет о том, что способна получить доступ к пакистанским ядерным активам (ядерному оружию) и в случае их захвата готова применить его против США (имеются в виду прежде всего американские войска, находящиеся в Афганистане в составе Антитеррористической коалиции стран НАТО)¹. Что касается других исламистских пакистанских групп, то вопрос об их заинтересованности в получении доступа и возможности захвата ядерных активов Пакистана до сих пор остается открытым.

2. Индийско-американское ядерное соглашение

Индийско-американское ядерное соглашение, подписанное в июле 2005 г. и ратифицированное в 2008 г. Конгрессом США и индийским парламентом, крайне негативно сказывается на общем положении дел в области ядерного нераспространения. В мировой политике создан прецедент, когда де-факто ядерная держава Индия, не участвующая в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и зарекомендовавшая себя как его активный критик, получила карт-

бланш от официально признанной ядерной державы на сотрудничество в этой области. Хотя речь идет о контактах в области мирного атома, оно все же является легитимацией ядерного статуса Индии. В то же время ее ядерный антагонист – Пакистан – пока лишен признания своего ядерного статуса, хотя он активно его добивается, несмотря на свою сомнительную репутацию в деле ядерного распространения (деятельность нелегальной сети пакистанского физика-атомщика Абдула Кадир Хана (Abdul Qadeer Khan), раскрыта международным сообществом). Кроме того, ядерная устремленность Пакистана вызывает обоснованные опасения мирового сообщества и прежде всего США. Пакистанские ядерные активы (стратегические средства) в случае реализации наихудшего сценария развития внутриполитической ситуации в стране могут оказаться в руках исламских радикалов («Талибана») и международных террористов («Аль-Каиды»). Это может произойти в случае тотальной «талибанизации» Пакистана и прихода к власти исламистов, или в случае распада Пакистана на «лоскутные» квазигосударственные образования исламистского толка («эмираты»).

3. Внутриполитическая ситуация в Пакистане

Внутриполитическая ситуация в Пакистане в настоящее время характеризуется заметным ростом угрозы со стороны исламистских террористических групп. Эта угроза исходит в первую очередь от боевиков-исламистов, базирующихся в так называемой «Зоне племен» (Federally Administered Tribal Area – FATA), не контролируемой центральным правительством, а также в прилегающей к ней Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), расположенной на границе Пакистана с Афганистаном. Эта угроза в стране начинает носить тотальный характер, и нестабильность внутриполитического положения в Пакистане вызывает серьезные опасения международного сообщества. Неизвестно, принесет ли положительный результат «мирный политический диалог» правительства с исламистами, в рамках которого пакистанское руководство идет на ряд уступок, например, на введение шариатских судов в долине Сват, СЗПП. Отмечается также рост симпатий к исламским

радикалам как среди части гражданского населения, так и среди военных, особенно среди младшего офицерского состава и рядовых военнослужащих. Множатся случаи их отказа от участия в боевых операциях против боевиков «Талибана», и расстает дезертирство.

В настоящее время гражданское правительство в Пакистане не в состоянии самостоятельно справиться с волной террора и насилия, прежде всего с растущим числом террористических актов, осуществляемых боевиками «Талибана» и «Аль-Каиды». Недавние попытки властей отстранить военных и спецслужбы от решения политических вопросов в условиях нарастания терроризма и в случае нового острого внутриполитического кризиса в стране могут обернуться против самого правительства. Есть вероятность принятия решения военными о смешении президента Асифа Али Зардари (Asif Ali Zardari) и правительства Юсуфа Резы Гиллани (Yousuf Raza Gillani), поскольку в отличие от демократически избранных гражданских правительств, армия в Пакистане традиционно считается единственной силой, способной поддерживать определенную политическую стабильность в стране.

Однако в последнее время появились сообщения, что после того, как боевики пакистанского движения «Талибан» («Тэхрике-Талибан Пакистан») приблизились на расстояние до 100 км к столице Пакистана, армия и спецназ начали активные боевые действия против боевиков, а правительство президента Асифа Али Зардари нарушило заключенную «мирную сделку» с пакистанским «Талибаном» в Свате и отдало приказ о вытеснении боевиков-талибов из захваченных ими районов Дир, Сват и др. В настоящее время боевики (талибы) вытеснены в труднодоступные горные районы СЗПП, и пакистанская армия и спецназ готовятся к нанесению мощного охватывающего всю зону боевых действий против талибов удара в районах племен в Южном Вазиристане, оплоте лидера пакистанского «Талибана» Бейтуллы Мехсуда.²

4. Ядерная доктрина Пакистана

В Пакистане до ядерных испытаний в мае 1998 года в отличие, например, от Индии не существовало какой-либо формализованной ядерной доктрины. В то же время можно назвать

некоторые ключевые стратегические представления Исламабада, по которым можно проследить его ядерную стратегию. К ним относятся:

- минимальное убедительное ядерное сдерживание, сконцентрированное на Индии;
- принцип массивного возмездия;
- концепция применения ядерного оружия первыми;
- эквивалентное нацеливание ядерного оружия;
- децентрализованная структура ядерного командования и управления (контроля).

Не имея четко сформулированной ядерной доктрины в виде официального документа, Пакистан придерживается названных принципов, о чем можно судить как по его действиям, так и по высказываниям и интервью официальных лиц, включая президента страны. Исходя из принципа применения ядерного оружия первым (в отличие от Индии, четко заявившей, что не будет применять ядерное оружие первой), Пакистан сформулировал 4 основных условия, при которых оно будет применено против Индии. Они были раскрыты в интервью директора департамента по контролю за вооружениями и разоружению управления стратегического планирования Пакистана генерал-лейтенанта Халида Кидваи (Khalid Kidwai):

- 1) конвенциональное или ядерное нападение Индии, и захват ее большей части территории Пакистана (пространственный порог);
- 2) уничтожение Индией большей части наземных или воздушных сил Пакистана (военный порог);
- 3) нанесение Индией значительного экономического ущерба Пакистану или его экономическая блокада, организованная Индией (экономическое удушение);
- 4) осуществление Индией политической дестабилизации или крупной диверсии внутри страны (внутренняя дестабилизация)³.

Указанные факторы относятся к основным источникам пакистанской доктрины «красных линий» (под «красными линиями» подразумеваются условные границы поведения противника, нарушение которых может привести к осуществлению продекларированной ранее угрозы). В этой доктрине следует искать ответ на вопрос о ядерном пороге Исламабада, т.е. пороге применения Пакистаном ядерного оружия.

Вопрос о степени развернутости ядерных сил Пакистана до сих пор остается открытым. Можно предполагать, что в противовес индийскому «минимальному убедительному ядерному сдерживанию» (прописанному в официально принятой в августе 2003 г. индийской ядерной доктрине), такое же ядерное сдерживание Пакистана должно обладать большей вероятностью ядерного ответа (по аналогии с доктриной «гибкого реагирования» НАТО). При небольшой территории Пакистана (недостаток «стратегической глубины») и его большей по сравнению с Индией уязвимости для обычных вооружений это предполагает более высокую готовность ядерных сил к атаке⁴.

Еще один вариант применения ядерного оружия Пакистаном не исключен в том случае, если Индия предпримет ряд авиационных ударов по пакистанской территории. Базы некоторых террористических и радикальных исламских группировок расположены в пакистанских штатах Пенджаб и Синд. Бомбовый удар по этим целям содержит риск ошибочной интерпретации и моментальной эскалации кризиса до уровня ядерного.

Специфической чертой южноазиатской системы сдерживания является то, что ни индийские, ни пакистанские ядерные силы не являются оперативно развернутыми. Это дает несколько «отложенный» (recessed) эффект взаимной ядерной угрозы. Кроме того, в Индии за ядерным оружием осуществляется строгий политический контроль (проект ядерной доктрины Индии был обнародован для широкого обсуждения в августе 1999 года), не позволяющий применять его в качестве средства ведения войны без политического решения, а в Пакистане «ядерные активы» подконтрольны исключительно армии, т.е. сдерживание зависит от оперативных подходов. Это означает, что ядерное оружие в Пакистане дополняет сдерживающую функцию обычных вооружений, предполагая значительно более низкий, чем у Индии, порог его применения.

В то же время «сниженный» или «отложенный» характер индо-пакистанской системы ядерного сдерживания, т.е. взаимное неразвертывание ядерных арсеналов, является основным фактором, существенно понижающим угрозу внезапной ядерной войны. Это лишает любой вооруженный кризис во взаимоотношениях Пакистана и Индии риска моментальной эмоциональной реакции либо ошибки в интерпретации взаимных сигналов, а именно они являются основными факторами, способными спровоцировать внезапную ядерную войну.

Как отмечалось выше, Исламабад в своей ядерной доктрине придерживается принципа нанесения «первого ядерного удара», который компенсирует его слабость в области обычных вооружений. Пакистан отказался подписать с Индией соглашение о неприменении ядерного оружия первым (хотя президент Асиф Али Зардари и заявил в ноябре 2008 г. о том, что Пакистан никогда не применит ядерного оружия первым, если Индия не нападет на него)⁵. Принцип первого удара можно объяснить тем, что использование возможностей второго или ответного ядерного удара является для Пакистана проблематичным, учитывая как недостаточную стратегическую глубину территории государства, так и его весьма ограниченный экономический потенциал для создания значительного ядерного арсенала.

Учитывая тот факт, что индийско-американское ядерное соглашение предположительно дает Индии широкий простор для повышения как количественного, так и качественного состава своих ядерных сил, единственной гарантией убедительности пакистанского ядерного сдерживания остается игра на понижение ядерного порога. Как отмечает видный пакистанский аналитик Ширин Мазари (Sheerin Mazari) из Исламабадского Института стратегических исследований (PISS), «можно предполагать, что доктрина «ядерного щита» будет становиться для Пакистана все более привлекательной как символ растущей военной асимметрии между Индией и Пакистаном»⁶.

Наращивание индийской ядерной мощи в условиях ограниченных возможностей Пакистана будет диктовать Исламабаду необходимость поиска укрепления убедительности собственного ядерного сдерживания за счет рассмотрения и принятия такой известной операционной меры, как ответно-встречный удар, который служит своего рода страховкой ядерных сил от уничтожения при первом ударе противника. Пока что ни Пакистан, ни Индия не обладают средствами предупреждения ракетного нападения, однако, как представляется, они будут созданы, особенно в условиях операционализации ядерных доктрин Индии и Пакистана. Таким образом, если Индия установит системы ПРО на своей территории (такие системы уже успешно испытываются), то Пакистану придется прибегнуть к менее дорогостоящим, но тождественным мерам противодействия. В то же время строительство систем

предупреждения ракетного нападения и принятие на вооружение доктрины ответно–встречного удара, вполне соответствующих классическому сдерживанию в системе Москва – Вашингтон, окажет прямо противоположный эффект на стабильность сдерживания в Южной Азии. Учитывая географическую близость Пакистана и Индии, максимальное подлетное время баллистической ракеты составит от 5 до 7 минут, что фактически лишает государства возможности прояснения ситуации и принятия адекватного решения. В данном контексте любая ошибка или сбой системы могут привести к катастрофическим последствиям⁷.

Учитывая опасность такого варианта, другим методом обеспечения вескости ядерного сдерживания Пакистана может стать принятие концепции упреждающего удара («preemptive strike»), который должен уничтожить индийские ядерные силы в момент их подготовки к атаке. В этом случае ответной мерой Индии может стать «упреждение упреждения» («preemption of the preemption»), что выводит вероятность внезапной ядерной войны на очень высокий уровень⁸.

Тот факт, что индийский и пакистанский ядерные арсеналы значительно меньше, чем были арсеналы СССР и США в годы холодной войны (они представляют собой ядерные силы «второй ядерной эры»), в данной ситуации также является фактором, понижающим порог ядерного сдерживания. Степень страха от возможности гарантированного уничтожения друг друга значительно меньше в ситуации, когда численность населения стран превышает возможность его полного уничтожения ядерными средствами, что может создать иллюзию каких-либо перспектив после окончания ядерной войны⁹.

Как отмечает известный американский аналитик в области ядерного нераспространения в Южной Азии Питер Лавой (Peter Lavoy), «подход пакистанского правительства к использованию ядерного оружия основывается на расчете его уязвимости для обычных и ядерных сил Индии, и даже в случае возможного использования Индией невоенных инструментов для создания угрозы территориальной целостности, политической стабильности и экономической выживаемости Пакистана...»¹⁰. Поэтому стремясь иметь возможность прорабатывать различные варианты обороны, Пакистан, вероятно, продолжит свою политику использования гибкой и неопределенной ядерной доктрины.

Внутриполитическая обстановка в Пакистане и угрозы для России:

В случае неблагоприятного развития внутриполитической ситуации в Пакистане вероятна нелегальная передача чувствительных ядерных технологий «проблемным», с точки зрения ядерного распространения, странам: Ирану, КНДР, а также, возможно, Саудовской Аравии и Сирии, что создаст для России угрозу возникновения «исламского ядерного пояса» или «ядерной дуги нестабильности» по периметру южных границ СНГ и РФ.

Реальную угрозу национальной безопасности России представляют террористические угрозы, исходящие от боевиков-талибов. В частности, существует опасность «прорыва» исламистских формирований, базирующихся в Афганистане и Пакистане, к южному флангу границы России и далее на российский Северный Кавказ, что создаст обстановку нестабильности и террористической активности на этой территории.

В случае возможного перехода контроля за ядерными активами Пакистана в руки исламистски настроенных пакистанских военных существует большая вероятность того, что Иран ускорит работы по созданию собственных ядерных средств сдерживания, а Индия продолжит дальнейшее наращивание своего ядерного потенциала. Это создаст прямую угрозу безопасности России на ее южных границах и вынудит ее повысить роль ядерного оружия в национальной военной доктрине и частично пересмотреть планы по сокращению тактических ядерных боезарядов.

Оценивая стабильность системы ядерного сдерживания в регионе Южной Азии на основе ядерных доктрин Индии и Пакистана, можно прийти к следующим выводам. В индийско-пакистанской системе ядерного сдерживания основным звеном нестабильности является Пакистан, основанная на принципе первого ядерного удара, оборонная стратегия которого не сковывает, а, напротив, усугубляет склонность его политического руководства к балансированию на грани войны. Ситуация осложняется из-за опасности преднамеренного развязывания «случайной» ядерной войны между Индией и Пакистаном вследствие возможного захвата пакистанского ядерного оружия экстремистскими, террористическими или

исламо-радикальными группировками, имеющими ряд баз на территории страны¹¹.

Неоднозначность системы ядерного сдерживания между Индией и Пакистаном, вызванная, с одной стороны, «отложенным» характером ядерного возмездия, а с другой, – поведением в рамках «парадокса стабильности/нестабильности», играет скорее на понижение стабильности системы. Опасность ситуации заключается в том, что пакистанская сторона чрезмерно уповаёт на ядерный фактор, что может завести Исламабад в провоцировании Нью-Дели достаточно далеко, до точки невозврата в прежнее состояние управляемого конфликта. Результатом таких действий может быть война с применением обычных вооружений, которая сама по себе таит ряд реальных опасностей перерастания столкновения в ядерный конфликт.

Перспективы растущей асимметрии системы взаимного сдерживания, усилившейся в результате подписания индийско-американского ядерного соглашения, также способны породить двойственные последствия. С одной стороны, рост ядерной мощи Индии неизбежно приведет к понижению ядерного порога Пакистана и к возможному принятию Исламабадом на вооружение таких доктрин, как «упреждение» или «ответно-встречный удар», что сделает ядерное столкновение между Индией и Пакистаном лишь вопросом времени. С другой стороны, заметное ядерное превосходство Индии при сохранении политического контроля за ядерным оружием может привести к стабилизации поведения Пакистана в области ядерных вооружений и стимулировать его к пересмотру его складывающейся ядерной доктрины в сторону отхода от политики риска, обусловленной «парадоксом стабильности/нестабильности»¹².

Россия в налаживании политического сотрудничества с Пакистаном должна постоянно учитывать тот факт, что основой ядерной доктрины Исламабада является принцип применения ядерного оружия первым, поэтому при любой конфликтной или кризисной ситуации в регионе между Индией и Пакистаном она может перерasti в ядерную войну. Это создает реальную угрозу безопасности России на южном направлении и должно приниматься во внимание при обсуждении и формализации роли и характера ядерного оружия в российской оборонной доктрине.

**Влияние индийско-американского ядерного соглашения
на положение дел в области нераспространения
в Восточной Азии**

Несмотря на то, что американо-индийское ядерное соглашение создает для Индии возможность пользоваться благами международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, оно в то же время позволяет Дели продолжать наращивание своего военного ядерного потенциала. Это – яркий пример «двойных стандартов» США в подходе к проблеме ядерного распространения. Американо-индийское соглашение девальвирует значимость ДНЯО и снижает актуальность укрепления режима ядерного нераспространения, которое будет обсуждаться на очередной конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2010 г. Фактически, глобальный режим ДНЯО оказывается заложником политico-стратегических амбиций США, которые рассматривают укрепление своих взаимоотношений с Индией как региональной супердержавой прежде всего через призму «сдерживания» КНР.

Фактически Вашингтон ведет с Индией политическую игру, частью которой является и мирное использование атомной энергии, причем эта игра имеет четко выраженную антикитайскую направленность (что отчетливо понимают и сами индийцы). Однако Индия наряду с Китаем – растущая держава глобального уровня в XXI веке, и она хочет сама регулировать свои взаимоотношения с Китаем.

У Китая, который продолжает активное наращивание своего военно-экономического и политического потенциала, американское «сдерживание» и политico-дипломатическая «игра» Вашингтона с Индией вызывают серьезную озабоченность. Кроме того, Пекин при проведении своего внутри- и внешнеполитического курса должен также учитывать рост исламистского радикализма в Южной и Юго-Западной Азии и, возможно, в Центральной Азии, регионе, в котором он наряду с Россией имеет свои особые интересы (прежде всего будучи одним из лидеров ШОС).

Американо-индийское соглашение также способствует тому, что у Ирана и некоторых других государств может возникнуть желание, ссылаясь на «двойные стандарты» Вашингтона в подходе к ядерному нераспространению, обосновать собственную деятельность по созданию атомного оружия, мотивируя

это слабостью режима ДНЯО и необходимостью наличия ядерного оружия для защиты от возможного нападения со стороны США и/или Израиля. Это существенно затруднит поиск дипломатического варианта решения иранской ядерной проблемы. Пакистан при этом будет продолжать наращивание своего ядерного потенциала как гаранта «сдерживания» своего регионального антагониста – Индии.

В то же время индийско-американская ядерная сделка создает определенные выгоды для России, поскольку предоставляет ей возможность существенного расширения коммерческого сотрудничества с Индией в области мирного использования атомной энергии. Становятся возможными поставки ядерного топлива для индийских АЭС, в том числе построенных по американским проектам, а также строительство новых АЭС в Индии. В этих условиях для России является коммерчески выгодным также сотрудничество и с Пакистаном при определенных гарантиях со стороны Исламабада по нераспространению чувствительных ядерных материалов и технологий и постановки под контроль МАГАТЭ всей или части его мирной ядерной деятельности. В перспективе Россия могла бы осуществлять поставки в Пакистан атомных реакторов, строительство АЭС и т.п. При определенных обстоятельствах, то есть укреплении внутриполитической стабильности в Пакистане, широком сотрудничестве Исламабада с МАГАТЭ, которое бы позволило не допустить ядерного распространения из Пакистана, России было бы экономически, коммерчески и политически выгодно пойти на широкомасштабное сотрудничество с Пакистаном в области мирного использования ядерной энергии и заключить с Исламабадом соглашение наподобие американо-индийского ядерного соглашения. Это, однако, возможно лишь в условиях серьезной политической стабилизации в Пакистане.

Стремление США ограничить доступ России к широкому коммерческому сотрудничеству в области ядерной энергии и ВТС с Дели противоречит национальным интересам России и сужает политическое поле для российской дипломатии. Для России выход из этой ситуации видится во все более широком привлечении Индии к сотрудничеству, в том числе и в рамках ШОС (включая такие области, как энергетика, атомная энергетика, борьба с терроризмом и сепаратизмом, военно-техническое сотрудничество). В то же время Россия может ис-

пользовать в своих интересах и продолжающееся сотрудничество США с Пакистаном, прежде всего в области борьбы с международным терроризмом и исламским радикализмом, поддерживая усилия США и Пакистана в этом направлении и, таким образом, создавая обстановку безопасности на своих южных рубежах. Представляется, что новую стратегию президента Барака Обамы в отношении Пакистана и Афганистана России следует рассматривать в контексте своей крайней заинтересованности в стабилизации политического положения в этих двух странах и минимизации исходящих с их территории террористической и наркотической угроз. В целом политико-дипломатическая игра Вашингтона в Южной Азии, в том числе и в ядерной области, пока не создает серьезных проблем для проведения внешнеполитической линии России в этом регионе. Однако при изменении внутриполитической ситуации в Пакистане такие проблемы могут возникнуть.

Американское «сдерживание» КНР и политико-дипломатическая игра Вашингтона с Индией, вероятнее всего, будут способствовать ускоренному наращиванию и обновлению ядерного потенциала КНР и ее дальнейшему сближению в военно-политической области с Россией. Для Москвы такое сближение представляет хорошую возможность «сдерживания» геополитических амбиций США, в том числе и в Южной Азии. В то же время ускоренное наращивание Китаем ядерных вооружений может представить для России в обозримом будущем серьезную проблему в плане обеспечения ее безопасности. Оно также создаст дополнительный раздражитель в ядерном треугольнике Индия – Пакистан – Китай.

В прогнозном плане, как представляется, возможны два сценария развития ситуации в ядерной области в Южной Азии, которая напрямую затрагивает национальные интересы России и требует от нее принятия и осуществления соответствующих политико-дипломатических мер.

Сценарий 1.

*Продолжение ядерного соперничества
между Индией и Пакистаном,
и гонка ракетно-ядерных вооружений в Южной Азии*

Используя преимущества, которые ей дает американо-индийская ядерная сделка, Индия, скорее всего, в кратко- и среднесрочной перспективе продолжит наращивание своего

ядерного потенциала. Не исключено, что в то же время она будет демонстрировать приверженность декларированному ею принципу неприменения первой ядерного оружия и воздерживаться от проведения новых ядерных испытаний. Вероятно, будет происходить качественное изменение характера ядерных вооружений Индии, прежде всего с упором на тактическое ядерное оружие (на авиационных носителях и ракетах малой и средней дальности (РМД/РСД) типа «Притхви» и «Дхануш»), направленное против Пакистана, и баллистические ракеты (БР) большей дальности (типа «Агни-II» и «Агни-III») с ядерными боезарядами, которые могут быть использованы против Китая. При отсутствии провоцирующих действий со стороны Пакистана Дели ограничится рамками своей заявленной ядерной доктрины, в которой ядерное оружие рассматривается как средство сдерживания потенциального противника. Провоцирующими же действиями могут стать: 1) крупномасштабный террористический акт против Индии на ее территории, совершенный исламскими радикалами-террористами, прошедшим подготавку на территории Пакистана, или подконтрольного Пакистану т.н. «Азад Кашмира» (на урду – «Свободный Кашмир» – часть территории бывшего до 1947 г. княжества Кашмир); 2) резкое обострение внутриполитической ситуации в Пакистане с захватом власти исламскими радикалами и получением ими контроля над ядерными активами Исламабада (вариант, теоретически возможный, но маловероятный в ближайшей перспективе); 3) случайный или несанкционированный запуск носителя ядерного боезаряда со стороны Пакистана по территории Индии (вариант также возможный, но маловероятный, поскольку Пакистаном для своих стратегических активов используется американская система предупреждения подобных случаев – PAL).

Пакистан же будет и далее придерживаться принципа «минимального разумного ядерного сдерживания», которыйложен в основу «ядерной доктрины» Исламабада. В этом случае ситуация не выходит из-под контроля, и внешним для региона силам (США и России) необходимо всемерно поощрять индийско-пакистанские переговоры и принятие мер доверия и контроля в ракетно-ядерной области, учитывая ранее достигнутые между двумя странами договоренности.

Для России при этом важно, сохраняя приоритеты сотрудничества с Индией как основным стратегическим парт-

нером в Южной Азии не прекращать политического диалога с Пакистаном и подталкивать обе страны в сторону принятия еще более строгих мер доверия и контроля в ракетно-ядерной области. При этом Москве было бы полезно выдвигать собственные инициативы в области вовлечения обеих стран в содержательный диалог по данной проблематике с предложением конкретных вариантов мер доверия, безопасности и контроля. Кроме того, в рамках своих обязательств по ДНЯО как ядерной державы, можно было бы выступать в партнерстве с США, поддерживая усилия по снижению угрозы возникновения ядерного конфликта в южно-азиатском регионе.

Сценарий 2.

Негативное развитие обстановки в Южной Азии

В настоящее время сохранится вероятность обострения конфликта между Индией и Пакистаном, способного привести к новому вооруженному противостоянию между двумя странами с угрозой применения ядерного оружия, прежде всего Пакистаном. Такая ситуация гипотетична, однако возможна в случае возникновения вышеописанных провоцирующих ситуаций. Новые крупномасштабные теракты против Индии на ее территории, осуществленные исламскими радикалами из Пакистана или просочившимися из Афганистана в индийский штат Джамму и Кашмир боевиками-талибами, или тотальная «талибанизация» Пакистана способны раскрутить спираль резкого ухудшения отношений между двумя региональными антагонистами. При этом возможны провокационные концентрации войск на пакистано-индийской границе (как это было в ноябре 2008 г. после теракта в Мумбаи), рост числа инцидентов с военными обеих стран, вплоть до переброски ракетно-ядерного тактического оружия к границе, что, соответственно, понижает порог возникновения ракетно-ядерного конфликта. Возможна временная приостановка действия согласованных мер безопасности, доверия и контроля в ракетно-ядерной области, вплоть до фактической угрозы применения сторонами тактического ядерного оружия. При этом собственно применение ядерного оружия обеими сторонами возможно, но маловероятно. Вашингтон со своей стороны, скорее всего, будет проводить «превентивную челночную дипломатию», так как крайне не заинтересован в возникновении нового, хотя бы

и ограниченного, вооруженного конфликта между своими двумя южно-азиатскими партнерами (фактически, союзниками по борьбе с терроризмом), тем более с применением ядерного оружия. Несомненна опасность такого конфликта для всего мирового сообщества в смысле окончательного подрыва режима ДНЯО. Для России это означало бы серьезную угрозу для ее национальной ядерной безопасности в непосредственной близости ее южных границ. Фактически, впервые после Второй мировой войны мог бы возникнуть локальный (региональный) ядерный конфликт, который способствовал бы тому, что Россия вынуждена была бы свернуть программы контроля за вооружениями и ограничения ядерных вооружений в партнерстве с США и придать еще больший вес ядерному оружию в своей национальной военной доктрине. Еще раз подчеркнем, что такой сценарий несколько гипотетичен, но все же возможен, поэтому его необходимо учитывать в нашем анализе влияния ядерной ситуации в Южной Азии на национальные интересы России в данном регионе и в вопросе о роли и месте ядерного оружия в современном глобализированном мире.

Выводы и рекомендации

1. В политической области России следует активно выступать с инициативами по поддержанию режима ядерного нераспространения, по борьбе с распространением ОМУ и возможностью ядерного терроризма как на глобальном, так и на региональном уровнях (в частности, в регионе Южная Азия), с учетом негативного влияния, которое оказывает на решение проблемы ядерного распространения американо-индийская ядерная сделка. Следует указывать на это влияние нашим индийским друзьям и американским партнерам по переговорам о сокращении и ограничении ядерных вооружений, при этом выделяя в качестве приоритетного направления деятельности сохранение и укрепление глобального режима ДНЯО.

2. В отношениях с Индией и Пакистаном представителям этих государств следует указывать на их особую ответственность за судьбу мира в регионе, а также глобальную ответственность как де-факто обладателей ядерного

оружия в условиях существования многих неурегулированных вопросов, способных привести к конфликту между ними.

3. При любом развитии внутриполитической ситуации в Пакистане необходимо постоянно поддерживать политический диалог с властями в Исламабаде; сохранять и расширять сотрудничество с Пакистаном в области борьбы с террористической угрозой, исходящей от исламских радикалов. При этом представляется целесообразным в целом поддержать новую стратегию США по борьбе с терроризмом в Пакистане и Афганистане при условии соблюдения законных интересов РФ в этих странах.

4. Возможно предложить создать постоянно действующую рабочую группу из старших дипломатов-экспертов по Южной Азии из России, КНР, США, Великобритании, Индии, Пакистана и Японии для проведения регулярных консультаций с дипломатами Индии и Пакистана с целью обсуждения конкретных мер по укреплению ядерной безопасности в Южной Азии. Решения, принимаемые этой рабочей группой, могли бы носить рекомендательный характер при невмешательстве в процесс принятия «ядерных» политических решений правительствами Индии и Пакистана.

5. Предложить Индии и Пакистану начать регулярные консультации экспертов по линии МИДов в формате Россия–Индия и Россия–Пакистан с целью передачи накопленного опыта СССР/РФ по взаимному ядерному сдерживанию с учетом ядерной и конвенциональной асимметрии, существующей между двумя региональными антагонистами.

6. В экономической области Россия должна продолжать и по возможности расширять взаимное сотрудничество с Индией в области мирного использования атомной энергии, используя выгоды от американо-индийского ядерного соглашения и снятия ограничений ГЯП на поставки мирной ядерной технологии, оборудования и материалов в Индию. Подобное сотрудничество можно было бы начать и с Пакистаном, при условии гарантий правительства этой страны о невозобновлении деятельности частных лиц и государственных организаций по нелегальному ядерному экспорту, а также стабилизации внутриполитического положения.

7. Необходимо всемерно привлекать Индию и Пакистан как страны-наблюдатели в ШОС к обсуждению вопросов регио-

нальной безопасности в рамках ШОС, подталкивая их к обсуждению, в том числе, и вопросов ядерной безопасности.

¹ Цит. по: “Qaeda vows to fire Pakistan nukes at US”. Сообщение телекомпании “PressTV” (Иран). Июнь 2009. См:

<http://www.presstv.ir/98717.htm?sectionid=351020401>, а также “Al-Qaida chief boasts of fronts against U.S.” Июнь 2009.

См.:[http://www.canada.com/story_print.html?id=1723776&sponsor="](http://www.canada.com/story_print.html?id=1723776&sponsor=)

² См.: Pakistanis Flee Tribal Zone as Army Prepares Assault on Taliban. June 23 (Bloomberg).

<http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20670001&sid=ak3skBJ7nECY>

³ См.: Cotta Ramusino P. & Martellini M. *Nuclear Safety, Nuclear Stability and Nuclear Strategy in Pakistan // Concise Report of a Visit by Landau Network – Centro Volta*, 21 January 2002;

<http://www.lxmi.mi.infn.it/~lamdnet>, а также Bhumitra Chakma.

Pakistan’s Nuclear Doctrine and Command and Control System:

Dilemmas of Small Nuclear Forces in the Second Atomic Age //

International Security, Volume 2, Number 2 (July 2006), и Lavoy P.

Pakistan’s Nuclear Future: Security and Survivability // A Report for the Center for Contemporary Conflict, Naval Postgraduate School, Monterey, Calif., USA, c. 5, <http://www.npec-web.org//Frameset.asp?PageType-Single&PDFFile=20070123-Lavoy>

PakistanNuclearPostureSecurity&Survivabilty.pdf. Официальные представители пакистанских военных впоследствии проинформировали авторов «Landau Report», что замечания генерала Кидваи о том, что подтолкнет ответную ядерную реакцию Пакистана, были «чисто академическими». Названные официальные лица заявили: «Эти вопросы, которые так же, как и все остальное, представляют собой главным образом ответственность политического руководства, правящего страной на этот момент...».

См. Cotta Ramusino P. & Martellini M. Op. cit.

⁴ Здесь и далее автор следует за: Синовец П.А. Ядерные возможности Пакистана // Сайт Института Ближнего Востока.

<http://www.iimes.ru>

⁵ Следует отметить здесь тот факт, что президент А.А. Зардари заявил это в беседе с индийскими журналистами, что надо понимать как его желание предложить Индии инициативу со стороны Пакистана – Прим. Автора.

⁶ См. Dr. Sheerin M. Mazari. *Understanding Pakistan’s Nuclear Doctrine*. http://www.issi.org.pk/journal/2004_files/no_3/article/1a.htm,

а также: Patron Lt. Gen (Retd.) FS Lodi.*Pakistan's Nuclear Doctrine*.

<http://www.defencejournal.com/apr99/pak-nuclear-doctrine.htm>

⁷ См. Синовец П.А. Указ. соч., с. 3.

⁸ См. Синовец П.А. Указ. соч., с. 5.

⁹ См. Сотников В.И. Ядерная доктрина Пакистана // Сайт Института Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru>

¹⁰ См. Lavoy P. Op. cit., с. 5.

¹¹ См. Сотников В.И. Указ. соч., с. 4.

¹² См. Синовец П.А. Указ. соч., с. 4.